

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

Ж У Р Н А Л Ъ ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Измайловымъ.

On fait ce qu' on peut,
Et non ce qu' on veut.

~~~~~  
*ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.*  
~~~~~


САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ Морской Типографіи.

1819 года.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санкціонеръ, Марша 28 дня 1819 года.

*Исправляющій должность Цензора
Ординарный Профессоръ Яковъ Толмачевъ.*

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

АПРѢЛЬ 1819. N° VII.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ МЕЧТАМЪ.

Въ послѣдній разъ меня вы посѣщили,
Прелесныя измѣнницы — мечты;
Въ послѣдній разъ чело мнѣ прояснили,
На шерніа разсыпали цвѣты;
Въ послѣдній разъ мнѣ душу озарили
Сіяніемъ небесной красошы!
Въ вѣнцѣ изъ звѣздъ и въ розовой одѣждѣ
Фаншазія веда меня къ Надеждѣ.

*

И юныхъ дней воскресити вдохновенья
Страдальцу вновь блаженство прорекли;
Возникли вновь цвѣты воображенья
И радость мнѣ мерцала издали.
Но быспрый мигъ сердечна обольщенья

Прощекъ — и съ нимъ мечтанья ушекли!
 Даръ сладкихъ думъ, забвенье благодашно
 Исчезли вновь, на вѣкъ и не возврашно!

*

Умолкнишежь, смиренныя желанья
 Заспѣнчивой, но пламенной любви!
 Прервишеса, шоскливы ожиданья!
 Умѣрся, жаръ въ пылающей крови!
 И ты, о крошкѣй гласъ воспоминанья,
 Къ своимъ меня ошрадамъ не зови!
 Не разсправляй шѣмъ ранъ моихъ глубокихъ:
 Ошрады нѣшъ въ спраданьяхъ одинокихъ.

*

Мечты, о даръ, несчастнымъ драгоцен-
 ный!
 Мечты, въ бѣдахъ единственнѣй оплотъ!
 Пищюмецъ вашъ, на гореспъ обреченный,
 И въ васъ уже упѣхи не найдѣшъ!
 Терпѣнїемъ и Вѣрой окриленный,
 Въ другой онъ мїръ направитъ свой полѣшъ,
 Гдѣ Истина свои законы пишешъ
 И сонмъ духовъ одной любовью дышешъ.

23 Февраля 1819.

В. К. — еб.

БАСНИ.

1. *Муха и Муравей.*

Случился съ Мухой споръ у Муравья,
 И вотъ что Муха говорила:
 „Бѣдняжка Муравей! на что тебя
 Природа сотворила?
 Тебѣ и жизнь не въ жизнь! Ты вѣчно въ хло-
 посахъ,
 Съ ушра до вечера въ трудахъ,
 Въ заботахъ, попыхахъ...
 А пользы что? кой чемъ на зиму запасешься!..
 Да скуки-то дружокъ
 Чай вдоволь наберешься!
 Вотъ мой ужь подлинно завиденъ рокъ!
 Ни лѣпомъ, ни зимою
 О пищѣ я не хлопочу;
 Чего ни захочу
 Доспану все минушю одною;
 И какъ же жизнь веду!
 Примѣра не найду!
 Всегда въ весельи,
 Всегда на новосельи!
 Мнѣ всякой домъ открытъ, и я
 Не ушрждавъ себя,
 Изъ лучшаго все лучшее имѣю!
 Не пакъ ты; не мучусь, не пошѣю,
 Чшобъ для себя кусокъ какой достать!
 Да это мухамъ и не сродно:

Совсемъ неблагородно
Трудами пищу добывать
И запасать. “

— Не времяль переспать хвалишься?
Такъ Мухъ Муравей въ опѣшь:

Послушай-ка, мой свѣшь,

Тщеславиться напрасно не годился!

Съ швоею жизнь мою я не сравню никакъ;
И шоть дуракъ,

Кто вздумаетъ съ тобою согласиться!
Повѣрь мнѣ, шоть кусокъ, который до-
спаёмъ

Забошами, шрудомъ,

Всегда надежнѣе и слаще намъ бываетъ.

Къ шому же за свое никто не упрекаетъ.

А жизни шой, какую ты ведешь,

Едваль зависшниковъ найдешь!

Не спорю, ты всегда, что хочешь доспаешь,

Но развѣ не извѣшно

Съ какой опасностью, съ какимъ себѣ
спыдомъ!

Ахъ! признаюсь такой пріёмъ

Имѣшь не лестно!

Сибирскѣ.

А. Маздорфѣ.

2. Лисица и Кошка.

Лисица съ Кошкою связь шѣсную (свела,
И съ ней однажды полемъ шла.

„Не правдаль—Кошка шакъ дорогой говорила—
Что справедливимъ бытъ
И честно въ свѣшѣ жить
Прекрасно?“ — Истинно Лисица подшвер-
дила. —

Тутъ Волкъ опкуда ни возмись
И мимо ихъ промчалъ барана.

—О варварь! вскрикнула Лисица, постыдись,
Оставъ невиннаго но ахъ пирана
Легко ли убѣдишь?
Злодѣяль пристыдишь? —

Умчался Волкъ съ добычею своею
И прямо въ лѣсъ, свернушь барану шею.
—Изъ всѣхъ звѣрей
Волкъ первый, кажешся, злодѣй!
Лиса сказала Кошкѣ:

Ну можноть, милая, невиннаго давишь? —
„Ахъ, что и говоришь,

Нѣшъ въ Волкѣ совѣспи ни крошки!“
Вдругъ курица въ глаза. . . . Лиса стрѣлою
къ ней,
И то же сдѣлала, что Волкъ злодѣй,
Хотя его хулила;

А Кошка между шѣмъ мышонка задушила.

И Климычъ чеспень попому,
 Что воровашъ нѣшъ случая ему;
 А сдѣлай-ка его Судьей иль Прокуроромъ,
 Онъ будешь славнымъ воромъ.

Сибирскѣ.

А. Маздорфѣ.

3. *Конь и Кляча.*

Кляченка хилая, увидѣвши Коня,
 Кошорый збруею серебряной звѣня,
 Лепѣль на грозно поле брани,
 „Ну полно, говоришь: мнѣ скучилось ска-
 скашь
 Телѣгу и сяжелы сани,
 И я хочу, какъ Конь, во весь опоръ скакашь!“
 Пусшилась за Конемъ скакашь хвасплива
 Кляча;
 Но вотъ какая неудача!
 На первыхъ десяти шагахъ,
 Спощкнулась и пошла домой о прехъ ногахъ.

Орестѣ Соловѣ.

4. Ножъ.

Въ поварнѣ ножъ служилъ,
 Осперь, исправенъ ножикъ былъ;
 Но путь за Поваромъ грѣшокъ одинъ водился:
 Какъ Руской человекъ, винца испить любилъ,
 А вышивши, все ножъ почилъ,
 И ножъ день опо дня все поньше спановилъся.
 Его товарищъ Алексѣй
 Говариваль ему: „да полно, Федосей,
 Ну что ты ножъ безъ толку почишь:
 Вѣдь онъ и шакъ осперь; чегожь еще ты
 хочешь?“

Однако пьянаго ничемъ не урезонишь.

— Хочу,

Такъ и почу:

А ты учишель чтоль сыскался?

Поди, указывай не мнѣ,

Женѣ.

Не знаяши дѣла ты ужъ лучшебъ не совался:

Ну что въ ножъ за оспроша?

Вотъ бритва барина емуль чепа! —

Однажды, помянувъ родителей, въ Субботу
 Взялъ Федосей брусокъ и ножъ давай почишь.

„Да полно, перестань...“ — Прошу же не
 учишь;

Не киѣу для себя рабошу. —

Вдругъ ножикъ хрупъ и по поламъ!

„И ништо, по дѣламъ!“

Другъ вина смѣется вѣчно,
 Вѣчно пляшетъ и поетъ!
 Для него и средь ненастья
 Пламенѣетъ солнце счастья,
 Для него прекрасенъ свѣтъ,

*

О вино, краса вселенной,
 Нектаръ спраждущихъ сердець!
 Кто заботы и печали
 Топитъ въ пѣниспомъ фіалъ,
 Тотъ одинъ прямой мудрецъ.

Вильгельмъ К.

~~~~~

ЭПИГРАММЫ.

1.

Былъ банщикомъ Лука, вдругъ живописецемъ спалъ,
 И на заказъ шеперь поршрены ужъ снимаетъ!
 Чшо жъ дива въ этомъ нѣшь, я самъ въ себѣ
 сказалъ:
 Сперва онъ *мылѣ* людей, шеперь онъ ихъ
мараебѣ!

2.

„Вавилу знаешь ли?“—Случался видашь.—
 „Чшо скажешь объ его пы дарѣ?“

— Что о Вавилѣ мнѣ сказать?..
Весь умъ его — въ его гитарѣ.

Сибирскѣ.

А. Маздорфѣ.

МАДРИГАЛЬ.

(*Аделаидѣ Л....*)

Вы все имѣете, чѣмъ нѣжный полъ
гордится:
Пріянности, красу и свѣжесть юныхъ
лѣтъ.

Кто знаетъ разумъ вашъ — дивится;
Кто знаетъ сердце — тошъ свое вамъ оп-
даетъ.

Вас. Туланскій.

ВЪ АЛЬБОМЪ

сестрѣ моей А. А. Я... ой.

Молва идетъ, что ты мила, умна, добра:
Я поже бы сказалъ; но ты моя сестра.

М... Я.... левѣ

~~~~~

МОЯ МЫСЛЬ.

Въ опчизнѣ драгоцѣнной — съ милой
Я счастливъ въ жизни сей унылой:
Любовь родныхъ, любовь друзей
Дороже славы и чесшей.

Вас. Туманскій.

~~~~~

ШАРАДЫ.

1.

Послѣдствіе чего коль хочешь изъяснять,
Частицей первую ты можешь по сказать.
Хоть славой все мое героевъ покрываетъ;
Но всѣмъ почти тогда послѣднее бываетъ..

А. Б.

2.

Мой *первый* слогъ злосчастныхъ родъ,
 Опечесшва давно лишенный
 И море перешедшій въ бродъ;
Вторый — составъ почти неплѣнный,
 Который всякъ въ себѣ найдешъ;
 А *все* и льется и печеть.

С. П.

3.

Два слога *первые* потребны здѣсь для
 всѣхъ,
 Въ богатствѣ, въ бѣдности, для нужды и
 для ушѣхъ;
Слогъ третій какъ вопросъ всегда употреб-
 ляемъ;
 А *цѣлое* сидитъ съ ключемъ при сундукѣ,
 Во фракѣ иногда, въ мундирѣ, въ клубкѣ;
 Мы ропщемъ на него и вмѣстѣ уважаемъ.

В. К — вб.

~~~~~

(Изъ помѣщенныхъ въ No VI Шарадъ первая значить *Чело - вѣкъ*, а послѣдняя *Кол-ганъ*. Замѣтимъ здѣсь, что правильная Шарада, принимая за образецъ Французскую, должна состоять изъ двухъ только слоговъ; но двусложныхъ словъ, изъ копорыхъ можно сдѣлать Шарады, у насъ, въ Рускомъ языкѣ, очень мало.)

~~~~~

П Р О З А.

СТАРИНА.

Повѣств.

(Изъ сочиненій Пюго ле Брюна)

Господи́нь и Госпожа де Ламошь выѣхали изъ Аміена. Имъ хошѣлось взглянуть еще на Парижъ и на всѣ рѣдкости, кошорыми онъ ежедневно наполняется *).

„Что ни говори, воскликнулъ Г. де Ламошь, а искуспва приходяшь нынѣ въ совершенный упадокъ: и карешники хорошіе перевелись! Помнишь ли, моя милая, какъ легка была ша почшовая коляска, въ кошорой мы ѣхали на другой день свадьбы? “ — Какъ не помнишь, другъ мой! Да и лошади..... какъ будто лешѣли! Посмотрѣжь на эшѣхъ — насилу двигающся. —

Г. и Гжа де Ламошь любили тогда спраспно другъ друга, а влюбленнымъ хорошо во всякомъ экипажѣ. Любовь не счишала часовъ; на лошадей едва ли и

---

*) Это было писано въ 1812 году.

смотрѣли: онѣ всегда хороши, когда нѣтъ нужды торопиться.

Теперь, подѣ старосць, нашимъ опжилымъ супругамъ, все несносно: прямая дорога, лѣнивые почпальоны, повозка—всегда безпокойная, когда нечѣмъ разогнать скуки. Г. и Гжа де Ламощъ клянущъ пощъ часъ, въ копорый рѣшилась ѣхать — и нѣтъ конца дорогѣ!

„Ахъ, милая! сказалъ Г. де Ламощъ, помнишь ли какъ были прелесны тѣ рѣзвыя поселанки, копорыя плясали подѣ тѣнью большой липы, за милю опъ Ланьевиля?“ — Да, да, мой другъ! А маленькіе пасшущи, копорыя вмѣспѣ съ ними кружились и прыгали. О, какъ они были мили! — „Мы подѣзжаемъ къ этому селенію. Сегодня воскресенье и вѣрно будешь хороводъ. Остановимся тамъ на минушу.“ — Съ охопою; намъ надобно немножко опдохнуть; къ шомужъ мы ошашъ полюбуемся....

Прѣзжаютъ. Гжа де Ламощъ беретъ за руку своего мужа. Они бредущъ пошихоньку къ липѣ, споль для нихъ памяшной. Вопъ они уже въ кругу поселанъ; но чѣмъ же любоваться? Они

Взглядываюшь молча другъ на друга, дѣвлясь... Липа какъ будшо не ша: густыя вѣтви — засохли, зеленые листья — пожелѣли. — Липа все ша же, но глаза Гна и Гжи де Ламошь уже не шаковы.

Но гдѣ же шѣ паспушки, шѣ поселянки, которыми восхищались нѣкогда Г. и Гжа де Ламошь?... Тушь, одни неповорошлывы и грубы, другія — безъ души. Въ пляскѣ нѣшъ живости, удовольствіе не блиспаешъ на лицахъ, въ шѣлдвиженіяхъ нѣшъ ловкости, проворсшва. „Ахъ, моя милая! То ли было въ сшари-ну?“ — Какая разница, другъ мой, мы жили въ счасшлывыя времена! —

Поселяне и подруги ихъ прыгали и рѣзвились со всею непринужденностію молодыхъ лѣшъ и живѣйшаго удовольствія. Желаніе нравиться блиспало повсюду. Но пріѣзжая чеша не имѣла уже въ себѣ шого симпатическаго жара, копорый даешъ привлекательность предметамъ; плена, имѣющая чудесную силу украшашъ цвѣтами воображенія все намъ предсшоящее, спала уже съ пришупившихся глазъ сихъ опшжилыхъ супруговъ.

„Не правда ли, моя милая, что вороша Св. Діонисія худо переспроемъ? Прежде они были гораздо лучше.“ — Мохъ и копошь покрывали вороша, когда ихъ видѣлъ Г. де Ламошь, но они изумляли его своимъ великолѣпіемъ. Теперь онъ сшаръ, а сшарось ко всему приглядѣлась, ничто не привлекаешь, не удивляешь ее, и наслажденіе бѣжись прочь.

Въ Парижѣ Г. и Гжа де Ламошь ошановились въ госпинницѣ, копорая еще за шридцать лѣшь служила имъ шамъ приспанищемъ. „Содержашеля конечно уже давно нѣшь на свѣшѣ; иначе бышь нельзя! Онъ былъ бы шеперь ужъ очень сшаръ!“ Такъ разсуждають приѣзжіе, забывъ, что содержашель былъ въ однихъ съ ними лѣшахъ; но они сшарѣлись, не примѣчая шого. Ничто не перемѣнилось для нихъ, кромѣ шого, что ихъ окружаетъ. Вошь благодѣшельный даръ природы! Она шихо и непримѣшно ведешь насъ ко гробу, шакъ что мы о шомъ и не заботимся.

„Не правда, ли другъ мой, что хозяинъ здѣшній былъ молодець собою!“ —

А какая прекрасная была у него племянница! — „Какъ онъ мнѣ угождалъ; какъ былъ всегда вѣжливъ!“ — Каролина всегда смотря на меня улыбалась. — „Всѣ домашніе были шакъ услужливы, шакъ ласковы — они предупреждали наши желанія и даже самыя прихоши.“ — Посмотри же теперь: все какъ-то нехотя. Сердце человѣческое съ каждымъ днемъ охлаждается; скоро оно будетъ какъ ледъ. —

Г. де Ламошъ въ молодія лѣта былъ весьма недурень собою и — нравился Каролинѣ; Гжа де Ламошъ имѣла прелестное личико и — хозяйинъ почишалъ особеннымъ удовольствіемъ исполняя всѣ ея приказанія. Они соспарѣлись и имъ служашъ шолько за деньги; угожденія дѣлающа имъ шолько по мѣрѣ награды, которой за то ожидающъ. Всякой смотрѣлъ на нихъ какъ путешественникъ, встрѣчающій обнаженный дубъ посреди зеленой, густой рощи; онъ отворачиваетъ мрачныя свои взоры и услаждаетъ ихъ видомъ прелестнаго вѣшвѣвшаго деревца.

Воспоминаніе о Каролинѣ взволно-

вало кровь Гна де Ламоша — какъ только можешь она вѣдновашься въ его лѣта. Память, еще мало ему измѣнившая, живо предспавляла полныя, румяныя ея щечки, большіе голубые глаза, гибкій спань, привлекательность во всѣхъ ея шѣлдвиженіяхъ, прелесть въ привѣспливомъ ея обращеніи. Какъ бы хотѣлось ему поговорить съ кѣмъ нибудь о Каролинѣ, освѣдомишься обспоятельно объ ней! Онъ не могъ преодолѣть себя, пошелъ къ хозяину, не сказавъ ни слова о шомъ Гжѣ де Ламошъ. И правъ: шущъ явная измѣна!

Едва спушилъ онъ шагъ за порогъ, какъ и Гжа де Ламошъ попелелась за нимъ же. Мечшы врядь ли когда нибудь насъ оставляющъ. И ей напомнили онѣ о миломъ, ласковомъ, услужливомъ Дюперронѣ. И въ ней возбудили желаніе узнать подробнѣе о смерши сего неощѣненнаго человѣка.

Г. де Ламошъ подходилъ къ женщи-нѣ съ пошухшими глазами, морщинами на лицѣ, впалыми щеками, согбенной въ дугу, изсохшей... Гжа де Ламошъ находилъ спарика слѣпаго, увѣчнаго, непо-

движнаго на подвижныхъ креслахъ. Спрашивающъ о Дюперронѣ и его племянницѣ,
„Это я, сударыня.“ — „Это я, сударь.“

Г. и Гжа де Ламощъ полагали ихъ умершими, пошому что не узнали. Впрочемъ ошибка не велика: опшишь свой вѣкъ и лишишься всего, чѣмъ жизнь намъ драгоцѣнна — не значишь ли проспишься съ нею на вѣки? Одно заблужденіе оспаешся подпорою: мы не чувствуемъ своей ничшожности.

Дюперронъ и Каролина спрашивающъ въ свою очередь, какимъ образомъ знаютъ ихъ пріѣзжіе, кошорыхъ они въ первый разъ шолько видяшъ. Г. де Ламощъ сказываешъ свое имя, напоминаешъ о нѣкошорыхъ обшояшельсшвахъ. . . .
„Вы, сударь, очень перемѣнились“ — сказала сухо Каролина и принялась за свои хозяйшвенныя дѣла.

Воображеніе стараго Дюперрона рисовало ему безпрешанно любезную Гжу де Ламощъ; она предшавлялась ему шочно шакою, какова была за шридцашъ лѣшъ. . . . Шарухи, въ кошорыхъ не угасла еще ишкра самолюбія, должны желашъ, что бы послѣ долгой разлуки

съ любовникомъ или другомъ найпи его слѣпымъ, но Боже избави шупь ошь всякаго прикосновенія!

Дюперронъ просягиваешъ дрожащую руку свою. Гжа де Ламошь думаетъ подашь ли ему свою, но наконецъ рѣшается на эшо изъ снисхожденія, изъ жалоспи и какъ будпо съ опшращеніемъ. „Ахъ, сударыня! говоришь ей проспакъ: что вы сдѣлали! Какую мечшю разрушили! Эша рука лишила меня одного изъ лучшихъ наслажденій! У Гжи де Ламошь была такая мягкая, полненькая ручка, а эша суха и въ морщинахъ! Величайшее въ свѣспѣ удовольствіе находиль я въ шомъ, чшобы предспавляшь васъ такою, какъ вы были: шеперь вы будёте для меня шо, что вы ешь. Не возьму больше ничьей руки!“

—Вопъ спранные люди! говорила Гжа де Ламошь, пришедъ въ свою комнату. Какая дерзоспъ! Увѣряюшь, будшо мы постарѣли. И кшожь? Люди, кошорые сами едва дышають! Вопъ зеркало, другъ мой, взгляни же: ну право и вчера, и мѣсяць и годъ назадъ, мы были все шѣ же. —

Если бы ошь двадцати до шестидесяти лѣшь мы не глядѣлись въ зеркало и вдругъ его намъ показали — волосы спали бы дыбомъ ошь ужаса; но мы глядимся всякой день, всякую минушу, и самолюбіе всегда готово прикрышь появившуюся морщину и увѣришь насъ, что ее нѣшь въ самомъ дѣлѣ.

Г. и Гжа де Ламошь идушь къ спряпчему, съ копорымъ когда-то еще были знакомы и копораго хопяшь просишь объ опдачѣ въ вѣрныя руки своего капиталала. Имъ сказываюшь, что онъ умеръ. „Не удивительно, восклицаемъ Г. де Ламошь, онъ былъ ужъ очень спаръ.“ — А онъ былъ моложе его десятишь годами!

Освѣдомляюсь о Терезѣ, маленькой, хорошенькой дочери Гна Леная. Ихъ приглашаюшь въ госниную. Гжа де Ламошь бросаешся съ опверзспыми объясніями къ молодой пннадцатилѣшней дѣвицѣ. „Какъ же она выросла! Какъ похорошѣла!“ Но — она обняла не Терезу, а дочь ея. „Какъ лепишь время и какъ жаль эшой милой дѣвушки, что

она живеть не въ наши годы. Нынѣшніе
никуда не годятся!“ —

Малюпка опвѣчаетъ коварною улыб-
кою на это восклицаніе и взгляды-
ваетъ украдкою на стоящаго подлѣ нея
молодаго человѣка; казалось они гово-
рили другъ другу: эши годы самые луч-
шіе, да продлятся они надолго! — Они
пройдуть и для нихъ, какъ прошли для
нашихъ любительей старины.

Зала наполняется самымъ отбор-
нымъ обществомъ молодыхъ людей: на-
чинаются разговоры, шушки, рѣзвости,
музыка, пѣніе, танцы. „Какое сумас-
бродство! Какой шумъ! говоришь Г. де
Ламошь. Бышь мнѣ сегодня съ мигре-
немъ! — Г. де Ламошь забылъ свою преж-
нюю неупомимость въ танцахъ и какъ
бывало, наигрывая на рожкъ, оглушалъ
онъ и разгонялъ всѣхъ сосѣдей. Силь-
ное движеніе и шумъ тогда не упом-
ляли его, шеперь ужъ все ему несно-
сно.

Совсемъ не умѣють воспишывашъ
молодыхъ людей — говорила Гжа де Ла-
мошь. Въ старину были они вѣжливы,
обходительны, услужливы. Плашокъ

мой два раза падалъ и чтожь? Кромѣ себя, другъ мой, никто не догадался его поднять. “ — Это знакъ, Милоспивая Государыня, что я человекъ лучшаго времени — опшвѣчалъ значительнo супругъ. А посмотри-ка, машушка, продолжалъ онъ, покачивая головою, посмотри на эшѣхъ дѣвочекъ! Какъ неловки, неразвязны! Какія неподвижныя, невыразительныя лица! Нѣтъ души, нѣтъ чувства! Куда же дѣвалась та неприужденность, то вольное, обворожительное обхожденіе, кошорымъ опливались молодые люди нашего времени. Мнѣ кажешся, моя милая, что скоро на земли и огня не спанешъ. “

Гжа де Ламошъ не видитъ, что вѣжливостъ, ласки и угожденія молодыхъ людей опносяща, какъ и въ ея время, къ шѣмъ особамъ, кошорыя ихъ плѣняють. У Гна де Ламоша такое же прищупленное зрѣніе: онъ принимаетъ соблюденіе приспойности за неловкостъ и не можешъ догадаться, что его испышующіе взгляды стоняють улыбку, кошорая возвращишся при одномъ словѣ шого, кшо говоришъ сердцу.

Такимъ образомъ прїѣзжіе *старовѣры* повсюду превозносили прошедшее и хулили настоящее. Наконецъ получили они слѣдующую записку:

„Время все по же; вы одни перемѣнились. Покорись добровольно всеобщему закону и не заключайте, что другіе лишены всякаго чувства, только потому, что оно въ васъ охладѣло. Вашъ спихи, которые больше всего вамъ должно помнить:

Кто юныя лѣта подъ спарость по-
рицаешъ,
Тотъ съ сожалѣніемъ о нихъ воспо-
минаешъ *).

В.

---

*) On ne médit de la jeunesse
Que par le regret de vieillir.

ИЗВѢСТІЯ О ЛОНДОНѢ.

Городъ вообще.

И самый Кишаецъ, пріѣхавъ изъ своего Нан-кинга и Пе-кинга въ Лондонъ, найдешь его весьма порядочнымъ городкомъ. Въ 1811 году помѣщались въ немъ, какъ могли, 1.990.300 жителей. До двухъ миліоновъ не далеко, и вѣроятно не на долго. И такъ одинъ только городъ содержишь въ себѣ четвертую часть народонаселенія всей Англіи! Не одно Европейское Государство со всѣми жителями можно бы размѣстить въ Лондонъ и при всемъ томъ плаща за кварширы, безъ сомнѣнія, была бы гораздо меньше, чѣмъ теперь. За наемъ дома въ одной изъ лучшихъ улицъ города плащися въ годъ отъ двухъ до пяти сотъ фунговъ шерлинговъ. Порядочно мебелированная комната стоить въ недѣлю гинею, а иногда и 18 шиллинговъ. Мѣспечки, копорыя до 1749 года были внѣ города, давно уже вошли въ составъ онаго. Лондонъ расширяется во всѣ четыре стороны. Вскорѣ

предмѣспія его сдѣлаются внутренно-
 снію города, а отдаленнѣйшія деревни
 будутъ предмѣспіями. Если это про-
 должится такъ, то наконецъ цѣлая
 Англія превратится въ Лондонъ.

Англія съ своею столицею кажется
 мнѣ подобна шапуѣ, видѣнной во снѣ
Навуходносорома — у которой голова
 была изъ золота, а ноги изъ глины. Она
 есть богачъ, имѣющей больше долговъ,
 нежели сколько на головѣ волосъ, и не
 смотря на то живущій въ радости и
 удовольствіи, потому что одному
 изъ своихъ должниковъ платишь день-
 гами другаго. Англія богата единствен-
 но величиною долговъ своихъ и есть
 банкиръ всѣхъ пяти частей свѣта. Не
 возможно желать, чтобы сей банкиръ
 обанкротился, ибо тогда всѣ потеря-
 ютъ все. По сему-то и стараются на
 перерывъ давать ему кредитъ и его
 поддерживаютъ. Банкиръ же, въ этомъ
 должно отдать ему честь, дѣло свое
 разумѣть. Деньги посылаются къ нему
 изъ всѣхъ частей свѣта: онъ единствен-
 ный продавецъ товаровъ всего міра и
 щѣмъ набиваетъ себѣ карманы. Намъ,

прочимъ Европейцамъ , ничего не остаеяся больше выносивъ на торгъ Англичанамъ, какъ собственную свою кожу. Это мы и дѣлаемъ.

Улицы.

Въ Лондонѣ весьма пріятно прогуливатья по пропугарамъ, сдѣланнымъ подлѣ домовъ — если не боишья полчковъ подъ бока и ежели не спашь сердивъя, когда какому нибудь грубіану вздумаетя сбивъ шебя съ ногъ. Однако для сихъ прогулокъ не надобно выбиратья ни слишкомъ мокрой, ни слишкомъ сухой погоды. Въ сухую погоду можно задохнутъя опъ пыли. Опъ эшаго думающъ избавивъя поливаніемъ, и тогда опъ грязи нѣтъ прохода. Она леживъ на пріи, на четыре вершка по улицамъ и опъ колесъ быстро кашащихся экипажей лепивъ въ спороны по всѣмъ направленіямъ. Прохожимъ шакже достаеяся на часъ и не рѣдко лица ихъ бывающъ усѣяны ею, какъ мушками налѣпленными для прикрасы. Нижняя часъ домовъ и спек-

лянные двери магазиновъ вѣчно испещренны грязью.

Грязь несносна, но еще несноснѣе грязные мальчишки, которые продавая разныя мѣлочи, кричатъ передъ собою во все горло. Въ тысячу разъ болѣе нравятся мнѣ скромныя объявленія мѣлочныхъ торгашей, налѣпленные на всѣхъ углахъ улицы: шумъ, не боясь оглохнуть, корешко и ясно узнаешь все, что можно достать себѣ.

Я всегда думалъ, что въ Парижѣ лучше разумѣютъ придавать худымъ товарамъ прекрасныя наименованія. О нѣтъ! И Англичане на это мастера. У нихъ на примѣръ есть *божественная помада!* Это впрочемъ бездѣлица. Что въ нынѣшнія времена не божественно? Почему же не быть и божественной помадѣ? — Но на примѣръ: *небесное мыло, препятствующее бородѣ сѣдѣть.* Я старый глупецъ польстился на имя и купилъ. Чшожь? Въ самомъ дѣлѣ, когда я сѣдую свою бороду спалъ почаше намазывать эпимъ мыломъ и почаше брить — не было видно на ней ни одного бѣлаго волоска.

Грязь на улицахъ Лондона не мѣшается чрезвычайной чистотѣ во внутреннихъ домахъ. Половые ковры и самымъ худшимъ жилищамъ придають нѣкоторый видъ благосостоянія. Иногда найдете въ комнатахъ три, четыре ковра одинъ на другомъ. Нижній покрываетъ всю комнату; второй не много поменьше и служитъ только защитою первому; третій, самый простой, осужденъ на ежедневное употребленіе и при гостяхъ снимается. По субботамъ во всѣхъ Англинскихъ домахъ настоящее чистилище. Все чистятъ, опирають, обмываютъ — карпины, двери, зеркала, полы, лѣспницы. Не хотѣлъ бы низачто быть въ Лондонѣ служанкою въ субботу, впрочемъ во всѣ дни.

Наказанія.

Будучи въ Лондонѣ нельзя не замѣтить, что находишься въ торговомъ государствѣ. Не знаю, что бы здѣсь не продавалось. И самые законы служатъ тому поводомъ. Веревку на шею женѣ и веди ее на рынокъ продавай за что

хочешь. *Нарушеніе супружеской вѣрности* наказываеиця денежною пѣнею; напрошивъ того *самомайлѣйшее воровство* — смертію.

Нимфы веселія.

. . . . .
 Между этими Нимфами въ Лондонѣ счищающъ до двухъ тысячъ такихъ, которыя въ юности своей получили хорошее воспитаніе; до трехъ тысячъ такихъ, которыя не могли найши для себя въ домахъ мѣстѣ, чшобы бытъ служанками или поварихами; около двадцати тысячъ бывшихъ прежде служанками и соблазненныхъ своими господами; далѣе двадцать пять тысячъ изъ самыхъ проспыхъ женщинъ, которыя не будучи за мужемъ, живущъ съ рабочниками, слугами и п. п. какъ обвѣнчанныя. Каковъ реестръ!

Если положишь народонаселеніе Лондона шолько до 1.100.000 душъ и изъ того половину мужеска пола, по останешся 550.000 женщинъ. Опнимемъ изъ сего числа третью часть дѣвушекъ, недостигшихъ шесшадцатилѣшняго воз-

распа, по въ сложности изъ восьми или девяти женскихъ личиковъ одно будетъ принадлежать Луциндѣ.

Мошенники.

Можноли всегда знать, кто именно тебя обкрадываетъ? — Полагають, что сумма фальшивыхъ векселей, банковыхъ билетовъ и другихъ бумажныхъ денегъ проспирается до 170.000 фунт. стер. а сумма фальшивой монеты до 200.000. Порядочныя суммы! Но можетъ ли и быть иначе въ такомъ городѣ, гдѣ неравенство состояній такъ велико, что, по мнѣнію Колкгуна (Colquhoun), ежедневно болѣе 20.000 человекъ просыпаются поупру, не зная чѣмъ утолить голодь и гдѣ придется спать будущую ночь; а съ другой стороны болѣе 20.000 человекъ просыпаются ежедневно, не зная какъ бы употребить свое золото, что бы провести цѣлый день безъ скуки; но они прошли уже всѣ школы удовольствія и ни въ чемъ уже не находятъ для себя пріятности. Они жили уже такъ долго и такъ хорошо, что наконецъ получаютъ ошвращеніе ошъ

жизни. Излишнее наслаждение прищупило ихъ чувства. Это называють здѣсь *сплиномъ*.

Обжорство.

Я совершенно согласенъ съ Буффлеромъ, копорый говоритъ: „если бы Небо забыло положить границы человѣческой жизни, то люди сами изобрѣли бы смерть. Доказательствомъ тому служишь, что они выдумали войну, мореплаваніе, Медицину и поваренное искусство.“

Англичане чрезвычайно хвастаются своимъ повареннымъ искусствомъ. Оспавляю имъ это удовольствіе. Въ *искусствѣ* ушопяшь голодь или, лучше сказашь, не бывъ голоднымъ, щекошаешь горпань, находишься споль же много (не скажу скопскаго, ибо скопы не дѣлають эпаго никогда) не еспешвеннаго, какъ и въ искусствѣ воинскомъ, то еспь въ искусствѣ убиваешь непріятелей, копорыхъ не только не ненавидишь, но даже вовсе почи и не знаешь.

Римляне, какъ рассказываешь Сенекка, прежде стола принимали рвошное,

чшобы ѣсть какъ можно больше, и потомъ ѣли, чшобы опять принимашь рванное. Въ Лондонѣ до сего еще не дошли, но при избраніи новаго Лорда Мера, когда обыкновенно дается великолѣпный пиръ и отправляется молебствіе, не забываютъ молишься и о сохраненіи желудка: „Господи, избави насъ отъ индигестій и отъ всѣхъ происходящихъ отъ нея болѣзней!“

Хорошо откормленный, полнощочкой, кубического размѣра, поршеромъ и ростбифомъ начиненный Брипанецъ, конечно не знаешь лучшаго наслажденія на небесахъ и на земли, какъ то, которое онъ можетъ ухватить зубами. Я ни мало не удивляюсь, что Лондонъ такъ много отдающающа отъ природы, ибо природа въ семъ необъянномъ городѣ есть большая рѣдкость. Съ земли не видишь ничего, кромѣ узкихъ полосъ между кровлями и отъ испареній, дыму и шумановъ едва, едва примѣшный лоскуточикъ неба настоящаго его голубаго цвѣша. Не только въ продолженіи цѣлыхъ недѣль, но и въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцовъ, особенно зимою, много

что одинъ разъ удался взглянуть на солнце.

Разсказываютъ, что какой-то Испанскій Посланникъ, по четырехмѣсячномъ пребываніи въ Лондонѣ, будучи опозванъ своимъ Дворомъ, во все это время не видалъ солнца. При прощальной аудіенціи Король неопшшупно просиль его сказать, что можетъ онъ сдѣлать ему пріятнаго. „Государь, отвѣчалъ наконецъ Посланникъ, я дорого цѣню благосклонность вашу, и съ позволенія Вашего Величества осмѣливаюсь принести двѣ всенижайшія просьбы: первую — сохранитъ ко мнѣ навсегда ваше благорасположеніе, а вшорую — не оставитъ рекомендовать меня солнцу, если оно когда нибудь заглянетъ въ ваши владѣнія.“

(продолженіе впрѣдъ.)

ВИЛЛЯМЪ ПЕННЪ.

(Изъ Соаве.)

Въ странахъ, гдѣ Европейцы представили міру ужасное позорище жестокостей и хищеній, явился наконецъ Англичанинъ, коего имя пребудеть безсмертнымъ въ памяти потомства. Виллямъ Пеннъ, получа отъ Карла II, Короля Англійскаго, управленіе надъ тою часшю Сѣверной Америки, которая названа въ честь его имени и по множеству находившихся тамъ лѣсовъ, *Пенсильванією*, вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы по примѣру прочихъ, утѣснять несчастныхъ ея обитателей, прилагалъ всѣ старанія о ихъ счастіи: человеколюбіемъ своимъ и благопвореніями онъ содѣлался навсегда предметомъ ихъ удивленія и любви.

Сначала его правленія недовѣрчивость сихъ народовъ и вражда, которую они клялись питать къ Европейцамъ, были причиною, что нѣкоторые ихъ поколѣнія возмутились противъ

Пенна, напали на него со всею своимъ звѣрствомъ и принудили его приняться за оружіе для собственной обороны. Пеннь одержалъ побѣду и взялъ въ плѣнъ множество дикихъ, въ числѣ коихъ привели къ нему молодую и прекрасную дѣвицу, которая заливалась горькими слезами. Не одно лишеніе вольности было для нея причиною скорби — другая большая упрата ее сокрушала: она снраспно любила юношу, равнаго ей лѣтами и красошою, и была взаимно имъ любима. День брака ихъ уже приближался, какъ вдругъ военная гроза ихъ разлучила, и пегерь, попавшись въ неволю, она лишилась надежды не только съ нимъ соединиться, но даже и увидѣть его когда нибудь. Болѣе всего приводила ее въ содраганіе мысль, что другъ ея палъ подъ ударами враговъ жертвою своей храбрости; ибо знала его дерзскую опважность и спремительность, и что въ каждомъ сраженіи онъ всегда являюща шамъ, гдѣ происходишь самая ужасная и кровопролитная сѣча. Вилльямъ Пеннь, будучи пронунъ ея слезами, старался утѣшить ее съ

обыкновеннымъ своимъ добродушіемъ и крошосію; какъ вдругъ вбѣгаетъ молодой Американецъ, обрызганный кровію и вооруженный копьемъ и стрѣлами. Въ одно мгновеніе бросается онъ къ юной плѣнницѣ, которая отъ удивленія, страха и радости вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувствъ въ его объятія. Онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы привести ее въ чувство; потомъ, бросивъ оружіе къ ногамъ побѣдителя, сказалъ: „Кровь моя и это оружіе служатъ тебѣ доказательствомъ, что не прусось, не бѣгство моихъ единоплеменниковъ и не цѣпи, возложенныя своими воинами, привели меня сюда. Никакія силы не могли бы меня принудить, опадеть живымъ въ твои руки, еслибъ жестокая судьба не оплыла у меня сію дѣвицу и не предала ее во власть твою тогда, какъ я находясь далеко отъ нея на полѣ битвы, не могъ ее защитить. Знай же, что она для меня дороже свободы и самой жизни, и теперь ничто не разлучитъ меня съ нею, кромѣ смерти..... Я не пришелъ требовать, чтобы ты возвращилъ ее мнѣ; такого

великодушія мы не можемъ надѣяться ошь свирѣпаго племени, кошорое, за преступленія наши, мспишельное. Небо послало къ намъ изъ за морей: но уже ли шы будешь сполько жестокъ, что не позволишь мнѣ носить вмѣстѣ съ нею оковы, бышь вмѣстѣ съ нею швоимъ невольникомъ? “

Вилльямъ Пеннь, удивленный швердоспю и великодушною рѣшимоспю юноши, обнялъ его съ опеческою любовію: „Ты худо знаешь, сынъ мой—скажь онь — нравы и обычаи Европейцевъ. Я не пришелъ похищать вашихъ жень и имущество, изгоняшь васъ изъ собспвенныхъ земель вашихъ или брашь въ неволю: но заключишь съ вами союзъ и дружбу. Ваша непріязнь и нападенія принудили меня поднать оружіе; ошь васъ самихъ зависишь прекрашишь войну: я ничего не шребую, кромѣ мира и согласія. Ошь всего сердца ошдаю шебѣ сію дѣвицу, кошорую побѣда мнѣ вручила, и шы можешь идти съ нею обрашно въ свою землю, когда шебѣ заблагоразсудишь. Я возвращу и другихъ плѣнниковъ, коль скоро набѣги и

убійства съ вашей стороны прекращаясь и люди мои будутъ безопасны отъ вашихъ насилій.“

— Ты конечно богъ! вскричалъ восхищенный Американецъ, а если чело-вѣкъ, то вѣрно отъ другой крови и другаго поколѣнія, нежели тѣ безчело-вѣчные, которые съ такою жадностію пили кровь нашу. О, смотри; я у ногъ твоихъ; великодушіе твое побѣдило меня скорѣе, чѣмъ оружіе. Поспѣшу къ своимъ братьямъ, покажу имъ сей яв-ный знакъ твоей добродѣтели — и скоро, очень скоро, если только жела-ніе твое чистосердечно, ты увидишь меня съ предложеніями мира.

Вильямъ, снова дружески обнявъ его, отвѣчалъ: „ты не можешь, сынъ мой, принести мнѣ дара, драгоценнаго и пріятнаго того, которой общаешь. Иди съ своею супругою, и возвратись скорѣе: съ нетерпѣніемъ буду ожидать твоего возвращенія.“

Юные любовники, отъ радости об-нимая его колѣна и орошая ихъ слеза-ми, простились съ Пенномъ. Пришедши къ своимъ единоземцамъ, съ такимъ

восхищеніемъ разсказывали имъ о великодушій сего несравненнаго мужа, о кротости его и миролюбивыхъ пребываніяхъ, что сіи, убѣдясь ихъ повѣствованіемъ, отправили къ нему пословъ, между коими былъ и помянутой юноша, для прекращенія всякихъ несогласій и заключенія съ обѣихъ сторонъ вѣчнаго, неразрывнаго союза и братства, такъ какъ желалъ великодушный побѣдитель. Въ ознаменованіе сего случая назвалъ онъ Филадельфіею новый свой городъ, какъ обиталище людей, братскою любовію между собою соединенныхъ.

Сбъ Итальянскаго. Орестъ Соловб.

О НАДПИСЯХЪ.

(Изъ Сог. Гжи Жанлисѣ).

Надписи, въ отношеніи къ памяшникамъ, суть шже, что девизы въ отношеніи къ людямъ. Въ сей спашѣ мы намѣрены упомянуть о лучшихъ надписяхъ древнихъ и новѣйшихъ временъ.

Вошъ разсужденіе о надписяхъ покойнаго Сеншъ Пьера:

„Въ путешествіяхъ моихъ хопя я
 „любовался, видя спашуи и памяшники
 „древности; но чтеніе хорошихъ над-
 „писей досшавляетъ мнѣ еще бѣльшее
 „удовольствіе. Тогда мнѣ кажется, буд-
 „шобы голосъ человѣческой исходилъ
 „изъ камня, раздаѣлся сквозъ шму
 „вѣковъ и обращаясь къ человѣку, блуж-
 „дающему въ пустынь, говоритъ ему:
 „шш здѣсь не одинъ; другіе люди въ
 „сихъ самыхъ мѣсшпахъ чувствововали,
 „мыслили и спрадали шакже, какъ и
 „шш! — И если сія надпись осталась
 „ошъ нѣкоего древняго народа, уже не-
 „сущесшвующаго, шш она возношшъ
 „духъ мой въ спраны вѣчности и со-

„общаетъ ему чувствованіе его безсмертія, означая, что одна мысль перешла разрушеніе цѣлаго Государства.“—
Павелъ и Виргинія *).

Надпись, наиболѣе отличаящаяся геройскимъ духомъ, изъ числа древнихъ, есть безъ сомнѣнія Оеріадова, одного изъ шрехъ сошъ Лакедемонянъ, избранныхъ для битвы съ Аргивцами при Эидеѣ. Всѣ сіи Лакедемоняне были убиты, исключая Оеріада, который будучи смертельно раненъ, скрывался между мертвыми. Когда Аліеноръ и Хромій оставшіеся только двое отъ непріятельскаго войска, удалились, тогда Оеріадъ со-

---

*) Въ семъ опривкѣ есть нѣчто, плѣняющее вмѣстѣ своею простотою и величіемъ; но должно сказать чистосердечно, что въ концѣ не совсемъ справедливо: ибо мысль, о которой говоритъ писатель, пережила Государство не потому, что произошла отъ души безсмертной, но что носящій ее на себѣ камень или мраморъ еще существуетъ; еслибъ столпъ или пирамида была сокрушена, то и мысль не дошла бы до насъ. —
Прим. Сог.

бравъ всѣ силы свои, снялъ оружіе съ Аргивцевъ и склавъ изъ нихъ профей, кровію, пекущею изъ ранъ его, надписалъ на щипъ своемъ, что его споро-на осшалась побѣдоносною и удержала за собою поле бишвы. Одержавъ такимъ образомъ побѣду надъ мершвыми, онъ испустилъ духъ.

На спатуѣ, предспавляющей Изиду подъ покрываломъ, была вырѣзана слѣдующая надпись: *я есмь то, что было и есть и будетъ; никто изъ смертныхъ не снималъ завѣсы, меня покрывающей.*

Озимандіасъ, Царь Египетскій, построилъ многіе великолѣпные памятники; между прочими была древнѣйшая библіотека, о кошорой намъ извѣстно по Исторіи; на вратахъ ея было написано: *Сокровище душевныхъ лекарствъ.*

Думають, что Хилонъ велѣлъ вырѣзать на вратахъ Дельфійскаго храма сію надпись: *познай самаго себя.*

Жа Дасье, въ примѣчаніяхъ своихъ на Теренція, говоритъ, что пословица: *никого съ излишествомъ*, была одною изъ надписей Дельфійскаго храма и что ее приписывали самому Аполлону.

Въ Фивахъ находился сполпъ, исписанный укоризнами шому изъ Царей Египетскихъ, кшо первый ввелъ роскошь въ сію страну.

Спонъ повѣснвуешъ, что во время своихъ путешесствій, онъ видѣлъ на уступѣ одной статуи бога Терма шаковую надпись: *Кто переложитъ на другое мѣсто сію статую, тотъ да умретъ послѣдній изъ своего рода **).

Сеосъ осаждалъ Пелузу; крысы въ безчисленномъ множествѣ появились въ станѣ Аравійцевъ, его непріятелей, и цѣлую ночь грызли колчаны и шепивы ихъ луковъ. На другой день Аравійцы, не имѣя оружія, обратились въ бѣгство; и Сеосъ, въ воспоминаніе сего случая, приказалъ изваять свою статую съ крысою на рукѣ. Онъ по-

---

*) Иаковъ Спонъ родился въ Ліонѣ въ 1647 году, былъ врачъ и весьма ученый чловкъ своего времени; путешествовалъ по Италіи и по Греціи и напечаталъ свои путешествія; онъ былъ Реформатскаго исповѣданія и умеръ въ Швейцаріи.
Пр. Сот.

ставилъ сію спашую въ храмъ Вулкана, и на подножіи оной велѣлъ изобразить слѣдующую надпись: *Ктоббъ ты ни былъ, глядя на меня, цисись позитать боговб.*

Римляне изваяли мѣдную спашую Корнеліи съ такою надписью: *Корнелія, мать Гракховб.*

Въ Эпидаврѣ, на одной двери Эскулапова храма, была надпись: *Входбъ въ сіе мѣсто не возбраненбъ только гистылибъ душамб.*

Народъ Римскій воздвигъ Капону Ценсору спашую въ храмъ Здравія и вмѣсто подробнаго исчисленія сраженій, побѣдъ имъ одержанныхъ, шоржешва и проч. подписалъ внизу слѣдующія слова:

Вбгестъ Катону; когда Республика Римская была почти совершенно унижена и разстроена; то онбъ возстановилбъ и утвердилбъ ее во время своего ценсорства благотворными повелѣніями, введеніембъ полезныхъ обычаевб и мудрыми постановленіями.

Германикъ, одержавъ знаменитую побѣду надъ Германцами, велѣлъ посшавишь на мѣстѣ сраженія шрофей съ

сею скромною надписью, въ которой даже умолчалъ о себѣ:

Войско Тиберія Цесаря, усмиривъ народы, обитающіе между Рейномъ и Эльбою, посвящаетъ сей памятникъ Марсу, Юпитеру и Августу.

Траянъ велѣлъ надписать надъ дверьми своего дворца: *Дворецъ общественный.*

Изабелла, Королева Венгерская, будучи принуждена спасаться бѣгствомъ, и не имѣя даже при себѣ лошади, упала опъ усалосни подъ однимъ деревомъ, и написала на корѣ онаго золошою булавкою, которою приколовы были ея волосы, слѣдующія слова: *Sic fata volunt, Isabella regina; m: e: такъ судьбѣ угодно; Королева Изабелла.*

Въ Монпельерѣ была спашуя Людовика XIV, съ сею прекрасною надписью: *Людовику XIV, по его конгинѣ.*

Вольшеръ велѣлъ изобразить на дверяхъ галлерей, въ которой онъ занимался сочиненіями въ замкѣ Сиреѣ, у Гжи дю Шашеле, слѣдующіе стихи:

*Asyle des beaux arts, solitude où mon coeur
Est toujours occupé dans une paix profonde,*

C'est vous qui donnez le bonheur
Que promettait en vain le monde.

III: e: *убѣжище изящныхъ искусствъ, уединеніе, гдѣ сердце мое всегда занято въ совершенной тишинѣ! ты доставляешь мнѣ то благополучіе, которымъ свѣтъ вотще мнѣ льстилъ *)*

Данте говоришь въ своей Поэмѣ, что надъ вратами ада находишься шаковая надпись:

Lasciat' ogni speranza, voi che' ntrate.

III: e: *Отринь всю надежду входящій сюда **)!*

Орестъ Соловѣ.

(продолженіе впрѣдъ)

~~~~~

*) Въ подлинникѣ весьма замѣненъ недоспашокъ слова: *мнѣ*. *Прим. Перев.*

**) *La divina Commedia, ove sia il' Purgatorio ed il Paradiso, poema di Dante Alighieri Fiorentino* — огромная Поэма во 100 пѣсняхъ, въ которой есть многія превосходныя мѣста. Приводимая здѣсь надпись не полна; вотъ какова она у Данте:

Per me si vâ nella città dolente;

Per me si vâ nell' eterno dolore;

Per me si v`a tra la perduta gente;
 Giustizia mosse' l mio alto Fattore,
 Fecemi la Divina Poteste,
 La somma sapienza, e' l prim' Amore.
 Dinanzi a me non fur cose create,
 Se non eterne; ed io eterno duro:
 Lasciat' ogni speranza, voi che' ntrate.

Inferno, Canto terzo.

Буквальный переводъ:

„ Мною идушь во градъ скорбей; мною
 „ идушь къ нескончаемымъ мукамъ; мною
 „ идушь къ погибшему роду. Вѣчное Право-
 „ судіе было моимъ основашелемъ; сошвори-
 „ ло меня Божешвенное Всемогущество,
 „ Верховная Мудрость и Первоначальная
 „ Любовь. До меня никакія вещи не суще-
 „ ствовали, кромѣ вѣчныхъ, и самъ я вѣ-
 „ чень. Опринь сію надежду, ты, который
 „ сюда вступаешь.“ *Адъ, Пѣснь 3. Прил.*
Перев.

СМЪ СЪ.

Извѣстія о новыхъ Рускихъ кни-
гахъ.

6. *Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ Религіи. Превосходнѣйшее твореніе знаменитѣйшаго Іерузалема, переведено съ Нѣмецкаго Т. Крыловымъ. Томъ V. С. П. бургъ, въ Морской Типографіи, 1819 года, въ 8 ку, 229 стран.*

Въ семь помѣ помѣщено *четвертое Размышленіе о Моисѣѣ*. Оно имѣетъ чешыре отдѣленія: 1) *Его исторія*, 2) *Моисеево ученіе о Богѣ*, 3) *Моисеево ученіе о твореніи и* 4) *о Моисеевой Религіи и ея внѣшнелѣ устройствѣ*. Сей послѣдній пятый томъ подписавшимся раздается въ шѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они получили уже первые чешыре тома. Цѣна за всѣ пять томовъ *тридцать рублей* безъ пересылки, за которую прилагаются деньги особо по мѣрѣ распоянія. Книга сія продается во всѣхъ лучшихъ здѣшнихъ и Московскихъ книжныхъ лавкахъ. Иногородные могутъ, съ приложеніемъ денегъ, отнестись въ С. П. бургъ къ самому Издашелю Коллежскому Ассессору Тимофею Семеновичу Кры-

лову, живущему въ домѣ Г. Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Ѳедора Александровича Голубцова у церкви Владимірскаго Богомашери,

7. *Басни И. А. Крылова. Въ шести частяхъ. Издвненіемъ содержателя театральной типографіи Александра Похорскаго. С. П. бургъ, въ шипографіи Императорскаго шеатра, въ 8 ку. Въ первыхъ трехъ частяхъ 114, а въ послѣднихъ 95 сшран.*

Первое собраніе Басень И. А. Крылова (всего 23 Басни) сдѣлано было ровно за годъ предъ симъ, ш. е. въ началѣ 1809 года; въ 1811 году напечатаны онѣ были вторымъ писненіемъ и тогда же вышла вторая часть, содержащая въ себѣ 21 Басню; въ 1815 вышли три уже части (съ четырьмя искусно гравированными эстампами и семью виньетами), въ которыхъ помѣщено прежнихъ и новыхъ всего вообще 70 Басень; въ 1816 изданы 4 и 5 часть, ш. е. вновь 44 Басни (съ портретомъ Сочинителя); нынѣшнее же послѣднее изданіе состоить изъ 6 частей или изъ 159 Басень. — „Авипоръ“ — такъ напечатано въ особомъ *увѣдомленіи* при здѣшнихъ Академическихъ вѣдомостяхъ — „желая симъ но-

„вымъ и *послѣднимъ* изданіемъ заключить
 „доспославное поприще свое въ семь родѣ
 „Поэзій, столь чрезъ него прославившейся,
 „имѣлъ въ виду соединить въ ономъ всѣ
 „свои Басни“ и проч. — Прочитавъ это,
 всякой подумаетъ, что И. А. Крыловъ рѣ-
 шился не писать болѣе Басень; всякой
 удивится этому и искренно о семъ пожа-
 лѣетъ (разумѣется кромѣ завистниковъ) —
 но къ счастью это вовсе несправедливо:
 И. А. не въ такихъ еще лѣтахъ, въ копо-
 рья шрудно уже бесѣдовать съ Музами;
 изъ послѣднихъ его Басень не примѣшно,
 что бы талантъ его начиналъ ослабѣвать,
 и по всей вѣроятности любимый Басно-
 писецъ нашъ не при концѣ, но, можетъ
 быть, только еще на срединѣ своего по-
 прища. Для чего же обманывать такъ и
 огорчать Публику? Для чего лгать на Автора,
 который имѣетъ полныя права на уваженіе
 и благодарность своихъ читателей и изда-
 телей? Не уже ли для того, что бы рас-
 продать скорѣе это *послѣднее* изданіе?
 Впрочемъ когда бы Г. Крыловъ и дѣйстви-
 тельно пересталъ теперь писать Басни,
 то это изданіе все еще не будетъ *послѣд-
 нимъ* въ настоящемъ смыслѣ; до послѣдня-
 го изданія не доживемъ ни мы, ни внуца-
 та, ни правнучаты наши. — Далѣе: „Изда-
 „тель Басень сихъ пріятнѣйшимъ долгомъ

„ поставилъ себѣ приложить всѣ свои спа-
 „ ранія и шруды, что бы сдѣлать изданіе
 „ сіе не только *приятнымъ*, но и *полезнымъ*
 „ для всякаго класса людей и возраста, а
 „ *наипаче* для *Рускаго* юношества, пѣмъ бо-
 „ лѣе, что прежнія изданія хотя и были
 „ *сбъ отличнымъ великолѣпиемъ отпечатаны*;
 „ но пѣмъ самымъ необходимою своею доро-
 „ говизною преградили путь многимъ *бездо-*
 „ *статочнымъ* людямъ *средняго* состоянія
 „ имѣшь оныя у себя. — Нынѣ же, дабы вся-
 „ кой могъ воспользоваться превосходнѣй-
 „ шими сими швореніями любимѣйшаго на-
 „ шего Россійскаго Лафоншена, швореніями,
 „ споль особенно необходимыми для каждаго
 „ юноши, посвящающаго себя въ изученіе
 „ нашей Липшерашуры и разныхъ родовъ
 „ Поэзіи. — “ (Въ оригиналь точно въ семь
 „ самомъ мѣстѣ поставлена почка и шире.)
 „ Издашель положилъ за всѣ шесть частей
 „ новаго сего изданія самую *умѣренную* цѣ-
 „ ну, а именно: по *десяти* рублей за эксемп-
 „ ляръ на бѣлой бумагѣ, въ бумажномъ переп-
 „ лешѣ. “ — Да развѣ эпо *умѣренная* цѣна
 „ 10 р. за книгу, въ которой не болѣе 14
 „ печатныхъ листовъ и которая напечатана
 „ правда на бѣлой, но впрочемъ довольно пло-
 „ хой бумагѣ? Не Издашель, но Сочинитель,
 „ какъ я достоверно знаю, дѣйствительно
 „ хотѣлъ, что бы нынѣшнее изданіе его Ба-

сень продавалось сколь можно дешевле; а назначенная Издашелемъ цѣна 10 р. право не дешева, пѣмъ болѣе, что всякой желаетъ имѣть эту книгу. Издашель вѣрно не оспался бы въ накладѣ, еслибъ поубавилъ немножко цѣны, а рубль или два дѣлающъ счешъ, не скажу для *людей средняго состоянiя*, но для *бездостатотныхъ*, а *наипаче для Рускаго юношества*. Можно было бы однѣми и пѣми же лишерями напечатать вдругъ два изданiя: одно на простой бумагѣ подешевле для *бездостатотныхъ* и особенно для *утащихся*; а другое подороже на хорошей бумагѣ, приложишь искусно выгравированную виньешу, или всего лучше, портретъ Автора. И *средняго состоянiя люди* право не пожалѣли бы за такой экземпляръ дать лишнихъ 5 или 10 р. — Не понимаю въ чемъ состояли *старанiя и труды* Издашеля, и какъ могъ онъ сдѣлать изданiе Басень И. А. Крылова *прiятнымъ и полезнымъ для всякаго класса людей и возраста!* Изданiе можешъ быть дешевое или дорогое, дурное или хорошее; но опнюдь не *прiятное* и не *полезное*. Дѣло другое самое сочиненiе: на примѣръ Басни Г. Крылова очень прiятны и полезны; но шакими сдѣлалъ ихъ Сочинитель, а не Издашель. Еще два замѣчанiя на счешъ эшаго *послѣдняго* изданiя. *Первое*. Мнѣ кажешся, что Басни въ ономъ раздѣ-

лены неправильно на 6 *частей*: 20 или 30 Басень вмѣстѣ называются обыкновенно *книгою*, а не *частью*, коюбравъ значить почти тоже самое, что и *томъ*. Напримеръ Басни Лафонтена раздѣляются на 12 *книгъ*, изъ коихъ каждая содержитъ въ себѣ отъ 20 до 30 Басень, а цѣлой увражь со- сипоить только изъ двухъ *частей* или *то- мовъ*. Слѣдуя сему правилу, принятому уже во всѣхъ иностранныхъ земляхъ, казалось бы мнѣ лучше раздѣлить и Басни Г. Крылова не на 6 *частей*, но на 6 *книгъ*, и на 2 *части* или на 2 *тома*, что бы не вышло иногда пущъ какого нибудь недоразумѣнія.

Второе. Когда собраніе Басень довольно велико и простирается до 100 (а у И. А. Крылова, набралось уже ихъ теперь 139), то кромѣ частныхъ реэспровъ, въ коихъ означены Басни по тому порядку, какъ онѣ напечатаны, непременно нужно, для удобнѣйшаго приисканія, приложить при концѣ книги общій реэспръ или оглавление по *азбучному* порядку.

До сихъ поръ говорилъ я только о новомъ изданіи Басень Г. Крылова, а не о его Басняхъ. — Что же сказать о нихъ? — „Хороши! очень хороши! прекрасны!“ — Это всякой знаетъ; но что именно въ нихъ *хорошо*? что *очень хорошо*? что *прекрасно*? *потому*? — Это, можешь быть, немногіе еще знаютъ, а мно-

гимъ, особенно же начинающимъ упражняться въ словесности, непременно знаешь это нужно. И такъ, кажешься, гораздо лучше я сдѣлаю и болѣе докажу искреннее мое уваженіе къ почтенному И. А. Крылову, когда вмѣсто обыкновенной ему похвалы, разберу подробно всѣ его Басни. Давно уже хотѣлъ я разобрать по порядку всѣ вообще Басни прехъ нашихъ классическихъ Фабулистовъ по примѣру комменсарій, сдѣланныхъ на Лафоншена Башше, Шамфоромъ, Гильономъ, Нодье и пр. но другія мои занятія отвлекли меня отъ сего дѣла. Надѣюсь однако вскорѣ принявшись за это пріятное и полезное для меня дѣло, не спану спѣшитъ онымъ, а буду заниматься исподоволь, какъ позволишь время, и что когда напишу, то съ одобренія знающихъ и безпристрастныхъ людей напечаю предварительно въ *Благонамѣренномъ*.

8. Переводы въ прозѣ Владиміра Измайлова. Часть первая. Москва. Въ Университетской Типографіи, 1819 года, въ 8 ку, 236 сшран.

Содержаніе или оглавленіе первой части: 1. Фенелоново замѣчаніе о древнихъ Историкахъ. 2. Путешествіе во внутренность Африки. 3. Сельское заведеніе въ Гофвилѣ.

4. Аристидъ и Капонъ Ушическій. 5. Завѣщаніе холоспаго спарика. 6. Опъ алфавитныхъ литеръ къ Арабскимъ цыфрамъ Представленіе. 7. Слабости великаго человѣка, или анекдоты о Лихтенбергѣ. 8. Удовольствіе. 9. Авторъ и книгопродавецъ. 10. Шиллеровы мысли о томъ, что низко и обыкновенно въ изящныхъ искусствахъ. 11. О розѣ. 12. Судъ о Вольшерѣ. 13. Ловля дикихъ свиней на островѣ Сумастрѣ. 14. Объ искусствѣ плавать и летать по воздуху. 15. Объ истинныхъ удовольствіяхъ въ жизни. 16. О подражаніи, выраженіи и сочиненіи въ живописи. 17. Любовь и дружба. 18. Нѣчто о модѣ. — Всѣ сіи статьи, по моему мнѣнію, очень хорошо выбраны и переведены. Мы не много еще имѣемъ у себя хорошихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ и пошому должны принимать съ искреннею признательностію всякую хорошую прозу—нужды нѣтъ, сочиненіе ли это или переводъ—только бы содержаніе было занимательно и полезно, а слогъ правиленъ и пріятенъ. Можно иногда и при самыхъ ограниченныхъ свѣденіяхъ въ Словесности написать удачно какіе нибудь списки: Эпиграмму, Пѣсенку, Посланіе, Басенку и ш. п., особливо когда добрые пріятели замѣтятъ и исправятъ грубѣйшія ошибки, изъ которыхъ нерѣдко одна можетъ испорчить всю піэсу,

подобно тому какъ отъ одной бородавки или рубца дѣлается иногда все лице безобразнымъ. Но что бы хороша сочинилъ или перевесилъ въ прозѣ какую нибудь Рѣчь, Разсужденіе, Повѣсть, Разговоръ, даже Письмо, надобно знать основательно свой языкъ, надобно имѣть вкусъ, для чего требуется непременно постоянное и серьезное упражненіе въ отечественной Словесности; а поправишь дурное сочиненіе или дурной переводъ въ прозѣ столь же легко какъ переправишь дурно сшитое и сшиное платье. Впрочемъ должно отдасть справедливость новѣйшимъ нашимъ литераторамъ, что многіе изъ нихъ пишутъ не только стихами, но и прозою въ миллионъ разъ лучше старинныхъ нашихъ словесниковъ, которые очень худо знаютъ Рускую Грамматику, или по крайней мѣрѣ Сантаксисъ, а о приличіи, вкусѣ и вовсе слышать не хотятъ.

9. *Записки Морскаго Офицера, въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ морѣ подъ начальствомъ Вице - Адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина отъ 1805 по 1810 годъ. Часть вторая. По повелѣнію и на иждивеніи Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента и Россійской Академіи. С. П. бургъ, въ*

Морской Топографіи, 1819 года въ 8 ку,
259 стран.

О сей любопытной и занимательной книгѣ, содержащей въ себѣ происшествія съ 1 Іюня по 10 Февраля 1807 года, нужнымъ считаю повторить здѣсь по самое, что уже сказано объ ней въ одномъ изъ періодическихъ нашихъ изданій, т. е. что „сія вторая часть разнообразіемъ и занимательностію содержанія, не только не уступаетъ первой, но можетъ быть еще и превосходить ея. Въ *Исторической* части сихъ записокъ повѣствуются весьма замѣчательныя событія новѣйшихъ временъ и вмѣстѣ дослѣднѣйшіе подвиги соотечественниковъ нашихъ, равно какъ и ихъ достойныхъ единовѣрцевъ — событія, доселѣ нигдѣ еще неизображенныя въ такой совокупности и съ такою подробностію. *Топографическая* и собственная путешественная часть сей книги не менѣе любопытна: описаніе острова Корфу, Сиракузъ, Мессины, Мальпы и въ особенности Палермы — дѣлаютъ честь наблюдательному духу Сочинителя и поощрительности, съ кою изыскивалъ онъ полезныя и занимательныя свѣденія всякаго рода.“ (*Рускій Инвалидъ* N° 66.) При сей второй части приложены два плана: 1)

города и залива Рагузы и 2) порта и крепости Сиракузъ, также два искусно гравированные Г. Галактионовымъ вида: цитадели въ Корфѣ и Мальты. — Книгу сію получаютъ можно у всѣхъ здѣшнихъ и Московскихъ книгопродавцевъ. Цѣна за экземпляръ въ 4 частяхъ съ 20 картами, видами и планами сраженій на веленовой бумагѣ 50 р. на любской 35 р., на простой 25 р. Третья часть выйдетъ въ Іюль мѣсяцѣ. Особы, получившія отъ Сочинителя на сіе изданіе пренумераціонные билеты, благоволяше присылать за вторую, а потомъ и за слѣдующими частями въ книжную лавку братьевъ Слениныхъ, что у Казанскаго моста въ домѣ Г. Кусовникова.

И.

~~~~~

Въ одной изъ вышедшихъ въ нынѣшнемъ году книжекъ *Благонамиреннаго* (Январь № II.) помѣщенъ отрывокъ изъ *Жилблаза*, переводомъ котораго я нынѣ занимаюсь. — Послѣ сдѣланнаго Издашелемъ сего журнала извѣстія о моемъ переводѣ и одобреніельнаго съ его стороны объ ономъ отзывѣ, оспрашивается мнѣ только довести до свѣдѣнія просвѣщенной Публики, что я при-

спушилъ уже къ печашанію 1й части сего романа, въ Рускомъ переводѣ, и просить о снисходительномъ принятіи перваго опыта трудовъ моихъ.

Жилблазъ, въ переводѣ, состоятъ будетъ изъ восьми частей, въ 16 долю листа, съ гравированными каршинками и портярпомъ Авшора. Сверхъ раздѣленія на части, изданіе сіе раздѣлился на 12 книгъ; къ каждой изъ оныхъ приложено будетъ по одной каршинкѣ. — Не имѣя средствъ напечатать всего перевода вдругъ, я рѣшился выдавать его по частямъ, на подписку. — Каждая часть выходитъ будетъ одна въ слѣдъ за другою.

Подписка на *Жилблаза* принимается на первый случай здѣсь въ С. Петербургѣ: у самаго переводчика *) и у Издашеля *Благонамбренаго*. Цѣна за всѣ 8 частей двадцать пять рублей въ С. П. бургѣ а съ пересылкою въ другіе города тридцать рублей.

Аполлонъ Никольскій.

---

*) *Аполлонъ Александровичъ Никольскій* жишельство имѣетъ Лишешной части 4 кваршала въ переулкѣ за церковью Спаса Преображенія, въ собственномъ домѣ подъ No 400. *Прим. Изд.*

Благотворенія.

1. О концертѣ въ пользу бѣдныхъ.

Въ Среду на прошедшей недѣлѣ, т. е. 9. ч. сего мѣсяца, по просьбѣ Правленія С. П. бургскаго Женскаго Папріотическаго Общества (учрежденіе коего дѣлаешь честь нашему отечеству) данъ былъ Россійскими и иностранными артистами въ залѣ Филармоническаго Общества большой вокальной и инструментальной концертъ въ пользу бѣдныхъ. Зала наполнена была посѣпителями. Концертъ начался увертюрою Г. Моцарта. Гжа Линденштейнъ пѣла изъ славной Гайденовой Орапоріи: *Сотвореніе міра* арію на растѣнія, а Гжа Сандунова на птицѣ. Стройный и единственныи хоръ Придворныхъ пѣвчихъ пропѣлъ два прекрасные духовные концерта, соч. Г. Борпнянскаго: *Слава во вышнихъ Богу и Да воскреснетъ Богъ и растотатся врази его.* Г. Шульцъ игралъ на арфѣ, Г. Мейнгардъ на віолончелѣ, Г. Фильдъ на фортопьянѣ и Г. Вемъ на скрипкѣ. Сии отличные виртуозы искусною и прелестною своею игрою привели въ восхищеніе всѣхъ слушателей и осыпаны были рукоплесканіями. Хвала и честь благороднымъ артистамъ, употребляющимъ талантъ свой въ пользу спраждающаго человѣ-

чества! Завидна участь любимцевъ Гармоніи: они могутъ въ одно и тоже время доставить большое удовольствіе Публикѣ и сдѣлать весьма значительное пособіе бѣднымъ; но литераторы, наши Рускіе литераторы, имѣютъ ли такіе же у себя способы? Нѣтъ: все, что литераторъ могъ у насъ до сего времени сдѣлать для бѣдныхъ, состояло единственно въ томъ, что бы напечатать и продавать въ пользу ихъ свое сочиненіе. Пожертвованіе для сочинителя, если живетъ онъ только своими трудами, довольно опягощительное, а пособіе для бѣдныхъ самое мадоважное! Извѣстно, что у насъ охотниковъ до чтенія гораздо меньше, нежели до музыки; при томъ же кто и любитъ читать книги, часто бываетъ не въ состояніи покупать ихъ. — Однако мнѣ кажется, что есть и для литераторовъ средство помогать бѣднымъ съ такою же почти удобностію и успѣхомъ, какъ и виртуозы. Почему, напримѣръ, не сдѣлать, хотя для опыта, *публичнаго чтенія въ пользу бѣдныхъ*? У насъ теперь, Слава Богу! есть не только хорошіе литераторы, но и хорошіе чтецы — не много, но скоро есть и еще будутъ — а три или четыре искусныхъ чтеца могутъ занять пріятно Публику въ продолженіи двухъ часовъ и болѣе. Можно читать не только

новыя, но и старыя хорошія сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ: выразишельное чтеніе придастъ имъ новую прелесть. Можно даже въ иныхъ случаяхъ соединить чтеніе съ музыкою, напримѣръ, если положить на музыку хоры изъ прекраснѣйшаго сшихотворенія Г. Жуковскаго: *Пѣвецъ во станѣ Рускихъ воиновъ*, то одинъ человекъ (разумѣется съ хорошимъ органомъ и довольно крѣпкою грудью) можетъ безъ усталости прочесть всю эту продолжительную піесу и отдыхать въ то время, когда пѣвчіе будутъ пѣть хоръ, а искусное чтеніе, прерываемое по временамъ согласнымъ и громкимъ пѣніемъ, безъ сомнѣнія многимъ бы понравилось. — Право стоить обо всемъ эпомъ хорошенько подумать.

И.

2. Письмо къ Издателю.

Литейной части 2 кварталъ, въ Моховой улицѣ, противъ церкви Симеона Богопріимца, въ угольномъ домѣ Купца Дехшева подъ № 121, живешь престарѣлая вдова Ташьяна Пешровна Байкова. Мужъ ея, служившій въ 4 Гренадерскомъ полку, давно уже умеръ, оставивъ ее въ крайней бѣдности. АВГУСТѢЙШАЯ Покровишельница бѣдныхъ и сирыхъ, ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУ-

ДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА жалуешъ ей по стпу рублей ежегодной пенсіи. Гжа Байкова нѣсколько лѣтъ пользовалась особенными милостіями покойнаго Графа Машвѣя Ивановича Платова; но съ кончиною Его Сіятельства лишилась она главнѣйшей своей опоры. Не имѣя ни чего, кромѣ пенсіи, сія несчастная женщина принуждена — несмотря на пресрѣлыя свои лѣта и слабѣсть здоровья — сидѣть безпрестанно за рукодѣльемъ; но какъ выручаемыя ею отъ продажи онаго деньги, такъ и получаемая ею отъ щедрости ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА пенсія, по причинѣ нынѣшней на все дороговизны, едва, едва только доставляютъ ей дневное пропитаніе. Чѣмъ же заплашишь за кварширу? дрова? и ш. п.

Зная всегдашнее расположеніе ваше къ добру и участіе, принимаемое вами въ судьбѣ бѣдныхъ и несчастныхъ, надѣюсь, что вы, М. Г. не откажете, чрезъ журналъ, вами издаваемый, довести до свѣденія соотчужденныхъ соотечественниковъ нашихъ и о жалкомъ положеніи вдовы Байковой.

Имѣю честь быть и проч.

3. *Отъ Издателя.*

Издатель *Благонамѣреннаго* получилъ передъ праздникомъ для раздачи бѣднымъ, по его усмотрѣнiю, а именно:

1	Апрѣля, отъ С. И. В.	5 р. сереб.
2	————— Н. К.	10 р. асс.
4	————— М. Н. Л.	25 р. —

Изъ числа сихъ денегъ въ то же самое время доставлено Издателемъ: *пять рублей серебромъ* бѣдной жень чиновника 14 класса, махери шестерыхъ малюшоекъ *Е. В. П — ой.* (см. I № сего Журнала за нынѣшній годъ, стран. 67 и 68); *десять рублей асс.* престарѣлой вдовѣ *А. Г. Софроновой* (см. № IV, стр. 264) и *двадцать пять рублей ассигнаціями* же вышеупомянутой *Маіоршѣ Байковой.* Всѣ сіи несчастныя женщины моляшъ со слезами Бога за неизвѣстныхъ своихъ благошворителей, а Издатель чувствительно благодаритъ ихъ съ своей стороны за довѣренность, кошорой поспраешся всегда быть достойнымъ.

И.

~~~~~

(18 *Апрѣля.*)

Книжка сія выходитъ нѣсколько позже обыкновеннаго срока; виноватъ Издатель, гулялъ на праздникахъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

АПРѢЛЬ 1819. N° VIII.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ИЗГНАННИКЪ АЛЕКСИСЪ.

Идиллія.

Ненаспно упрѣ было
Едва свѣшило дня полнеба озарило,
Какъ снова скрылося въ шуманныхъ обла-
кахъ,
Мракъ, распроспершій на поляхъ,
Шумящи надъ рѣкою ивы,
Скрышь пополей, плескъ волнъ и врановъ
крикъ въ лѣсахъ —
Все предвѣщало день дождливый,
Осенихъ близость непогодъ.

Но кто тамъ эшою равниной,
Съ котомкой на плечахъ, а на сердць съ
кручиной,

Поникши головой, опъ шалашей идѣшь?
 То бѣдный Алексисъ. Онъ Нисою плѣнился,
 Самъ ею былъ любимъ, хощѣль ей мужемъ
 бышь,

Но ахъ! о томъ не спохватился,
 Чшо не всегда позволено любить!

Весь юноши досшапокъ составляли
 Убога хижина и нѣсколько овецъ,
 Межь шѣмъ, какъ богачемъ паспушкинѣ
 слыль овецъ. —

„Такъ Алексису отказали?“

— Да, и притомъ запрещено

Прекрасной Нисѣ съ нимъ видаться:

Но разлучашь влюбленныхъ мудрено;

И можноть опъ любви заспавишь отка-
 зашься?

Пещеры дальнія, лѣсовъ густая сѣнь,

Благопріяшна ночи тѣнь

Опъ взоровъ бдишельныхъ гонимыхъ укры-
 вали,

Восторги зрѣли ихъ, обѣшамъ ихъ внимали;

Но скоро и про шо узнали.

Обманушый овецъ пришелъ въ ужасный;
 гнѣвъ

И чшожь, злодѣй, во гнѣвѣ вымышляешъ?

Онъ шайно въ Алексисовъ хлѣвъ

Свою овечку запираешъ,

И недовиннаго въ покражѣ обвиняешъ!

Богатство подкрѣпило зло;

Ничшо бѣдняжки не спасло:

Его изгнашь опредѣлили.
 „Возможноль?“ — *Улитенб!* всѣ въ голосъ
 говорили.

Природы сѣшующій видъ
 Пишаль, усугубляль спраданья Алексиса;
 Струи горчайшихъ слезъ лилися
 Съ поблекшихъ юноши ланишь.
 „Увы!“ — онъ говорилъ на отческіе кровы,
 Прощальный успремляя взоръ —
 „Посшигнуль рокъ меня суровый,
 Судиль несчастному изгнанье и позоръ!...
 За толь, неумолимый!
 Покинушь должно миѣ
 Навѣки край родимый,
 Чшо я любилъ умѣль? И въ чуждой споронѣ
 Скишатся безъ пріюшу
 За то, чшо счастливъ былъ минушу!
 Отчизны милой небеса!
 Вы, сердцу моему толико драгоцѣнны,
 Окрестны доли и лѣса!
 Просшите! — Садикъ мой зеленый!
 Чшо будетъ безъ меня съ шобой?
 Ты скоро заростешь колючею травой! —
 Овечки милыя! кто, кто безъ Алексиса
 Васъ будете такъ беречь, любить?
 Ахъ! если жаль ужъ ихъ, шо какъ переносишь
 Разлуку съ машерью, съ шобой, любезна
 Ниса?...

Еще вчера я съ вами былъ,
А нынѣ.... болѣе васъ нѣтъ для Алексиса!..,

Но не вините, что сокрылъ

И день и часъ разспанья:

Ни силъ моихъ, ни слезъ не стало бы для
прощанья!

Съ опрадною заснули вы мечпою,

Что лишній день еще со мною проведете:

Ахъ, спите долѣе! проснувшись не найдете

Ни въ хижинѣ меня, ни въ кущѣ надъ рѣкой:

Я буду далеко, послѣдуемъ шоской, —

О матеръ престарѣла!

Ты не совсемъ осиротѣла:

Тебѣ опрадою еще осталась дочь;

Но Ниса.... кто ее утѣшитъ въ злой на-
пасти?..

Такъ, ей не превозмочь

Ни горести своей, ни страха!

Тосклива горлица, сменная день и ночь,

Она сойдетъ безвременно въ могилу!

Увы мнѣ! для чего окончить жизнь посылу

Я съ нею вмѣстѣ не могу?... “

Тутъ вдругъ раздался звукъ свирѣли;

А на сосѣдственномъ лугу

Овечки запестрѣли;

Несчастный прошепсаль свой люшый при-
говоръ,

На кровлю Нисину послѣдній бросилъ взоръ,

И скрылся въ ошдаленьи.

„Ахъ какъ бы намъ хопѣлось знашь;
 Пришелъ ли онъ назадъ, увидѣлъ ли опяшь
 Отчизну, милую по долгомъ разлученьи? “ —
 Такъ спрашивалъ и я у cadaго въ селеньи,
 Но мнѣ одинъ отвѣшь: *о бѣднолѣ не слы-
 хать!*

В. Панасевъ.

~~~~~

П. И. Р.

(въ альбомѣ.)

Полина! Полина! ахъ! гдѣ выраженья
 Для чувствъ, что пишу къ тебѣ я въ
 Душѣ?
 Безмолвенъ паланъ мой, напрасно стараюсь
 Его оживить.

*

„Броди сиропю “ — Судьба мнѣ сказала —
 „Вездѣ равнодушье одно находи,
 „Съ зарею дней юныхъ для радостей сердца
 „На вѣки увянь! “

*

Оставленъ надеждой, задумчиво брелъ я
 Тропинкою жизни: весь шернѣемъ свѣшь
 Казался усѣянъ; ахъ! гдѣ, я воскликнулъ,
 Могу опдохнуть?

•

Но ты мнѣ явилась . . . но сонмъ шебѣ ми-
 лыхъ

Съ небесной улыбкой мнѣ указаль
 Межь шерній колючихъ прелестны долины
 Тѣнисшы кусшы.

*

Съ какимъ я воспоргомъ шуда успремился!
 Невинности воздухъ меня окружилъ;
 Цвѣшы добродѣтелей разнообразныхъ
 Прельсшили мой взоръ.

*

Спѣсненное сердце мое облегчилось:
 Есть счастье въ мѣрѣ, сказалъ я себѣ;
 Есть люди, о Боже! достойные многой
 Щедроты швоей.

*

О вы, примирившіе съ жизнью спрадальца!
 Въ день ясный и въ бурю сердце его
 Невольно къ вамъ будетъ спремиться, доколь
 Трепещеть оно.

Д. Са — о — новѣ

Е. Р. К.

(въ альбомѣ.)

Что вдругъ мнѣ напишешь? Что пожела-
ешь невѣстѣ?

Конечно счастья. Но чтобы доспичь его,
Вамъ надобно любить на свѣтѣ *одного*
Такъ вѣжно, искренно, какъ любише всѣхъ
вмѣстѣ.

В. Томилинь.

~~~~~

НАДГРОБИЕ.

Такъ рано, и на вѣкъ, супруга, чадь, друзей
Все сердцу милое оставишь!
Но, пунникъ! не жалѣй объ участи моей:
Кто въ жизни сей умѣлъ любишь себя за-
сжавишь,
Тотъ насладился ей.

Д. Са — о — новѣ.

~~~~~

Сабли, пашки у бедра,
А диваны — кины сѣна.

Трубки длинныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны — дымъ гуляешъ
На закрученныхъ вискахъ
И въ усахъ перебѣгаетъ.

Ни полслова — дымъ сполбомъ;
Ни полслова — всѣ мертвецки
Пьютъ и въ прахъ склонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки.

Но едва проглянешъ день,
Каждой по полю порхаешъ —
Киверъ звѣрски на бекрень,
Меншикъ съ вихрями играешъ.

Конь кипишъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищешъ, врагъ валишся —
Бой умолкъ — и вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелишся.

А шеперь что вижу? — страхъ!
И Гусары въ модномъ свѣпѣ!
Въ вицъ - мундирахъ, въ башмакахъ
Вальсируютъ на паркетѣ!

Говорятъ умнѣй они;
Но что слышимъ отъ любова?
Жомини да Жомини!
А объ водкѣ ни полслова!

Д — сб.

ЛОГИКА ПЬЯНАГО .

Сказка .

Подъ вечерокъ Хруковъ изъ кабачка Савы
 Богъ вѣдаешъ куда по спѣнкѣ пробирался;
 Шель, шель и рухнулся — народъ расхо-
 хотался.

Чему бы кажешся? Но люди паковы!

Однако кпо - шо изъ полпы
 (Почпенный человекъ) помогъ ему под-
 няпьяся,

И говоришь: „дружокъ! чшобъ впредь не
 спопыкапьяся

Тебѣ не надо пить. “

—Эхъ, брашець! все не шо: не надо мнѣ хо-
 дить.

Д — вб.

ЛОГОГРИФЪ.

Глупѣйшее лице я въ свѣтѣ представ-
ляю,

Но для загадки нѣтъ удобнѣе меня:
Угадываешь вамъ словъ я кучу доставляю,
Хоть буквами пишушь лишь только че-
тырьмя.

Откинувъ первую, найдете восклицанье,
Которымъ иногда привѣтствуюшь Царей;
Вторую бросивъ прозь, увидите названье
Рѣки Татарскихъ обласпей:

По крайней мѣрѣ такъ гласишь о томъ
преданье.

Въ *последнемъ* же моемъ хоть силы много
нѣтъ,

Но часто говоряшь его какъ бы въ опвѣщъ.
Теперь читашеля прошу я потрудиться
Последній этотъ знакъ перенести впередъ,
Попомъ *прогестъ на оборотъ*:

Тогда для всякаго вещь эта пригодится,
Хотя изъ горъ ее досташь не безъ пруда...
Ахъ! чуть не вырвалось — бѣда!

Опять прошу я васъ *последній знакъ отки-
нуть*

И въ воду можете меня свободно кинушь —
Я ни начпо вамъ больше не гожусь:
Въ водѣ мой промыселъ, хоть на землѣ ро-
жусь.

Вамъ букву далѣе *отбросить* лишь *вторую*

И слово я для васъ шакое образую,
 Съ каторымъ къ счастію найдете вѣрный
 слѣдъ:
 Всей знаши вы его съ поклонами въ отвѣтъ!
 Теперь не мудрено, что буква пажь оп-
 крылась,
 Которая съ конца въ конецъ перемѣсилась.

Вошъ дѣлывался какъ спаринный Ло-
 гогрифъ!
 Но если хочется и новый вамъ составишь,
 То словъ не мудрено прибавишь,
 И кшо угадывашъ ни мало не лѣнивь,
 Тотчасъ одно изъ нихъ мнѣ скажетъ,
 Потомъ съ улыбкою на слово шо покажетъ,
 Которое тогда пугаетъ только насъ,
 Когда приходишь смертный часъ,
 Или когда случишся съ нами,
 Что предлагаю я межъ прочими словами.
 Когдажь бы вздумалось мнѣ этими спихами
 Кому нибудь межъ вами услужить,
 То нѣчто бы еще пришлось проговорить;
 Но и шеперь я ихъ могу опдашь съ охотой
 Тому, прилѣжно кшо возмешся опгадашь,
 Что нужно въ апласѣ близъ Рейна сыскашь—
 Да врядъ ли кшо изъ васъ шакой пуспой
 заботой

Захочешъ голову ломать!

Почти гошово все—шеперь, друзья, простите:
 Иду гулять я въ лѣсъ и сяду на праву,

Коль угадаете, меня вы позовише,
Опкликнусь вамъ: ау!

В. К—тб.

Ш А Р А Д Ы.

1.

Вамъ *первое* мое бѣднякъ несчастный
скажешъ,

Всѣ показавъ свои мозоли на ногахъ;

Второе музыканшъ покажешъ

Какъ лучше сдѣлать на спрунахъ;

А *цѣлое* игрокъ нимало не уважишъ,

Коль бѣднось у него въ рукахъ.

В.

2.

Слогъ *первый* липера, *второй* же слогъ
рѣка;

Но такъ уже никто ее не называетъ.

Рѣка сія у насъ далеко прошекаетъ,

Сердиша очень, широка

И *цѣлымъ* всю почти Россію снабждаетъ.

И.

(Изъ помѣщенныхъ въ N° VII Шарадъ первая значить *По-бѣда*, вторая *Жид-кость*, а третья *Казна-тей*.)

П Р О З А.

ОТЕЧЕСКОЕ НАКАЗАНИЕ.

(истинное происшествіе.)

Донъ Кишошъ Ламанхскій былъ не послѣднимъ искашелемъ приключеній: шакихъ людей довольно и нынѣ; разница, зависящая отъ духа времени, въ одной цѣли, побужденіе все поже. Какъ опказашъ себѣ въ удовольствіи бышъ, если не главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, то по крайней мѣрѣ учасшникомъ какого нибудь необыкновеннаго происшесшвія, напримѣръ: поединка, похищенія дѣвицы, и ш. п. Сколько матеріи для разсказовъ, сколько пищи для воспоминанія! Такъ шочно; и если бы не страхъ наказанія, то господа храбрые защитники своей оскорбленной чести не имѣли бы нисколько шруда хлопоташъ о секунданшахъ—сіи послѣдніе на первой голось бѣжали бы къ нимъ шолною.

Живосшь харакшера, раннее оплученіе отъ дома, военная жизнь и чше-

ніе романовъ дѣлали молодаго Калиста человекомъ почти такихъ свойствъ. Ни одна изъ проказъ его товарищей не проходила безъ того, что бы онъ не игралъ въ ней по крайней мѣрѣ вшорой роли. Его за то любили и хвалили, а онъ съ своей стороны *радъ былъ стараться*. Я хотѣлъ было мимоходомъ посовѣтовать при семъ случаѣ родителемъ, которые съ такимъ иногда неперпѣніемъ желаютъ увидѣть дѣшей своихъ поскорѣе въ креслахъ и большихъ эпелепахъ, что бы они не слишкомъ поропились записывать ихъ въ службу, а подолѣе бы выдерживали у себя на глазахъ; но боюсь поперять напрасно слова! кому пріятны совѣты? Они и ошъ дружбы рѣдко принимающся съ удовольствіемъ.

Опець Калиста, пользуясь однажды оппускомъ сына, послалъ его по нѣкоторымъ хозяйшвеннымъ дѣламъ въ дальнюю свою деревню. Скучно было въ преннику мечшашелю провеси нѣсколько недѣль въ глуши деревенской. По близосши не случилось ни городка, ни даже порядочнаго сосѣдства. Чѣмъ и

какъ удовлетворишь любимой склонности своей къ приключеніямъ?

Одинъ разъ стоялъ онъ съ трубною въ зубахъ у окошка. Предъ глазами его, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ господскаго дома, лежала зеленая площадка съ вѣскою по срединѣ церковью. Вдругъ подъѣзжаетъ къ паперти шумная свита крестьянской свадьбы. „Кто женился?“ спросилъ онъ въ разсѣяніи человѣка. — Иванъ, сынъ нашего спароспы, на Лизаветѣ, дочери кузнеца. — „Какова невѣста?“ — О, сударь! да такой красавицы нѣтъ въ цѣломъ околѣ. — „Красавица? Я хочу ее видѣть.“ — Калиспъ оставилъ трубку и пошелъ въ церковь.

Изумленіе его при взглядѣ на молодую плачущую крестьянку превзошло всякое ожиданіе. Она была красоты не описанной и при томъ едва пятадцати лѣтъ; безобразной женихъ казался еще ее моложе: такъ обыкновенно вѣчаютъ въ деревняхъ. Калиспъ много видалъ прекрасныхъ женщинъ, но ни одной подобной Лизѣ; она превышала самой идеаль красоты, котораго иногда рисовало ему его воображеніе. — „Боже мой!“

думалъ онъ — „какъ жаль, что ее выда-
 „даюшь за такого урода, и конечно по-
 „неволь. . . Еслибъ ее образовать, хоро-
 „шенько одѣшь—она была бы вдвое пре-
 „краснѣ. . . Почемужь и не такъ? Она
 „молода, въ большихъ черныхъ глазахъ
 „ея видѣнь, кажется, умъ: это сдѣлать
 „не трудно.“ Чипатели! вы уже знако-
 мы нѣсколько съ характеромъ Калища:
 будете ли много удивляться, когда ска-
 жу вамъ, что въ слѣдъ за сими разсуж-
 деніями рѣшишельная мысль: *женюсь на*
ней! блеснула, какъ молнія, въ мечша-
 шельной головѣ его.

Обрядъ еще не начинался.—„Послу-
 шай Иванъ“ — сказала онъ, лаская жени-
 ха — „уступи мнѣ свою невѣсту: ты
 найдешь себѣ другую; я дамъ тебѣ на
 свадьбу.“—Попъ, свахи, дружки и поѣз-
 жаные думали, что баринъ шушитъ; но
 они разувѣрились въ томъ, когда Ка-
 лисшъ спалъ подлѣ Лизы и приказалъ
 вѣнчашъ себя. Священникъ хотѣлъ было
 сначала прошивишься, удержашъ моло-
 даго господина отъ такого безразсуд-
 ства; но строгое приказаніе повшорено,
 и шарикъ принужденъ былъ начашъ

свое дѣло. Чшожь Лиза? Она обомлѣвши опъ страха, удивленія, а можешъ бышь, избышка тайной радости, прошептала въ свое время: да; Калиспъ громко произнесъ шже: они были обвѣнчаны.

На другое утро параксизмъ Калисповой горячки миновался. Случившееся казалось ему сномъ, конечно пріятнымъ, однако же такимъ, котораго продолженія на яву не желалъ бы онъ видѣшь. Безразсудность поступка предсавилась ему въ полной мѣрѣ, когда брадашый кузнецъ, съ молошкомъ и клещами за поясомъ, явился къ нему въ качесшвѣ шестя.—„Ахъ! чшо я сдѣлалъ? что я сдѣлалъ? говорилъ онъ вздыхая. Конечно, Лиза прелестна и зашмила бы своею красошою городскихъ модницъ; но она безъ всякаго образованія, она креспьянка! Когда и какъ, не покидая счастливо начашой службы, могу заняшься ея воспитаніемъ? Чшо скажущъ бапюшка, свѣшь, мои шоварищи? Товарищи?...Нѣшь, они мнѣ не страшны: я еще повеселю ихъ моимъ приключеніемъ. Но бапюшка, но свѣшь!...опъ нихъ должно непременно скрышь мое дура-

чество, и поскорѣе, не оглядываясь, опсуда уѣхашь.“

Калисть въ почности исполниль свое намѣреніе. Онъ описалъ къ опцу, что получилъ повелѣніе немедленно явишься въ полкъ, и что поспѣшая оное исполнишь, не можешъ заѣхашь къ нему просишь; попомъ щедро одарилъ Лизу, кузнеца, спаросну; сказалъ, что не замедлишь возвратишься, строго запрешилъ всѣмъ разглашашь до того времени о своей женишьбѣ, и—уѣхалъ. Лиза плакала, расставаясь съ Калистомъ. Хотя она еще и не смѣла называшься женою барина, боялась даже прямо смопрѣшь на него; однакожь онъ казался ей пригожье, милѣе всѣхъ деревенскихъ парней.

Могло ли ушайтись подобное приключеніе? Опецъ Калиста скоро узналъ обо всемъ. Посупокъ сына чувспвишельно огорчилъ его; но сдѣланнаго перемѣнитъ было нельзя; Лиза имѣла законное право на имя его невѣспки. Пособишь горю оставалось одно средство — попышашься образовашь Лизу. Старикъ поспѣшилъ взять ее къ себѣ, нанялъ разныхъ учиселей, прилагалъ о

ней неусыпныя попеченія, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, при помощи дочерей своихъ и счастливыхъ природныхъ дарованіяхъ-ученицы, увидѣлъ труды свои увѣнчанными совершеннымъ успѣхомъ. Лиза какъ будто переродилась. Исключая нѣкоторыя необходимыя свѣденія, она соединяла въ себѣ самую ловкость обращенія, кошорая чувствительнымъ образомъ умножала ея пріятности. Словомъ: кто видѣлъ Лизу крестьянку, тошъ никакъ не узналъ бы ее въ Лизѣ—невѣсшкѣ богатаго Рускаго дворянина.

Но мы, ушѣшаясь новыми совершенствами Лизы, совсемъ забыли о Калишѣ. Онъ пріѣхалъ въ полкъ, разсказалъ вѣпреннымъ друзьямъ свое приключеніе, и—старался забыть о немъ; однакожь не совсемъ удачно: совѣспъ иногда надоминала ему прошедшее, и безпокойный шенюшъ ея успѣлъ даже произвѣспи нѣкоторую, выгодную перемѣну въ его характерѣ. На напоминанія сіи конечно были бы чаще, а перемѣна въ характерѣ значительнѣе; еслибъ не новыя встрѣчи, не веселая военная жизнь, не война, кошорая сряду нѣсколько

Лѣпъ водила его изъ спраны въ спрану, изъ климаша въ климапъ. Самое время спѣшило къ нему на помощь: онъ мало помалу привыкъ не уважать своимъ поступкомъ и казалось дѣйствительно забылъ о немъ. Благоразумный отецъ, ожидая раскаянiя сына, съ умысломъ ничего не писалъ къ нему о Лизѣ.

Лѣпъ черезъ пяпъ Калиснъ увѣдомилъ отца о намѣренiи своемъ побывать на родинѣ. „Добро пожаловашъ, молодчикъ, говорилъ спарикъ съ веселою улыбкою, я давно жду тебя и надѣюсь проучить порядкомъ. Лиза, продолжалъ онъ, мужъ швой скоро къ намъ будешь; но если ты хочешь вполнѣ насладиться радостiю приобрѣсти его снова, то должна исполнишь мою волю, т. е. перемѣнишь на время свое имя, переѣхашъ къ прiятельницѣ нашей Таниной и назвашся ея племянницею, выпущенною недавно изъ Смольнаго Монашья. Я знаю моего сына: красота швая плѣнитъ его при первой встрѣчѣ; но прежде, нежели ты окажешь ему знаки взаимной склонности въ которой вѣрно не будешь у себя

недоспашка, должна хорошенько помучить его суровостію. Роль твоя будетъ поддержана общимъ заговоромъ нашихъ знакомыхъ; людямъ, на всякой случай, также будетъ данъ нужный приказъ; осальное беру я на себя.“

Условіе заключено и немедленно исполнено. Лиза, подъ именемъ Эйлаліи, переѣхала въ домъ мнимой своей шешки. Знакомые, которыхъ романическая женитьба Калиста много занимала, а достоинства Лизы заставляли любить ее, охотно приняли участіе въ заговоръ. Всѣ съ непрерывнымъ ожидали развязки.

Наконецъ Калистъ пріѣхаль, и дни черезъ два, слѣдуя обыкновенію, облетѣль съ визитами городъ. Возвратившись домой, онъ ни о чемъ столько не говорилъ, какъ о прекрасной Эйлаліи, племянницѣ Таниной. Удивительное сходство ея съ Лизою напомнило ему о прошедшемъ, но узнавъ оцъ людей (которые были научены какъ опвѣчать ему), что о дочери деревенскаго кузнеца ничего не слышно, заключилъ, что она умерла и снова успокоился; а ласко-

вое обращеніе отца совершенно утвердило его въ мысли, что дурачество его осталось навсегда во мракѣ неизвѣстности. Онъ началъ чаще ѣздить къ Таниной; съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе плѣнялся Эйлалією; наконецъ спрасно въ нее влюбился.

Отецъ торжествовалъ; Лиза хорошо выдерживала роль свою. Правда не легко было для нея казаться суровою къ мужу, котораго любила въ разлукѣ, котораго обожала съ первой минуты свиданія, однакожь она умѣла превозмогать себя. Всякой конечно догадается, что вторая половина роли была разыграна ею гораздо лучше: тогда она не имѣла нужды въ припворствѣ.

„Бабушка, сказалъ однажды влюбленный Калиспъ отцу своему, я намѣренъ поговорить съ вами о важномъ для меня дѣлѣ.“ — О важномъ дѣлѣ?... Мнѣ теперь нѣкогда; но я охотно выслушаю тебя завтра поутру въ моемъ кабинетѣ. Спарикку нужно было время, что бы приготовить послѣднее дѣйствіе зашѣянной драммы.

„О чемъ же ты хотѣлъ говорить со мною?“ спросилъ онъ, когда Калиспъ на другое утро явился у него въ кабинетѣ. — Башюшка! я люблю Эйлалію, племянницу Таниной, и намѣренъ на ней жениться. Миѣ нуженъ вашъ совѣтъ, ваше благословеніе — „Женишься? Дѣло доброе! Ты уже въ такихъ лѣтахъ; а Эйлалія дѣвица доспойная, дѣвица какихъ мало. Я нисколько бы не замедлилъ моимъ согласіемъ, еслибъ — прости меня — зная вѣтренность швоего характера и довольно наслышавшись о проказахъ швоихъ въ полку, какъ опецъ, не почишалъ себя въ правѣ напередъ спросить тебя: хорошо ли ты обдумалъ свое намѣреніе? Совершенно ли свободно швое сердце? Можешь быть, ты уже общалъ его другой и обворожительная красота Эйлаліи заславляетъ тебя забыть данное слово, которое честной человѣкъ долженъ хранить свято; шѣмъ болѣе, что вѣроломство часто влечетъ за собою самыя дурныя послѣдствія. Мы еще недавно были здѣсь свидѣтелями весьма печальныхъ происшествій ошъ

подобнаго непоспоянства одного молодого человека. Онъ женился, будучи уже обрученъ съ другою. Обманутая прѣхала за нимъ по слѣдамъ, и съ опчаянія лишилась разсудка. И такъ, любезной сынъ, скажи мнѣ откровенно: можешь ли ты безъ внутренней укоризны самому себѣ располагать своею рукою?... Но ты блѣднѣешь, опускаешь въ землю глаза, не смѣешь взглянуть на меня? Что значишь твое смущеніе?“ — Башюшка!... любезный башюшка!... — „Какъ не уже ли подозрѣнія мои справедливы? Не уже ли я умѣлъ прочесть въ душѣ твоей какую нибудь поспыдную для тебя тайну? Договаривай, не покинь меня!“ — Калиспъ запрепещалъ, какъ пресупникъ въ часъ смерти, бросился къ ногамъ опца и разсказалъ ему о странной своей женишьбѣ.

„Недоспойный! и ты, и ты, оскорбивши такимъ союзомъ честь нашей фамиліи, не устранился еще посягнуть на оскорбленіе самой вѣры?...“ — Ахъ! пощадите, пощадите меня. Я не въ силахъ переносить жестокихъ вашихъ упрековъ и еще жесточайшихъ — упрековъ моей сѣ-

вѣспи. Они справедливы: все обвиняешь меня въ безразсудности перваго моего пошупка; но, можешь быть, само Провидѣніе оправдываетъ насъ происходящее мое намѣреніе, можешь быть. . . . Лиза умерла. . . . Объ ней ничего не слышно. — „Умерла? Это тебя ушѣшаетъ? Нѣтъ, жестокой! она жива, что бы всюду преслѣдовать тебя съ неопшѣемлемымъ правомъ на швою свободу!“ — Калисшъ въ безпамятствѣ упалъ въ кресла: послѣднія слова отца были для него убійственнѣмъ приговоромъ. — „Довольно! вскричалъ старикъ, пронувшій положеніемъ сына, довольно: мѣра наказанія исполнена! Лиза! увѣрь своего мужа, что ты еще жива — для его благополучія.“ — Боковая дверь отворилась, и Лиза, въ образѣ Эйлаліи, бросилась на грудь Калисша. — Я не въ силахъ изобразить окончанія сей сцены; пустьъ дорисуетъ ее воображеніе читателей. —

Калисшу объяснили чудесное превращеніе Лизы. — Башюшка! говорилъ онъ, обнимающій отца своего; вы оказали мнѣ истинное благодѣяніе: вы примирили меня съ собою, дали мнѣ прекра-

снoй урокъ, и въ то же время наградили милою, рѣдкою женою! Чѣмъ буду въ силахъ заплашишь вамъ? — „Ничѣмъ, опвѣчалъ опецъ, улыбаясь сквозь слезы, ничѣмъ, кромѣ совершеннаго шво-его исправленія!“

Калиспъ безъ шруда исполнилъ желаніе опца: исправленіе его было почти кончено въ минушу вторичнаго соединенія его съ Лизою. Говоряшь, что онъ въ полной мѣрѣ насладился счастьемъ супружества, и часшо, въ насшавленіе дѣшямъ, рассказывалъ исторію своей женишьбы.

В. Панаевъ.

РѢДКАЯ ЖЕНА.

Быль.

Давно уже, давно въ Москвѣ у какого-то довольно доспѣшочнаго Священника только и было дѣшей, что одинъ сынъ. Опець и машь не слыхали въ немъ души, избаловали его и любимой ихъ сынокъ Иванушка (настоящее имя его я позабылъ) вышелъ въ двадцать лѣтъ невѣжда, пьяница и буянъ. Почти не умѣлъ читать и писать, а попить, побить его дѣло. Пріятели его, друзья и братья были Московскіе фабричныя. Опець и машь не смѣли ему сказать ни слова, и онъ, какъ говорится, ни въ грошь ихъ не ставиль. Старики вздумали женить его въ надеждѣ, что женится, такъ переименится. „Женись, Иванушка! говорили они ему; сдѣлай намъ хоть это послушаніе.“— Не хочу жениться, отвѣчалъ онъ имъ съ грубостію; хочу еще гулять!—Долго не соглашался онъ исполнить просьбу добрыхъ и слабыхъ своихъ родителей; наконецъ доуки и слезы ихъ его убѣдили.—Ну ладно, сказалъ онъ имъ, пожа-

луй женюсь, коли вамъ эшаго хочешся и коли найду себѣ по мысли невѣсту.

Спали свашать невѣсту за Иванушку. Вошь смопрятъ одну, другую, прешью, четвершую; никошорая однако изъ нихъ Иванушкѣ не показалаь. Наконецъ приглянулась ему Маша, дочь одного бѣднаго церковника, сиропка, безъ опца, безъ машери и почти безъ приданаго. Впрочемъ, какъ онъ самъ послѣ признавался, не чувспивоваль къ ней тогда никакой особенной склонности и охоты къ женишьбѣ; но рѣшившись, въ первый можешъ бышь еще разъ, сдѣлашь утѣшеніе опцу и машери, даль имъ знашь о своемъ выборѣ. — „Какъ же, голубчикъ Иванушка, возразили ему съ крошосцію спарики: за дочерью Опца Филиппа, за дочерью Опца Василя, за шакою-шо и шакою-шо, даюшь сполько-шо денегъ, сполько-шо жемчугу; а у Маши, хошь она дѣвица хорошая и разумная, ничего почти нѣшь.“ — Да вѣдь у тебѣ, башюшка, есть деньги; а у тебѣ, машушка, жемчугъ. Кому вы бережете? Коли Маша вамъ не угодна, шакъ не женюсь ни на комъ и пойду въ солдашы. Про-

щайте. — „Помилуй, помилуй! Что ты? Богъ съ побой! Мы шолько такъ сказали. Пожалуй женись себѣ на Машѣ, все опдадимъ шебѣ съ нею. Коли хочешь, сего дни же ударимъ и по рукамъ.

Ударили по рукамъ; скоро послѣ того сдѣлали стговоръ и сыграли свадебку у себя въ домѣ. Первые три или чепыре дни провель новобрачный довольно порядочно; на радости былъ не одинъ разъ пьянь, по крайней мѣрѣ не буйнилъ. На чешвершой или пяшой день вздумалъ онъ повидашься со своими друзьями фабричными, которые собирались ежедневно вечеркомъ на ближайшемъ подлѣ него кружалѣ. Не сказавъ ни слова ни ошцу, ни мапери, ни женѣ, берещъ онъ деньги, шляпу и хочешъ идши. — Куда ты, бапюшка Иванъ Семеновичъ? спрашиваешъ его шрепещущая Маша. — „Гулять! съ побою что ли все обнявщисъ сидѣшь дома?“ — Ради Бога оспанься. Коли ужъ непременно хочешъ пишь, по лучше пей дома. Чего шебѣ угодно? Пивали? вина ли? наливки ли какой или водки? Все ешь дома: я выпрошу у бапюшки и у машушки. — Иванушка подумалъ и ска-

заль: „коли хочешь, что бы я не ходилъ со двора, то принеси водки, да Гданской! слышишь ли? “Маша побѣжала опромешью къ свекрови и въ минушу воропилась со шпофикомъ Гданской водки, которую спарики берегли для дорогихъ госпей. Иванушка почти весь его опорожнилъ.

Такимъ образомъ удалось Машѣ раза два или при удержаньи дома гуляку своего мужа. Между тѣмъ пришли его фабричные, проходя мимо его дома, когда онъ случался у окна, съ насмѣшкою глядя на него, пожимали плечами и давали знакъ, что бы пришелъ онъ въ обыкновенное сборное ихъ мѣсто. Совѣстно спало Иванушкѣ, что давно не видалъ друзей своихъ, поварихей и рѣшилсѣ непременно идти къ нимъ. Маша, узнавъ о томъ, спала просишь его, плакашь; онъ не слушалъ и не глядѣлъ на нее. Когда онъ надѣлъ уже шляпу и хотѣлъ идти, Маша обняла его и старалась удержатъ; въ сердцахъ општолкнулъ онъ ее отъ себя такъ сильно, что она упала и очень больно ушиблась. Иванушка сошелъ съ крыльца и

отворялъ уже калишку, какъ вдругъ откуда ни возмись Маша, упала передъ нимъ на колѣни и обхвативъ крѣпко его ноги, сказала навзрыдь: „воля швоя, не пуцу тебя! Подумай куда шы идешь и зачемъ? “Разъяренный супругъ ошвѣчалъ ей ругательствами и ударами; но она крѣпко держала его за ноги, цѣловала ихъ и съ умилишельною покорносшію просила объ одной шолько милосши, что бы онъ ошался дома. Наконецъ убѣжденія, слезы и ласки Маши пронули каменное его сердце: онъ образумился и ужаснулся своего поступка.—Вспань Маша, сказаль онъ: послушаюсь тебя, не пойду въ кабакъ, и съ эшой поры нога моя шамъ никогда не будешъ. — При сихъ словахъ радосшная улыбка появилась на лицѣ плачущей и избитой Маши. Она бросилась на шею къ своему мужу, разцѣловала его и какъ бы въ шріумфѣ привела въ свою комнапу. Никогда еще не видали ее споль веселою и довольною какъ въ эшой день послѣ побой.

Когда пришли они въ комнапу, Маша зная слабоспъ своего мужа, спро-

сила его: „чего же прикажешь принести себѣ выкушать?“—Ничего, Маша; съ сей поры не хочу больше пишь — „Доброе дѣло! подкрѣпи шебя, Господь..... Что же ты станешь шеперь дѣлать?“—Не знаю, а ты что будешь дѣлать? — „Мнѣ вошь, видишь, надобно донизать ризу на образъ; а ты бы съль подлѣ меня да почишалъ мнѣ вслухъ какую нибудь божественную книгу: у бапюшки свекра книгъ довольно.“ — Спарикъ Священникъ удивился и едва не заплакалъ отъ радости, когда сынъ попросилъ у него книги. Онъ далъ ему Библию и Иванушка съ великимъ прилежаніемъ и вниманіемъ началъ читать ее.

Заблаговѣспили на другой день къ заупрени; отецъ Иванушки пошелъ по обыкновенію въ церковь и Иванушка вмѣстѣ съ нимъ. Онъ былъ шакже у обѣдни и у вечерни, и съ эшой поры спалъ ходилъ всякой день въ церковь. Въ церквѣ помогаль онъ дьячку читать и пѣшь; дома безпрестанно сидѣлъ за дѣломъ, читалъ или писалъ, и не видѣлъ въ занятіяхъ какъ проходило время. Онъ имѣлъ очень хорошую

памяшь; природныя его способности вдругъ раскрылись съ переменною образа его жизни. Изъ невѣжды и буяна сдѣлался онъ довольно свѣдущимъ по своимъ лѣшамъ и самымъ крошккимъ и скромнымъ челоуѣкомъ, шакъ что многіе духовные спавили его въ примѣръ своимъ сыновьямъ. Опець и машь плакали отъ радости и не могли нахваляться своею снохою. „Что, спаруха, говариваль часшо Священникъ женѣ своей: пропаль бы нашъ Ванюша, если бы мы женили его на богатою.“

Черезъ пять или шесть мѣсяцевъ, когда Иванушка, или Иванъ Семеновичъ узналъ уже почти совершенно кругъ церковнаго служенія, сдѣлали его дьячкомъ; черезъ годъ, или черезъ два, посвятили его въ Діаконы; черезъ нѣсколько лѣшъ произвели въ Священники, и наконецъ онъ былъ въ Москвѣ однимъ изъ самыхъ старшихъ и почешнѣйшихъ Протоіереевъ *), былъ членомъ Синодальной

---

*) Знаю только, что онъ былъ Протоіереемъ въ церкви Спаса; но въ какомъ именно приходѣ, о шомъ къ сожалѣнію не могу вспомнишь.

коншоры, и хрисціанскими своими добродѣтелями и примѣрнымъ жишіемъ приобрѣлъ всеобщее уваженіе отъ духовенства и Московскихъ гражданъ. Благоразумными и крошкими своими увѣщаніями возшановилъ онъ спокойствіе и порядокъ во многихъ семействахъ и обратилъ со снєзи развраша на путь добродѣтели многихъ заблудшихъ, не только молодыхъ, но даже и пожилыхъ людей.

Все это слышала я отъ покойнаго отца моего, который зналъ его лично и въ присушствіи котораго почтенный эпѹпъ Пропоіерей (лѣтъ за 45, если не болѣе) рассказывала исторію своей жизни.—„Послѣ Бога, говорилъ онъ, обязанъ я всемъ женѣ своей. Еслибъ не она удержала меня отъ развращенной жизни и дурнаго сообщества, то вѣроятно довели бы меня до гибели прежніе мои товарищи, изъ которыхъ многіе въ послѣдствіи наказаны были за разныя преступленія.“

И:

ИЗВѢСТІЯ О ЛОНДОНѢ.

(Продолженіе.)

Кулачные бойцы.

Англичане бьются на кулачки; Нѣмцы начинаютъ шеперь турнировать. И шо и другое очень глупо; однако же глупость Нѣмцевъ все мнѣ кажется извинительнѣе: эша мода скоро у нихъ пройдетъ, хотя бы завелась между ими спрансшвующіе искусники турнированія и спали бы, какъ нѣкогда спрансшвующіе декламаторы, показывать искусство свое за деньги. Нѣмцы сполько умны, что не могутъ долго и постоянно занимашься бездѣлицами. Уже и шеперь привязанность ихъ къ турнирамъ начинаешъ выходить изъ границъ, а эшо — передъ концемъ.

Напрошивъ шого присшраспіе Англичанъ къ ихъ кулачнымъ бойцамъ неизмѣнно. Они любяшъ морально и физически все грубое. Ихъ *кулачное* искусство приведено въ правила и возвышено въ науку, шочно такъ какъ Профессоръ Янъ и другіе ученые Нѣмцы сдѣлали

эно въ отношеніи къ шурнирамъ. Въ Лондонѣ и внѣ его высшіе и низшіе классы народа принимаютъ живѣйшее участіе въ искусствѣ кулачнаго боя. Одинъ Баронетъ написалъ особую книгу о сей, столь важной для человѣческаго рода части Гимнастики. Однажды какой-то Лордъ говорилъ съ нимъ о его книгѣ и о приведеніи въ дѣйствіе нѣкоторыхъ предположеній, казавшихся ему слишкомъ идеальными. Вдругъ Баронетъ схватилъ Лорда и переброшилъ его черезъ себя. Благородный Лордъ, полуразбитый въ своемъ паденіи, вспалься гнѣвомъ и ругался какъ нельзя больше. — „Милордъ, ошвѣчалъ Баронетъ съ важностію, эно ли ваша благодарность? Право только изъ особеннаго, сердечнаго къ вамъ уваженія, показаль я шеперь эшу уловку. Клянусь вамъ всемъ на свѣшѣ, что еще никому не открываль ее.“

Въ *Левисгамѣ* (Lewisham), деревнѣ неподалеку отъ Лондона, давали недавно зрѣлище кулачнаго боя. На лугу, обгорожено было мѣсто въ осьмнадцать фузовъ длины и ширины. Вкругъ онаго шолпились зрители — ихъ было

по крайней мѣрѣ 3.000 человекъ. Между загородкою и народомъ оставалось еще довольно большее незамѣщенное пространство. Крестьяне съ бичами ходили передъ народомъ взадъ и впередъ, и не допуская приближаться, хлестали во все стороны. Въ числѣ любителей сего зрѣлища находилось много женщинъ; нѣкоторыя изъ нихъ, чѣмъ лучше видѣшь, вскарабкались на деревья.

Бойцы пришли: *Брѣкеръ*, Ирландецъ и *Вильсонъ*, Англичанинъ. Одинъ перекинулъ свою шляпу черезъ зрителей; другой сдѣлалъ тоже. Оба вступили въ загородку. При каждомъ было по два секунданца, которые несли свѣжую воду и лимоны. Бойцы обнажились до пояса.

Дали сигналъ начинатьъ. Бойцы сошлись и прежде всего другъ другу ласково пожали руку — въ доказательство, что какъ были, такъ и останутся хорошими пріятелями. Сопровождавшіе ихъ сдѣлали тоже. Попомъ опшупивъ, стали другъ прошивъ друга въ положеніи, подобномъ тому, какое наблюдается при поединкахъ: твердо на

одной ногѣ, другую опкинувъ назадъ; оба выславили кулаки впередъ, мѣня ими безпрестанно, чтобы нанесли непріямлю ударъ или полчекъ.

У каждаго были въ непрерывной дѣятельности оба кулака: одинъ, чтобы отражать удары; другой, чтобы наносить ихъ. Часто однако совсемъ неожиданно защищающій кулакъ ударялъ, а назначенный къ нападенію отражалъ удары. Ниже бедръ не позволяешся бить. Верхъ искусства состоить въ томъ, чтобы противника своего сокрушить подъ ударами или низпровергнуть на землю.

Битва продолжалась добрая полчаса и была ужасна. Вильсонъ имѣлъ преимущество въ ловкости и преворснвѣ. Онъ наносилъ противнику своему сильнѣйшіе удары, такъ что лицо его и все шло покрылось синими и черными пяшнами: кровь изъ него лилась ручьями. Брѣкеръ напрошивъ того превосходилъ Англичанина силою. Всякой разъ, когда ему удавалось схватить своего соперника, бросалъ онъ его на землю, такъ что у того шрещали ребра. И при всякомъ разѣ, какъ Вильсонъ

падалъ, зрители кричали: „онъ снимаешь мѣрку для гроба.“ — Вильсонъ былъ поверженъ на землю 21, Брекеръ только пяць разъ. Наконецъ первый подалъ Ирландцу руку въ знакъ того, что признаешь себя побѣжденнымъ. — Ужасное, ошвращительное зрѣлище!

И въ чемъ состояла награда побѣдителя?—Въ десяти фунтахъ стерлинговъ!

Левъ Дунко.

Не удивительно, что дикіе звѣри дѣлаются ручными и смирными въ то время, когда люди вмѣняютъ себѣ въ честь уподобляться дикимъ звѣрямъ. Въ Товерѣ показываютъ живыхъ шигровъ, львовъ, леопардовъ, пантеровъ и проч. Между сими звѣрями находятся тамъ многіе особенно замѣчательные, напримѣръ: львица, вскормленная собакою, левъ, сосавшій грудь Гошпенщопки, и проч.

Мнѣ нравились слѣдующій *теловѣколюбивый* поступокъ льва Дунко, содержащагося прежде въ Королевскомъ звѣринцѣ. Плошникъ, позванный однажды

для починки чего-то въ испортившейся клѣпкѣ льва, ужаснулся при видѣ сего страшнаго звѣря и не могъ начать своей работы. Смопритель звѣринца вошелъ въ клѣпку и ошвелъ льва въ прошивную сторону, а между шѣмъ другую спали чинишь. Ошъ скуки смопритель забавлялся со львомъ всячески, игралъ какъ съ ребенкомъ и наконецъ уславши, сѣлъ подлѣ него и заснулъ.

Плошникъ, полагаясь на бдишельность Вилліама (шакъ назывался смопритель), старался поскорѣе кончить свою работу и ошдѣлавшись, кликнулъ его, что бы показашъ свою починку. Вилліамъ не давалъ ошвѣща. Плошнику не понравилось это молчаніе. Съ величайшею боязнію приблизился онъ къ прошивной сторонѣ клѣпки и заглянулъ шуда. Что же онъ увидѣлъ?—Левъ и смопритель лежали одинъ подлѣ другаго на полу и спали оба. Плошникъ ужаснулся. Онъ еще разъ кликнулъ Вилліама. Вдругъ пробудился левъ—поднялъ голову, увидѣлъ плошника оцѣпенѣвшаго ошъ ужаса, положилъ одну лапу на

Вилліамову грудь, а свою голову на другую лапу и заснулъ опять.

Въ величайшемъ страхѣ, не зная что дѣлать, побѣжалъ плотникъ изъ залы авѣринца и все видѣнное разсказалъ въ замкѣ. Тотчасъ собралось нѣсколько служителей, опворили дверь залы, которую работникъ опъ ужаса при выходѣ заперъ, и надѣлали сполько шуму, что наконецъ Вилліамъ проснулся. Онъ, казалось, ни мало не былъ пораженъ своимъ положеніемъ, снялъ пошчасъ львиную лапу съ своего сердца, попрясь ее, какъ у хорошаго пріяшеля, и пошелъ прочь.

Достопамятности Арсенала.

Ружья, пистолешы, сабли, шпыки и пысячи другихъ, древнихъ и новыхъ, орудій смерти разсавлены въ ужасномъ, мрачномъ великолѣпнн въ Королевской оружейной. Тушь ешь и историческія достопамятности, напрімѣрь: сѣкира, копорою обезглавлена прелестная *Анна Булейнъ*, возведенная нѣкогда презрительнымъ Королемъ *Генри-*

Холъ VII на степень Королевы и попомъ умерщвленная по его же приказанію, попому что въ послѣдствіи времени заблагоразсудилось ему влюбиться въ *Іоанну Сеймуръ*. Далѣе: сѣкира, копорюю влюбчивая Королева *Елисавета* приказала опрубить голову прежнему своему обожателю *Графу Эссексу*. Желалъ бы я знать, что люди находятъ любопытнаго въ сихъ памянникахъ варварства?

Недалеко отъ сихъ сѣкиръ виситъ древняя рогашка или широкая, особымъ манеромъ сдѣланная цѣпь на шею. Въ старыя времена надѣвалось это ожерелье въ Англіи на шѣхъ женщинъ, копорыя преслушали обѣщаніи къ мужьямъ своимъ, или на шѣхъ, копорыя клеветали на ближняго. Надобно думать, что пороки сіи были въ то время очень рѣдки; сколько бы нынѣ понадобилось такихъ ожерельевъ!

Свобода книгопечатанія.

Нѣмцы все еще не знаютъ хорошенько, что имъ дѣлать съ свободою книгопечатанія. Эта молодая прелестница

для нихъ все еще слишкомъ чужда, слишкомъ нескромна, слишкомъ неугомонна. Есть умные люди, которые бояшся, чтобъ она не оборотила все вверхъ дномъ. Въ Веймарѣ она выглянула было изъ окошка, но его шопчасъ ошашь пришворили.

Свобода книгопечатанія не годится еще для Нѣмцевъ. Пусть подождутъ они еще лѣшь сошню—не пошому, что бы духъ Нѣмецкой націи не былъ для шого также зрѣль, какъ Англинской или Французской, которые наслаждаются свободою мыслишь и печашашь; но пошому что ихъ Минисшры и Государсшвенные чиновники еще слишкомъ для шого не зрѣлы. Они дозволяють свободѣ книгопечатанія всѣ возможные лжи, если находяшь въ нихъ похвалу себѣ или лесшь; но гнѣшуютъ и правду, если она вопіешь прошиву нихъ. Когда бы большіе люди были и великіе люди, шо они поступали бы совсемъ прошивнымъ шому образомъ—спыдились бы первой и уважали бы послѣднюю. Гдѣ нѣшь свободы порицашь, шамъ и похвала не имѣешь насшоящей цѣны и вѣрояшія.

Въ Англіи и особенно въ Лондонѣ во сто разъ еще болѣе плохихъ и плоскихъ журналистовъ, чѣмъ у насъ (въ Германіи); но шамъ и посшупающъ съ ними шакъ, какъ они заслуживающъ: пожимающъ плечами и глупость ихъ при нихъ же осшавляющъ. *Питтъ* и *Фоксъ*, несмопря на всѣ журнальныя поношенія и ругашельсшва, унизились ли хошъ на волосъ въ общесшвенномъ мнѣніи? Ни мало! Но свобода книгопечатанія способсшвовала къ ихъ величію, ибо узнавая чрезъ шо общее мнѣніе, они умѣли имъ пользоваться. Сія самая свобода книгопечатанія расшросшраняешъ славу именъ Французскихъ и Англинскихъ Государсшвенныхъ людей по всему свѣшу. О нашихъ Нѣмецкихъ Минисшрахъ во Франціи, Англіи, Россіи и даже самой Германіи едва знающъ и шо, что они имѣющъ чесшъ сущесшвовашъ: ибо о нихъ не смѣешъ никшо ни говоришъ, ни писашъ—кромѣ развѣ похвальныхъ словъ; но разсудисшельные люди не уважающъ шакихъ панегириковъ, вылившихся изъ подъ пера всепокорнѣйшихъ и преданнѣйшихъ слугъ. Все равно хошъ бы они и писаны не были.

Въ 1816 году печатали въ Лондонѣ каждый день, исключая воскресенье, восемь утреннихъ и семь вечернихъ газетъ; тридцать восемь другихъ журналовъ издавались по извѣстнымъ днямъ въ недѣль; по воскресеньямъ десять. Ежедневныхъ утреннихъ листовъ расходилось около пятнадцати, вечернихъ около тринадцати тысячъ экземпляровъ. Число подписчиковъ на журналы, выходящіе по воскресеньямъ, простигалось до 26.000, а на прочіе до 20.000. Такимъ образомъ выдаваемо было *еженедѣльно* около 240.000 газетъ и другихъ періодическихъ сочиненій. Выручаемая отъ этого сумма простиралась до 5000 ф. стерл. Платежъ за припечатаніе въ оныхъ всякихъ объявленій можно положить въ 2.200 ф. ст. Правительство получаетъ отъ публичныхъ листовъ 4000 ф. ст. Сверхъ этого въ провинціяхъ печатается *еженедѣльно* 250.000 экз. журналовъ разнаго рода.

Стихотворцы и Писатели.

Англичане многимъ изъ своихъ превосходнѣйшихъ писателей при жизни ихъ едва давали насущный хлѣбъ, а по смер-

ши воздвигали имъ великолѣпные памятники. У Нѣмцевъ же великіе ихъ писатели не получаютъ ни шого, ни другаго, а только кой-гдѣ даются книгопродавцамъ привилегіи пропивъ перепечашивальщиковъ. Такія привилегіи служатъ сочинителямъ и книгопродавцамъ опводами ошъ лишперашурныхъ грабишелей. И шо весьма хорошо въ землѣ, гдѣ шакой грабежъ дозволенъ.

Въ Веспминсшерѣ находится Пантеонъ великихъ умовъ, коимъ древняя Англія обязана своимъ просвѣщеніемъ, своимъ благосостояніемъ, своею славою, своею силою. Тамъ мѣдъ и мраморъ образуютъ памятники безсмертныхъ. Крапкія извѣстія о ихъ жизни имѣли бы шупь гораздо болѣе цѣны, чѣмъ всѣ пышныя надписи. Такъ напримѣръ подъ бюстомъ Гея (Gay) можно бы написать: *онѣ жилѣ подаяніемѣ Герцога Кенсбури (Queensbury); подѣ Томсономѣ: пѣвецѣ временѣ года умерѣ въ ужаснѣйшей бѣдности; подѣ Джонсономѣ: его заключили въ темницу за пять гинеи, которыя онѣ былѣ долженѣ и не могѣ заплатить; подѣ Ошваемѣ: онѣ умерѣ съ голода.*

Песталоцци и Ланкастеръ.

Двѣ мѣтоды ученія — Песталоція и Ланкастера — находящяся здѣсь въ соперничествѣ между собою. Безъ всякаго сомнѣнія Швейцарскій мудрецъ проиграеть, ибо Песталоцци занимается преимущественно образованіемъ ума. Боже мой! Кто въ нашихъ благоустроенныхъ Государствахъ пребуеть ошъ народа ума, даже ошъ взрослыхъ, не только что ошъ дѣшей? Нынѣ хошяшъ только хорошо обученныхъ подданныхъ, которые бы плашили исправно подаши и были добрыми солдашами. Для сего Ланкастеровъ мѣтода несравненно лучше.

Иосифъ Ланкастеръ естъ честный Квакеръ въ Лондонѣ. Въ его школѣ около 500 учениковъ упражняющяся въ чшеніи, письмѣ и вычисленіяхъ. Нѣкто *Белль* перенялъ сей способъ обучашъ дѣшей въ Оспъ - Индіи у Браминовъ и ввель въ употребленіе въ Мадрасѣ. Ланкастеръ усовершенствоваль мѣтоду.

Въ его школѣ дѣши раздѣлены какъ бы на рошы. Всякій высшій классъ снаб-

жаешъ низшій — а сей опяшь слѣдующій низшій и такъ далѣе — училелемъ или экзерцирмейстеромъ. Такимъ образомъ сколько возможно подспрекаюшь въ дѣляхъ похвальную склонность къ честолюбію и возвышаюшь изъ одного званія въ другое. — Дѣши начинаюшь шѣмъ, что пишушь буквы и такимъ образомъ учашся вдругъ и читають и писають.

Мальчики въ Ланкасперовой школѣ, по обычаю Квакеровъ, сидяють въ шляпахъ. Выходя же изъ школы, идують всѣ рядами, выпянувшись и выравнившись, мѣрными шагами и повѣся свою аспидную доску на спину, какъ солдата свой ранецъ. Весело смошрѣють въ семь положеніи на рѣзвыхъ ребятишекъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.)

ДЕНЬ МОДНАГО СВѢТА ВЪ
ПАЛЕРМѢ *).

Въ Палермѣ живутъ всегда въ обществѣ между чужими людьми; домой возвращающся для того только, что бы спать. Жизнь моднаго свѣта есть вѣчное разсѣяніе; кажется никшо здѣсь не любишь мирнаго сѣмейственнаго уединенія: роскошествоують чрезмѣру, не думаютъ о хозяйствѣ, вездѣ и во всемъ ищутъ наслажденія, ищутъ онаго съ жаромъ спраши, смѣются, радуются всему, ушѣщаются всякою бездѣлицею, никогда не занимающся важными спорами о Полишикѣ и правленіи, не осуждаютъ никого, шушяшъ, поютъ, танцуютъ, сочиняютъ стихи, нѣжнѣйшіе изъ нихъ чишаютъ дамамъ — словомъ, оба пола помышляютъ только объ одномъ: *какъ пріятнѣе провести время, и мож-*

---

*) Изъ 4й части *Записокъ Морскаго Офицера*. Первая и впорая часть этой любопытной и занимательной книги уже опечашаны. См. II и VII Но сего Журнала, стран. 127 и 60.

но скажешь, что Сицилійское дворянство живешь только в театрахъ, маскарадахъ, въ публичныхъ собраніяхъ, и живешь очень весело.

Что бы дашь понятіе о препровожденіи времени моднаго свѣша, послѣдуемъ за молодымъ, примѣрно воспитаннымъ Барономъ, нѣжнымъ почишаемымъ прекраснаго пола, милымъ, свѣшскимъ человекомъ. — По утру до десяти часовъ не слышно шума экипажей; одинъ только проспой народъ, купцы и ремесленники шолпясь на улицахъ, и какъ Палерма очень многолюдна, по улицы, особливо площади, походяшь всегда на ярмонку. Въ полдень начинають показываються экипажи; полусонныя горничныя опкрывають жалузи, поднимають гардины въ окнахъ. Нашъ молодой Баронъ, не надѣвая еще шлафорка, пьешь въ эшо время въ постелѣ шоколадъ; въ три, или чешыре часа, если не слишкомъ жарко, выѣзжаешь — посѣщаешь напримѣръ знакомую ему Маркизу, которая въ прелеспномъ *неглиже*, прикрывшись шелковымъ одѣяломъ, принимаетъ его, роскошно лежа на посше-

лѣ. Скромныя чипашельницы, краснѣющія при чпеніи сихъ строкъ, побраняшь, можешь бышь, меня, что я выставляю это нескромное обыкновеніе. Въ оправданіе свое скажу: *здѣсь такая мода*, а мода вездѣ есть законъ; къ тому же въ эпомъ соблазнительномъ для насъ обыкновеніи, здѣшніе жители, даже старики самой строгой нравственности, не видяшь ничего дурнаго. — Пслѣдуемъ за Барономъ далѣе. Опъ Маркизы заѣзжаетъ онъ къ Герцогинѣ, которая уже вспала, сидишь за туалетомъ, перебираешь листки новаго сочиненія и съ улыбкою слушаешь ловкаго парикмахера, рассказывающаго ей городскія новости. Баронъ прибавляетъ что нибудь и опъ себя, хвалишь головной ея уборъ, находить, что голубый или розовый цвѣшь чрезвычайно идешь ей къ лицу, суешишься, упреждаешь служанку, подаетъ Герцогинѣ духи, помаду, шпильки или прозрачный плашчикъ — словомъ, одѣваешь ее, споришь съ горничною, хвалишь ея черные, плюшковскіе глазки; Герцогиня смѣетъ, наконецъ всмаетъ и говоритъ *addio caro*

(до свиданія). Послѣ сихъ упреннихъ визитовъ, Баронъ посѣщаетъ лавки, модные магазины, кабинетъ скульптора и живописца, которые обыкновенно живутъ въ нижнихъ этажахъ и оконченные свои работы выставляющъ на улицу у дверей. Баронъ, какъ знапокъ, дѣлаешъ замѣчанія, даешъ совѣты, или хвалишъ восклицаніями, и попомъ отправляешся въ великолѣпно убранный кофейный домъ, болѣе прочихъ посѣщаемый. Тутъ знакомые и незнакомые составляютъ одно шумное сѣмейство; тутъ споряшъ, шушяшъ другъ надъ другомъ, не оскорбляющъ шутками и насмѣшками, отражающъ ихъ оспрыми словами, забавляющъ смѣшными анекдотами, счастливыми или неудачными любовными приключеніями. Стихотворцы, Литператоры, Профессоры и Аббаты читающъ въ углахъ свои сочиненія: если они дурны, другіе зѣваюшъ; если хороши, бьюшъ въ ладоши и кричащъ: *безподобно, неподражаемо!* Толпы переходяшъ безпрестанно отъ одной двери къ другой; продавцы галаншерейныхъ вещей, игрушекъ и бездѣлушекъ, румя-

ныя поселянки съ корзинками цвѣшовъ, предлагающъ съ поклонами свои повары шому, кпо на нихъ взглянешъ. Капуцинь, съ крестомъ въ одной рукѣ, съ шарелкою въ другой, съ поникшимъ взоромъ, чистая молишвы и прославляя милосердіе къ бѣднымъ, принимаешъ со смиреніемъ полушки. Голодные нищіе, стоя у отккрытыхъ дверей и оконъ, вопяшъ и просяшъ милосшыни; слуга, нося по заламъ курильницу, заспавляешъ ихъ молчашъ или прогоняешъ ошъ дверей. Нашъ Баронъ, какъ знашный господинъ, для лучшаго шона, не снимая шляпы, сидишъ небрежно на софѣ, приказываешъ слугѣ подашъ себѣ маленькую чашку кофе или мороженаго, и перебирая листы въ газетахъ, не чистая ихъ, слушаешъ разговоры другихъ; любешся своимъ брилліаншовымъ перешнемъ, или спройноспію своей ноги; съ пришворнымъ неперцѣніемъ смошришъ на часы, и чшо бы убишъ время, разсмашриваешъ на спѣнахъ дурные эшампы, поправляешъ передъ зеркаломъ галсшукъ и манжешы, или ласкаешъ миловидную служанку, кошорая

на позолоченныхъ креслахъ сидить за буфетомъ и кокетствовать. Симъ оканчивается *утро* модныхъ молодыхъ людей.

Въ пять часовъ Баронъ возвращается домой, одѣвается, ѣдетъ обѣдать въ лучшую респорацию, гдѣ за общимъ столомъ спарается съѣсть подлѣ какой нибудь пригожей женщины, и не успѣвъ въ помѣ, весело разговариваетъ съ двумя незнакомыми сосѣдами, подчуешь ихъ и каждый плашитъ за себя. Послѣ обѣда, Баронъ раздѣвшись, отдыхаешь обыкновенно до седьмого часа на постелѣ. — Какъ только зажгуть на улицахъ фонари, начинается ужасный шумъ. Кареты, коляски и фашоны, освѣщенные двумя пылающими факелами, попрысають мостовую, скачуть, перегоняють одна другую, вспрѣчаются, разѣзжаются: одни ѣдутъ смотрѣть Трагедію, другіе Оперу, шрешьи національный диверсиссементъ, и ш. д. Въ девять часовъ Баронъ ѣдетъ въ Королевское собраніе, а жена его уѣзжаетъ опшуда въ дворянскіе и другіе клубы, занимаешь тамъ игрою въ каршы, охотно слушаешь учтивости кавалеровъ,

награждаетъ остроуміе улыбкою и назначаетъ любезному рандеву.

Въ полночь шукъ и шумъ увеличивается до чрезвычайности: въ Палермѣ сіе время почти шо же, что у насъ полдень. Вся публика съѣзжается на *Марино* и въ садъ *Флору*. Набережная (*Marino*) имѣетъ еще лучшій видъ, нежели наша Англинская или дворцовая. Съ одной стороны ея обширный заливъ, покрытый всегда линейными и купеческими кораблями; съ другой часть городской спѣны и длинный домъ, котораго нижній этажъ закрытъ широкою террасою; входъ на оную изъ впадраго жилья, надъ которымъ еще два. Посреди набережной возвышается, подобно нѣкоему храму, круглый павильонъ съ колонадою и съ куполомъ; тушь большой оркестръ музыки играетъ симфоніи и концершы. Пѣшеходы идушь по прощуару, экипажи шѣсняшся между онымъ и спѣною. Нельзя не замѣшить, что здѣсь на экипажи еще большая роскошь, нежели въ нашихъ столицахъ: всѣ вообще карешы и коляски, даже наемныя, въ послѣднемъ Англин-

скомъ вкусѣ. Дворянинъ, если бы осмѣлился показаться на улицѣ пѣшкомъ, былъ бы непременно осмѣянъ *). Кромѣ Королевы и Архіепископа, всѣ ѣздящъ парюу въ шорахъ; у богачей ливреи залишы золошомъ; нѣкошорые употребляютъ еще скороходовъ; лошади, особенно верховыя, прекраснѣйшія, Варварійской и лучшихъ Сицилійскихъ породъ. — Сдѣлавъ нѣсколько круговъ по *Марино* въ экипажахъ, выходящъ изъ оныхъ въ садъ *Флоры*; экипажи возвращающъ къ *Порто — фелите*; лакеи гасящъ факелы: въ садъ съ оными и съ фонарями никому входить не позволяется; нищіе и никшо дурно одѣшый (исключая музыканшовъ) шакже сюда не впускающъ. Въ чешырехъ бесѣдкахъ по угламъ и на средней площади сада пящъ оркестровъ духовой музыки разливають сладосшную гармонію. Не возможно предспашишь себѣ занимащельнѣе сей прогулки

---

*) И шакъ эшотъ предразсудокъ сущесшвуетъ не у однихъ шолько Московскихъ жишелей. *Прим. Сот.*

для всѣхъ вообще и выгоднѣе для молодыхъ людей, особенно влюбленныхъ. Тутъ всѣ сосноянїя смѣшиваются: блестящїе наряды дамъ, красота ихъ, ласковое обращенїе, даже и незнакомыхъ, представляють какъ для взора, такъ и для сердца прїятный обманъ. Я не видалъ, что бы шухъ кто нибудь сидѣлъ задумавшись: тихій шепотъ и шорохъ ногъ, привѣтливая улыбка или ласковый взоръ развлекли бы и самаго невнимательнаго. Садъ *Флоры* приличнѣе было бы назвашъ садомъ *Венеры*: здѣсь Князья и Графы, военной, спашской и духовной, Маркизы, Баронессы, модисшки, аксприсы, горничныя и лучшія общїя красавицы ищущъ приключенїй, наслажденїя и прибыли. Тутъ не различишь кто кого преслѣдуешь: всѣ чего-то ищущъ; у всѣхъ, думатьъ должно, бьется отъ нешерпѣнїя сердце; одни заглядываютъ подъ шляпки, другїя всматриваются въ лице; двѣ подруги сядыся въ гуспой шѣни, два кавалера приближаются къ нимъ робкими шагами, и если красавицы благосклонно улыбаются, они шопчасъ подають имъ руки и идушь вмѣстѣ съ ними въ большую аллею, гдѣ разнесашъ

прохладишельныя, кошорыя кажутся шолько увеличивающъ жарь. Въ шемно-тѣ крышыхъ проспектовъ встрѣчающ-ся иногда замаскированные; почти пе-редъ каждымъ проходя шепчущъ онѣ въ полголоса *пароль*, кошорый поняшь можешъ одинъ шолько избранный сча-спливецъ; словомъ, въ большихъ пря-мыхъ аллеяхъ, съ опкрышымъ лицомъ, съ невинною улыбкою, гуляющъ супруги и дѣвицы непорочныя; въ крышыхъ - за-маскированный порокъ и распушсшво. Опсюда-шо, завернувшись въ длинный плащъ, надвинувъ шляпу на глаза, опу-стивъ вуаль и наклонивъ голову какъ можно ниже, пара за парюю выходящъ изъ сада чрезъ калишку, гдѣ съ пошаен-ными фонариками *servitor di piazza* пред-лагающъ услуги. Въ переулкѣ ожидающъ легкія коляски и фашоны; сядящя въ нихъ и скачущъ въ средину города къ заднимъ дверямъ домовъ шѣхъ добродуш-ныхъ спарушекъ и содержашельницъ модныхъ магазиновъ, кошорыя изъ со-спраданія къ женамъ ревнивыхъ мужей ошдающъ на часъ въ наемъ прекрасно убранный кабинетъ, гдѣ на свободѣ и въ тишинѣ, какъ здѣсь говоршся, мож-

но savage il carriccio.—Послѣ двухъ часовъ за полночь оканчивается музыка.— Баронъ обыскиваетъ свою жену, не спрашиваетъ гдѣ она была и что дѣлала, ибо на подобный вопросъ и самъ не зналъ бы что отвѣчать. Вошь почему такіе мужья бываютъ очень снисходительны и даютъ женамъ своимъ совершенную волю. Съ восхожденіемъ солнца, одни ѣдутъ домой, другіе ужинаютъ въ ресторацию, мало помалу спужъ отъ карешъ умолкаютъ и всѣ ложатся спать.

Въ большіе жары лѣпомъ дворянство живетъ на дачахъ въ *Богаріи* и *Иль-колле*, однакоже отъ того *Маріно* не бываетъ пусто. Зимой, въ пасмурныя и дождливыя ночи, вмѣсто прогулки въ саду, экипажи послѣ собранія ѣздятъ взадъ и впередъ по улицѣ *Кассеро*, гдѣ бываетъ иногда такъ шѣсно, какъ у насъ на святой недѣлѣ подъ качелями. Въ зимнее время гулянье въ саду начинается въ полдень, но лучшее общество собирается тамъ въ 6 часовъ по полудни.

В. Броневскій.

СМЪ СЪ.

Задача Господамъ Магнетизерамъ.

Нынѣ, когда въ журналахъ, книгахъ и обществахъ беспрепятственно полкуютъ о живономъ магнетизмѣ, когда многіе Французскіе, Нѣмецкіе, опчасши даже и Рускіе ученые, прославляютъ намъ чудесныя дѣйствія сей непостижимой силы, превозносятъ выспренній умъ, сдѣлавшій сіе спасительное для человѣческаго рода открытіе и стараются намъ системапически изъяснить всѣ его явленія—нынѣ кажущаяся, время увѣришься намъ въ сущности онаго не одними разказами и описаніями, но и самымъ дѣломъ. Мы видѣли, сколь много противорѣчатъ другъ другу таковыя изустныя разказы и самыя описанія о семъ предметѣ: споишь прочиташъ спашью Г. Жуи о магнетическиххъ опысахъ Доктора Фаріа въ Парижѣ и двѣ подобныя же спашьи Пиго - Лебрюна, чшобъ видѣшь, какого объ ономъ мнѣнія люди, извѣстныя своимъ умомъ и догадливостію. Съ другой спороны, появившійся у насъ переводъ ученаго сочиненія Г. Клутге о живономъ магнетизмѣ, съ объясненіемъ фізіологическиххъ свойствъ онаго, присовокупленныхъ дочтеннымъ пе-

реводчикомъ, казалось бы достапочно для того, чтобы разуверить невѣрующихъ.

Положимъ, что Докшоръ Фаріа и подобные ему магнпизеры-шарлатаны, имѣющіе въ виду одну корысть, обманываютъ легковѣрныхъ и смѣшаютъ людей умныхъ; но что живошный магнпизмъ существовалъ и существуетъ въ самомъ дѣлѣ — все еще останешся большая половина людей, которыхъ *вбра—не вбрить тому, тего самб не видишь* *), и которые на всѣ доказательства будутъ отвѣчать: „Мы сами не ви-, дѣли, почему и не вѣримъ, пока не убѣдимся собственнымъ опытомъ.“ Къ сожалѣнію, и живошный магнпизмъ споль упрямя, что не хочеть переуверить своихъ противниковъ, ибо не можеть быть имъ сообщенъ, несмотря на всѣ усилія Гг: Магнпизеровъ. Однѣ слабыя головы могутъ принимать въ себя его дѣйствія, а швердыя нимало къ тому не способны.

Желая, чтобы сіе чудесное открытіе, могущее принести шоль многоразличную пользу, оправдало себя и разлило новый свѣшь на познанія наши о свойствахъ собственной нашей природы, я осмѣливаюсь предложить здѣсь небольшой опытъ, который, будучи произведенъ въ дѣйствіе предъ

---

*) Quorum fides-nullum credere, quod non vides.

глазами людей умныхъ и не всему слѣпо вѣрющихъ, равно какъ не всему упорно невѣрющихъ, безъ сомнѣнія примиришь объ прошивныя спороны: *Магнитизмо-ебровѣ* и *Магнитизмо-борцевѣ*. Вошь въ чемъ долженъ сосшоять сей опышь.

Изъ многокрашнихъ описаній намъ извѣстно, что магнитизируемый, во время четвершой степени магнитическаго сна, называемой *прозрѣнiе* (*clairvoyance*), съ закрытыми глазами видитъ вещи, ошь него ошдаленныя, и даже внутреннее устройство своихъ органовъ. Не разъ уже писали, что въ такомъ сосшоянiи своего духа *прозрѣвшiй* (*clairvoyant*) говорилъ языкомъ, дошоль ему неизвѣстнымъ; и самъ Г. Клуgge рассказываетъ объ одной женщинѣ, кошорая по волю своего магнитизера позабывала шощъ языкъ, на коемъ она обыкновенно говорила, а изъяснялась весьма свободно и чисто на шаккомъ языкѣ, кошорой она знала худо. Прибавимъ еще и шо, что *прозрѣвшiй*, по словамъ повѣствовашелей о дѣйствiяхъ магнитизма, не рѣдко безъ всякаго словеснаго изъясненiя со спороны магнитизера повишалъ самыя мысли сего послѣдняго и давалъ на оныя ошвѣщы. Изъ всего вышесказаннаго слѣдуешь, что сiе упонченiе пяши чувствъ, или напряженное сосшоянiе умственной силы въ магнитизируемомъ, способно при-

нимашь всякія, самыя легчайшія впечатлѣнія со стороны магнитизера; а по сему люди, имѣющіе недоспашокъ въ какомъ либо чувствѣ, будучи приведены въ состояніе магнитическаго *прозрѣнія*, должны непременно получить полное употребленіе недоспающаго имъ чувства. Напримѣръ, глухонѣмой опъ рожденія, получившій воспитаніе въ какомъ либо изъ заведеній учрежденныхъ для обученія сихъ несчастныхъ, имѣя доспашочное понятіе о всѣхъ вещахъ и даже умѣя ихъ называть знаками или письмомъ, конечно въ состояніи магнитическаго *прозрѣнія* будешь даваешь живымъ голосомъ и весьма ясно отвѣщываешь на все, что магнитизеръ спанешъ у него спрашиваешь.

И такъ кто нибудь изъ магнитизеровъ, увѣренный въ непреложности чудеснаго своего искусства и желающій оправдать оное въ глазахъ свѣща, долженъ бы съ позволенія правительсва въ Парижъ, Вѣнъ или другомъ какомъ городѣ, гдѣ живошный магнитизмъ надѣлалъ болѣе шуму, сдѣлашь въ присущствіи просвѣщенной Публики опытъ надъ глухонѣмымъ, и надъ такимъ именно, въ глухотѣ и нѣмотѣ коего никто изъ зрителей не сомнѣваешся. Само по себѣ разумѣешся, что глухонѣмой, имѣющій подвергнутся сему опыту, долженъ бышь изъ

образованнѣйшихъ и напередъ приготоувленъ и увѣренъ въ силѣ магнитизма самимъ магнитизеромъ, дабы сей въ случаѣ неудачи не могъ сослаться на невѣжество или невѣріе своего *солнамбула*. Сіе весьма не прудно сдѣлать: ибо глухо-нѣмые чрезвычайно способны приниматъ всѣ дѣлаемая имъ внушенія и слѣпо вѣрятъ всему, въ чемъ хотятъ ихъ увѣритъ. Присовокупимъ, что они по большей части сложенія слабаго и весьма способны къ дѣйствованію на ихъ органы; а вообразительная ихъ способность, по причинѣ несовершенства въ слуховомъ ихъ орудіи, весьма упончается и удобно принимаетъ всѣ поспоронія впечатлѣнія.

Будучи увѣренъ, что послѣ таковаго опыта и словесныхъ опѣшковъ *глухо-нѣмага солнамбула*, всѣ тѣ, кои сомнѣваются въ истинѣ существованія живошнаго магнитизма, получаютъ несомнѣнную къ нему вѣру, а поборники его — основательную причину къ подтвержденію справедливости ихъ вѣрованія, спѣшу сообщить Гг: магнитизерамъ сіе средство, помощію коего они могутъ вывести и тѣхъ и другихъ изъ заблужденія на счетъ своего искусства.

О . . . С . . . . .

Писмо къ Издателю.

Позвольте предложить на разрѣшеніе вамъ, или чинашелямъ вашего Журнала, нѣсколько вопросовъ подобныхъ тѣмъ, какіе помѣщаемы были въ *Благонадѣренноиѣ* прошедшаго года.

Имѣю честь быть и проч.

Москва, 14 Апрѣля 1819.

К. Т. А.

Вопросы *).

1. Какое именно ободреніе нужно для писателей?
2. Почему у насъ мало занимающа кришикою?
3. Что труднѣе пишашь: спихи или прозу?
4. Какимъ образомъ можно научишь переводишь хорошо въ прозѣ?
5. Какимъ бы образомъ удобнѣе дополнишь и исправишь Рускую Грамматику, или по крайней мѣрѣ собрашь нужные для шого маперіалы?

---

*) Мудрены! Прил. Изд.

Благотворенія.

При письмѣ *І. П.* отъ 21 ч. сего Апрѣ-
ля Издапель *Благонаимѣреннаго* получилъ для
доставленія бѣдной и преспарѣлой Маіоршѣ
Татьянѣ Петровнѣ Байковой (см. No VII,
сшран. 66 и 67) два полтинника серебромъ.
— *Доставлены.*

(29 Апрѣля.)

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

Май 1819. N° IX.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЕЗОПЪ и ОСЕЛЬ.

Басня.

Осель къ Езопу приступилъ.

„Послушай“ — говорилъ —

„Зачемъ меня шакъ въ Басняхъ уни-
жаешь?”

Ты умнымъ никогда Осла не предсавлялъ;
Но всякой разъ шакимъ невѣжей выстав-
ляешь,

Что нашъ несчастный родъ у всѣхъ насмѣш-
кой спаль!

Другъ! сдѣлай одолженье,

Поправь вину свою и въ Басняхъ обо мнѣ

Дай выгодное мнѣнье!

Засшавь меня, хошя во снѣ

Словечко умное промолвишь.“

— Таковую просьбу мнѣ никакъ нельзя испол-
нишь,

Езопъ на эпо возразилъ:

Когда бы въ Басняхъ ты умно заговорилъ,
Я былъ бы жалкой сочинитель!

И вѣрнобъ всякой заключилъ,
Что я уже Осель, а ты — нравочитель.

Силбирскѣ.

А. Маздорфѣ.

~~~~~

КЪ АГАТОНУ.

—о—о—оо—о—о

—о—оо—о—оо—

—о—о—о—оо—о

—оо—о—оо— *).

Другъ молодой! ты въ счастіи дни прово-
дишь!

Въ рощѣ миршовой, гдѣ подругу Эрошь,

Въ нѣгѣ лежа на цвѣсахъ обнимаешь,

Ты воспѣваешь яѣжныхъ Харипъ.

*

*) На Нѣмецкомъ языкѣ написаны многія спихошверенія симъ размѣромъ; я хошѣлъ шолько испышати его на Рускомъ. *Прим. Сог.*

Геба увѣнчала чело любимца
Музь; душишпымъ вѣнкомъ изъ розъ моло-
дыхъ.
Ты, счастливецъ! пой, воспитанникъ Грацій,
Въ цвѣшъ весенемъ, мой Агашонъ!

*

Но Богиня милая ослѣщаетъ
Къ небу легкимъ полетомъ; вянушъ цвѣшпы.
Ахъ! счастливъ любимецъ Музь: улыбаясь
Генія смерти крошкаго ждешъ!

*

Не завянешъ Феба вѣнокъ: онъ славень!
Ты безсмертенъ, любезный Грацій пѣвецъ!
Нѣкогда соперникъ юный укажешъ
Урну швою и свѣжій вѣнокъ.

В. Т — йй.

~~~~~

СОНЕТЪ.

(къ Лилѣ.)

Осмѣлился тебѣ сонетъ я написать,
Хранишель-ангелъ мой, боготворима Лила!
Любовь, сама Любовь рукой моей водила—
Безъ гнѣва можешь ли его ты прочитанъ?

*

Что чувствую, того нѣтъ силъ пересказа,
зашь:

Въ себѣ ты всё мое блаженство заключила,
Всё сердцу милое въ одной себѣ вмѣстила;
Богосворю тебя — вѣкъ буду обожать.

*

Сижу ли я съ побой — ловлю свое дыханье;
Зрѣшь милый образъ твой — души моей же-
ланье;
И духъ у ногъ твоихъ головъ я испустишь!

*

Въ борьбѣ съ самимъ собой, въ восторгѣ,
въ пререшаньи
Хочу сказать — молчу, и въ сладостномъ
спраданьи
Желалъ бы болѣе еще тебя любить!

В. Т — ѳ.

~~~~~

ЯРОСЛАВНА.

*(Отрывокъ изъ Героической Пѣсни о по-
ходѣ на Половцевъ Удѣльнаго Князя Новаграда
Сѣверскаго Игоря Святославита.)*

Ярославнинъ голосъ слышишся;
Какъ шуманъ онъ легкой, упреннѣй
По стѣнамъ Пушивля спелешся:

„ Полечу къ Дунаю горлицей,
Обмочу рукавъ бобровой свой
Во струяхъ срѣбистой Каялы,
Обошру я кровь румяную
Съ плечъ могучихъ Князя милаго. “

Ярославнинъ голосъ слышишся;
Какъ шуманъ онъ легкой, упреннѣй
По стѣнамъ Пушивля спелешся:

„ О вы, вѣпры, вѣпры буйные!
О начто вы вѣпры вѣпеш?
Къ чему вѣпры навѣваеш
Калены стрѣлы Хиновскія
На родныхъ, на милыхъ рашниковъ?
Иль вамъ нѣтъ горь по поднебесью?
Тамъ бы, тамъ бы разспилась вамъ,
На волнахъ ладьи лелѣючи!
Но къ чему же вы развѣяли
Нашу радость, какъ ковыль справу? “

Ярославнинъ голосъ слышишся;
Какъ шуманъ онъ легкой, упреннѣй
По стѣнамъ Пушивля спелешся:

„Днѣпръ широкой! рѣка славная!
 Ты пробилъ скалы кремнистыя,
 Пробѣжалъ поля Полоцкія,
 Ты лелѣялъ на сѣдыхъ волнахъ
 Суда черны Свяшославовы,
 Какъ онъ плылъ къ полкамъ Кобяковымъ,
 Для чего же не лелѣешь, Днѣпръ!
 Для чего же не несешь ко мнѣ
 Суда черны Князя Игоря?
 Не ходила бы я плакаши
 Упромъ рано къ морю синему,
 Переспала бы я кликаши
 Черезъ море друга милаго!“

Ярославнинъ голось слышитсѣ;
 Какъ шуманъ онъ легкой, упренній
 По стѣнамъ Пушивля спелешся,

„О ты солнце, солнце красное!
 Ты всѣмъ льешь тепло съ опрадою!
 На моихъ лишь только ратниковъ
 Ты лучи бросаешь огненны;
 Не журчашъ ключи прохладны—
 Отягченный воинъ жаждою
 Тщешно хочешъ напянушь свой лукъ,
 Тщешно хочешъ опворишь колчанъ:
 Все закрѣпло, все заржавѣло!“

Ярославнинъ голось слышитсѣ;
 Какъ шуманъ онъ легкой, упренній
 По стѣнамъ Пушивля спелешся.

Н. Бѣлюстинъ.

ПРИЗНАНИЕ.

Что жь дѣлашь, Лила, признаюся:
 Непоспоянень, вѣтрень я:
 Увижу дѣвушку—плѣнюся,
 И къ ней бѣгу, забывъ себя....
 Виновень я—но оправданье
 Хоть выслушай, другъ нѣжный мой!
 Другимъ—несу я въ даръ желанье,
 А сердце—лишь тебѣ одной!

О. Соловѣ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Дамонь! пы началъ—продолжай;
 Кропай экспромпты на досугъ;
 Возьмись за гений свой: пиши, черпи, марай;
 У пола нѣжнаго въ безсмѣнной будь услугъ;
 Наполни вздохами разшерзанную грудь;
 Ни вкусу не давай, ни разуму пошачки,
 И въ награжденіе любимцемъ куклы будь,
 Или соперникомъ собачки.

Б. Бор й.

2.

„Сей часъ же выходи со мною!

„Убей меня, убей!“

— Да отвязьжись ты, Богъ съ побою!

Я право не мясникъ и не биваль свиней.—

И.

~~~~~

ЗАГАДКА.

Хожу на головѣ, хошя и на ногахъ;
Хожу я босикомъ, хошя и въ сапогахъ.

А. О.

~~~~~

ШАРАДЫ.

1.

Два слога первые мои по означаюшъ,
Что лавромъ богъ войны, рогами Лель вѣн-
чаюшъ;
Ни люди безъ чего, ни печи *) не бываюшъ.
Послѣдній же мой слогъ—название пупи,
Который рѣдкому случается пройши,
Хошя счастливецъ всѣ свершишь его жела-
юшъ,

*) Рускія.

И всякой симъ идетъ пупѣмъ.

А *цѣлое*—смѣсь глупости съ умомъ.

М. Я... левъ.

2.

Вошь, дѣвушки, моя прехсложная Шарада!

Для васъ она сочинена:

Къ *натальному* всегда вамъ дверь опворена

И Терпсихора васъ тамъ видѣшь очень рада.

Богиня прелестней *въ послѣднихъ двухъ сло-*
гахъ,

Предъ коей вспарину и въ храмахъ и въ
домахъ

Курили еиміамъ, колѣна преклоняли

И милосливой бышь усердно умоляли.

Угодноль *цѣлое* шеперь узнашь?

Скажу вамъ: чѣмъ оно ужаснѣй,

Тѣмъ кажешся для васъ прекраснѣй.

Теперь ужь какъ не угадать!

В.

3.

Чипашель! *первое* мое пы вѣрно ѣль:

Вещь эшу всякой здѣсь имѣешь огородникъ;

Въ *послѣднемъ* нѣкогда одинъ Пророкъ си-
дѣль;

А *цѣлое*—Поэшь покойникъ.

И.

Изъ помѣщенныхъ въ N° VIII Шарадъ первая значить: *Бос-тонъ*, а вторая *Ик-ра*.

Логогрифъ, напечатанный въ VIII книжкѣ значить: *Дура*. Изъ этого слова выходятъ слѣдующія: *ура, Ра, а, руда, уда, да, радъ, адъ, ударъ, даръ, Аръ* (рѣка), *ау!*

ттттттт

ИЗВѢСТІЯ О ЛОНДОНѢ.

(окончаніе.)

Лудгатъ.

Лудгатъ есть шемница для должниковъ, копорые не въ соспоянніи плашишь. Строеніе очень старо. *Стефанъ Форстеръ*, Лондонскій Лордъ Меръ въ пяпнадцатомъ сполѣшій сдѣлалъ его прошивъ прежняго гораздо просторнѣе и удобнѣе для несчастныхъ заключенныхъ. Ошдаемъ справедливостъ его челоувѣколюбію; но шеперь и эшо спроеіе со всѣми его опдѣленіями и дворами опяшь спало шѣсно и неудобно.

Что касается до меня, шо исторія *Сшефана Форстера* нравишся мнѣ гораздо болѣе, нежели самая лучшая шемница. Расскажу ее чипашелямъ.

Опець *Сшефана*, старый *Форстеръ*, былъ чеспный купецъ (а эшо въ пяпнадцатомъ сполѣшій споль же было рѣдко какъ и въ девяпнадцатомъ) въ шой части Лондона, копорая называется *Цити* (City). Небо благословило его ірилежаніе; шчасшіе шакъ ему благопріяш-

спововало, что онъ сдѣлался богатѣйшимъ человѣкомъ и снискалъ всеобщую любовь. Это не трудно для богатыхъ: ихъ всегда любяшь, хотя бы они и не имѣли другихъ достоинствъ, кромѣ пѣхъ, которыя заперты въ ихъ большихъ сундукахъ.

Но благоденствіе продолжалось не долго. Веселые *приходы* превратились скоро, не знаю отъ чего, въ горешные *расходы*, и счастье повернулось къ нему спиною. *Фортуна*, какъ извѣстно, у Лашинцевъ *рода женскаго*: отсюда многіе выводяшь ея непостоянство и переменчивый нравъ. У насъ *Счастіе рода средняго* или лучше сказать *никакого*, такъ что мы истинно не знаемъ что съ нимъ дѣлашь — и это къ сожалѣнію бываетъ у насъ со многими вещами. Старый Форсмеръ, видя плохое свое положеніе, собралъ, по тогдашнему обыкновенію, остатки своего имущества и удовольствовалъ всѣхъ своихъ кредиторовъ. По нынѣшнему же обыкновенію порядочный человѣкъ долженъ бы былъ надѣлашь еще больше долговъ и попомъ объявишь себя банкротомъ, или

*раздѣлаться съ своими заимодавцами
естнымъ образомъ, то есть заплашишь
имъ по двадцати пяти за сто.*

На это однако же онъ не рѣшился и пришель опъ того въ крайнюю бѣд-
ность. За однимъ несчастіемъ послѣдо-
вало другое. Печаль и заботы повергли
его на одръ жестокой болѣзни. Это ис-
шощило и послѣднія его крохи. Едва
шолько спалъ онъ выздоравливаешь, какъ
слегла жена его, и бѣднякъ не въ со-
стояніи былъ покупать ей лекарства
и плашишь за присмотръ надъ нею.

Форсперъ имѣлъ сына, по имени
Стефана, пригожаго, добраго юношу,
двадцати двухъ лѣтъ, который любилъ
отца и мать больше всего на свѣшѣ.
Стефанъ ухаживалъ прилежно за своими
родителями во время ихъ болѣзни; но
когда увидѣлъ, что не было уже болѣе
средствъ къ пропитанію ихъ, то сдѣ-
лался безушѣшенъ. Наконецъ пришло
ему на мысль попросить денегъ у бога-
шаго Филипса, стараго и лучшаго дру-
га отца его.

Онъ пошелъ къ нему и просилъ въ
займы восьми фуншовъ сперлинговъ,

обѣщаясь какъ возможно скорѣе запла-
тишь ихъ. Но старый, лучшій другъ
извѣстнаго всему городу Купца Фор-
шера долго не могъ о немъ вспомнить.
Есть люди, у которыхъ по временамъ
память бываетъ очень слаба. Наконецъ
съ помощію Стефана Филипсъ вспо-
нилъ о его отцѣ и своемъ другѣ, началъ
жаловаться на дороговизну, худую тор-
говлю, на неисправность своихъ долж-
никовъ и п. п. Стефанъ выслушавъ съ
серпѣніемъ все это, описалъ ему какъ
нельзя лучше ужаснѣйшее положеніе
своего сѣмейства и клялся просимые
имъ восемь фуншовъ сперлинговъ оп-
дашь непременно въ назначенный срокъ.
Филипсъ видя, что нельзя отъ него
опдѣлаться, рѣшился наконецъ дать
ему половину того, что онъ требовалъ
— подъ вексель.

Безъ памяти побѣжалъ Стефанъ до-
мой съ четырьмя фуншами сперлин-
говъ, и чтобы не сдѣлать отцу новой
заботы объ отдачѣ сихъ денегъ, сказалъ
ему, будто получилъ ихъ въ подарокъ отъ
богатой родственницы, жившей неда-
леко отъ Лондона. Эта родственница

любила Стефана, когда онъ еще былъ ребенкомъ Хорошій присмотръ за больною помогъ наконецъ Гжѣ Форсперъ выздоровѣть; мужъ ея также совершенно оправился.

Но вошь насталь день плашежа. Стефанъ со страхомъ и препетомъ пошелъ къ Гну Филипсу просить его объ отсрочкѣ. — „Не отходя день и ночь отъ больныхъ моихъ родителей, говорилъ онъ ему, я не могъ ничего выработать; но утѣшался всегда мыслию о вашемъ челоуѣколюбіи и снисходительности.“ Однако Г. Филипсъ, копорому срокъ векселя былъ извѣстнѣе, нежели челоуѣколюбіе и снисходительность, велѣлъ должника задержашъ и отвести въ Лудгашъ.

Это привело въ отчаяніе бѣдныхъ его родителей. Напротивъ того онъ былъ совершенно доволенъ своею участию; добрый сынъ охотно жертвовалъ свободою за жизнь и здоровье своихъ родителей. Онъ превозмогъ даже свою природную гордость, рѣшился просить милосшныи и думалъ: „вѣдь это для отца и для матери!“ Стефанъ налѣ-

пилъ себѣ на грудь листъ бумаги и спалъ у рѣшетки, чтобы привлечь на себя вниманіе и состраданіе проходящихъ. На листѣ было написано большими буквами: *заклюженный въ неволю безъ цѣрека самому себѣ.*

Однажды, когда Стефанъ стоялъ у окошка, прошла мимо молодая, одѣтая въ черное платье, прекрасная дама съ служанкою—или лучше сказать, не прошла мимо, а остановилась пропивъ него съ какимъ-то пожилымъ мужчиною, которъй, казалось, говорилъ съ нею весьма почтительно. Дама стояла лицомъ прямо пропивъ рѣшетки и, что весьма естественнo, глаза ея устремились на листъ, а можешь быть и на пригожее лице молодого Форшера. Видъ его, въ которомъ изображались честность и добросердечіе, подтверждалъ написанныя на бумагѣ слова.

Стефанъ примѣшилъ, что неизвѣстная красавица поглядывала на него украдкою и какъ будто съ изъявленіемъ живѣйшаго участія; попомъ вдругъ сказала что-то пожилому господину, которъй пошчасъ же оглянулся на рѣ-

шешку; наконецъ взяла его за руку, съ нѣжнымъ, просительнымъ взглядомъ пожала ее и ушла.—Пожилой господинъ подошелъ къ рѣшешкѣ. Онъ спросилъ заключеннаго, что значашъ слова на листѣ. Стефанъ разсказалъ ему все подробно. „Гм! пробормоталъ тошь, только чешыре фунша? Вошь вамъ восемь; вы свободны.“

Искупленный началъ въ восторгѣ благодарить пожилаго господина; но тошь прервалъ его, сказавъ, что благодарность принадлежишь не ему, а молодой дамѣ, которая съ нимъ говорила и просила его помочь Форсперу эпими деньгами. Когда же Стефанъ спросилъ о имени своей благодѣтельницы, то неизвѣстный, покачавъ головою, отвѣчалъ: „Она запрепила мнѣ открывашъ ея имя.“ Съ сими словами онъ удалился.

Стефанъ, заплашивъ долгъ, возвратился къ своимъ родителемъ. Кто могъ бышь счастливѣе его въ эту минушу! Отець, мать и сынъ долго плакали въ объятіяхъ другъ друга. Попомъ сдѣлали планъ, какимъ образомъ содержать себя впредъ своими труда-

ми. Но ничего столько они не желали какъ найши случай принести благодарность неизвѣстной своей благошворительницѣ. Стефанъ, ходя по улицамъ, всегда глядѣль по сторонамъ въ надеждѣ, не увидишь ли ее гдѣ нибудь. Однако ему нигдѣ не удалось ее увидѣшь, а черезъ недѣлю встрѣшился онъ нечаянно съ ея служанкою. Съ радостію подбѣжалъ онъ къ ней, вступилъ съ нею въ разговоръ и узналъ ошъ нея, что благодарительница его есть Мисприсъ Симпсонъ, богатѣйшая и прекраснѣйшая вдова въ Лондонѣ, копорой мужъ за чепыре мѣсяца передъ шѣмъ умеръ ошъ паралича въ пожилыхъ уже лѣтахъ.

Тогда первымъ и единственнымъ помышленіемъ Стефана было лепѣшь къ своей великодушной благошворительницѣ и принеши ей живѣйшую благодарность. Онъ велѣль о себѣ доложитъ и былъ допущенъ. Она приняла его милосшиво, немного покраснѣла и выслушала благосклонно всѣ выраженія его сердечной признательности, копорая блистала даже въ слезахъ, кашящихся по пламеннымъ щекамъ его. Онъ расска-

заль ей при семь случаѣ, какимъ образомъ попалъ въ Лудгапъ.

„Все знаю, отвѣчала прелестная Мисприсъ; я освѣдомлялась о вашихъ родителехъ, и намѣрена сдѣлать имъ еще нѣкошорое пособіе. Теперь я могу исполнить это. Скажу вамъ еще, что мнѣ нуженъ для управленія моимъ имѣніемъ честный, знающій и дѣятельный человекъ; я могу упошребить для того васъ, если вы только хошите.“

—Хочу ли я, Мисприсъ!—вскричалъ Стефанъ, потомъ взглянулъ съ радостными слезами на небо, положилъ обѣ руки на грудь и присовокупилъ съ легкимъ наклоненіемъ головы: располагайте моею жизнію!—

Такимъ образомъ дѣло было слажено. Форшперово сѣмейство не знало какъ благодарить Бога за сей неожиданный переворотъ своей судьбы, и Стефанъ со всемъ жаромъ благодарности принялся за новую свою должность. Въ исполненіи оной молодой управитель показалъ столько искусства, распорядности и дѣятельности, что госпожа его ни мало не раскаявалась въ своемъ

выборѣ. Къ помужь онъ такъ былъ безкорыспенъ, что кромѣ умѣреннаго жалованья, не кошѣлъ принимашь никакихъ награжденій или подарковъ. Онъ утверждалъ, что никогда не можетъ заслужить своей благодѣшельницѣ того, что она дѣлаешь для его родителей. Въ изліяніи чувствъ своей признательности молодой человекъ не зналъ никакихъ предѣловъ. Онъ жилъ и дышалъ только для госпожи своей, думалъ и мечталъ только объ ней, и когда отъѣзжалъ по дѣламъ на нѣсколько дней въ отдаленныя помѣстья, то дни казались ему годами. При первомъ съ нею послѣ того свиданіи едва онъ могъ говорить и думалъ, что предъ нею, какъ предъ нѣкимъ божествомъ, долженъ преклоняшъ колѣна. Иногда становился онъ въ самомъ дѣлѣ предъ нею на колѣна; въ безмолвномъ изсупленіи изъяснялъ онъ одними только взорами, что чувствовало его сердце; уста его покоились на нѣжной, маленькой ручкѣ благодѣшельной Мисприсъ, напечатлѣвая на ней время отъ времени огненные поцѣлуи.

Въ семь пламенномъ изліяніи благо-

дарности молодого человека Мисприсъ Симпсонъ не находила ничего неприличнаго. Когда онъ будучи такимъ образомъ просвертъ передъ нею, успремлялъ съ робоспію на нее прелеситные свои голубые глаза и въ изнеможеніи чувствъ своихъ, какъ бы при концѣ жизни, съ сердечнымъ воспоргомъ восклицалъ: „О моя благодѣтельница!“ — то эти слова столь сильно опзывались во глубинѣ души ея, что она препенала и забывала все. И сія-то самая безмѣрная признапельность естественно побуждала ее бытъ къ нему болѣе и болѣе благоклонною. Она выслушивала его всегда съ удовольствіемъ; что ему нравилось — нравилось и ей; чего онъ желалъ — тому непременно должно было исполниться, и она охотно приговляла для него всякую пріятную нечаянность.

Сія - то незаслуженная имъ благоклонность великодушной Мисприсъ привязывала и его къ ней часъ ошъ часу болѣе, искреннѣе; а Мисприсъ только шѣмъ и упѣшалась, что служило удовольствіемъ ея благодарному другу. Ихъ чувства, мнѣнія, помышленія

непримѣнно дѣлались одинаковыми; тогда только были они довольны и веселы, когда находились вмѣстѣ.

Горничныя, слуги и всѣ вообще домашніе дѣлали свои догадки. Они знали гораздо больше, нежели сколько сама Миспрись Симпсонъ и Форсперь. Въ особенностях горничныя ушверждали, будто Миспрись любить и любима; а это ни ей, ни Форсперу и на мысль даже не приходило: они только чувствовали, что не могутъ жить одинъ безъ другаго.

Богатство и красота молодой вдовы побудили одного Барона, жившаго въ сосѣдствѣ Симпсоновыхъ владѣній, искать руки прелестной женщины; но прелестная женщина рѣшительно ему въ помощь отказала. Этотъ случай заставилъ ее подумать о самой о себѣ, или лучше сказать она не думала ни минуты, а только чувствовала: „да, еслибъ Баронъ былъ таковъ, какъ Форсперь!“ И тогда ей самой открылось положеніе ея сердца. Съ сего времени при видѣ любезнаго своего Стефана, невольно она задумывалась и опомнясь ошъ вопросовъ его, краснѣла

въ пріятномъ замѣшательствѣ. Стефанъ же съ своей стороны, когда услышалъ — и изъ устъ самой прекрасной Мисприсъ — о сватовствѣ Барона и о сдѣланномъ ему опказѣ, то почувствовавши что-то шакое, чего и самъ не понималъ; онъ не могъ говорить; ему сдѣлалось дурно; глаза его помрачились. — Мисприсъ Симпсонъ не имѣла духа смотрѣть на Стефана, рассказывая ему все это; но когда кончила и взглянула на него, то увидѣла, что лице его покрыто было блѣдностію, глаза помушились, плашье въ крови. Она ужаснулась, кликнула людей на помощь. Стефанъ вскорѣ опамятовался. Кровотеченіе носомъ спасло его отъ обморока. Съ сего времени Мисприсъ Симпсонъ сдѣлалась искреннѣе и пламеннѣе, Стефанъ скромнѣе и задумчивѣе.

Баронъ однако не удовольствовался полученнымъ опказомъ и поклялся, во что бы то ни шало, овладѣть молодою вдовою. Къ доспигенію сего избралъ онъ шоль же постыдное, сколько и опасное средство, кошорое и самая шрасть его не могла оправдать. Онъ

приказаль двумь своимь служишелямь насильно увезши Миспрись.

Эти опважные и рѣшителные люди разломали замокъ у маленькой двери парка и скрылись недалеко отъ кустарника, гдѣ Миспрись въ прекрасные вечера обыкновенно отдыкала послѣ уединенныхъ своихъ прогулокъ. Вблизи отъ дверей парка, на небольшомъ возвышеніи, выбрала и Стефанъ себѣ любимое мѣсто. Онъ сдѣлала шамь красивую бесѣдку, охотно проводилъ въ ней свободное время и любовался опшуда прекраснымъ видомъ. Идучи въ топъ вечерь къ своей бесѣдкѣ и видя, что калишка, прошивъ обыкновенія, не пришворена, онъ оставилъ эшо безъ всякаго замѣчанія и подумала, что садовникъ за чемъ нибудь вышелъ въ нее не надолго.

Миспрись, провожаемая двумя горничными, окончила обыкновенную свою прогулку и едва только сѣла въ кустарникъ на скамейку, чшобъ отдыхнуть, какъ вдругъ два человекъ въ маскахъ явились предъ нею и приставя къ груди ея шпаги, велѣли за собою слѣдовать. Горничныя вскочили съ ужа-

сомъ и воплемъ. Стефанъ, услыша это, бросился изъ своей бесѣдки. Пробѣгая мимо калишки, увидѣль онъ незнакомыхъ, влекущихъ шуда силою Мисприсъ. Стефанъ выхвастилъ свою шпагу, кинулся какъ молнія на разбойниковъ, закричавъ въ то же время горничнымъ, чшобы опвели госпожу въ замокъ, и съ яростію напалъ на первыхъ. Похипишели оставили на время свою добычу, копорая немедлѣнно опъ нихъ и скрылась. Стефанъ долго сражался съ ними: рука его имѣла львиную силу. Одного повергъ онъ на землю, другой ускользнулъ черезъ калишку, гдѣ лошади были въ гошовности, и въ минупу скрылся изъ глазъ. Раненый и плѣнный слуга былъ преданъ суду. Баронъ бѣжалъ изъ Королевства.

Легко представившъ себѣ, какъ Мисприсъ приняла своего избавителя, когда онъ явился къ ней по совершеніи своего геройскаго подвига. Она боялась, чшобъ его не ранили — шрепешала за его жизнь. Еще первое впечатлѣніе ужаса не исчезло съ лица ея, какъ она увидѣла своего защитника и прелестный

румянецъ снова покрылъ прелестныя ея щеки. Когда побѣдншель хотѣлъ, по обыкновенію своему, преклонить предъ нею колѣна, она удержала его, и сказавъ: „нѣтъ, избавишель мой, шеперь моя очередь благодарить тебѣя“ — сдѣлала движеніе, какъ бы сама хотѣла упасъ къ ногамъ его. Онъ подхватилъ ее. Она склонилась къ нему на грудь. Рука ея обвилась около его шеи; уста ихъ соединились въ пламенный поцѣлуй.

Самое обыкновенное слѣдствіе сего поцѣлуя было торжественное бракосочетаніе Господина Стефана Форспера съ прелестною Мисърисъ Симсонъ. Онъ своею честностью, благоразуміемъ и усердіемъ къ общей пользѣ заслужилъ отъ Лондонскихъ своихъ согражданъ такую любовь и уваженіе, что они наконецъ сдѣлали его Лордомъ Меромъ.

И на вершинѣ своего благополучія не забылъ онъ Лудгата, кошорый былъ первою причиною его счастья. Каждый годъ освобождалъ онъ одного изъ заключенныхъ шамъ за долги. Не довольствуясь еще и шѣмъ, онъ старался доставить и прочимъ всѣ возможные

удобности, строилъ, поправлялъ и наконецъ соорудилъ шамъ церковь, гдѣ и по сіе время находишь еще надписи въ честь его и благородной его супруги. Надпись сія сдѣлана въ 1415 году, по есишь, въ помъ самомъ, когда *Стефанъ Форстеръ* былъ избранъ Лордомъ Меромъ.

Заклады.

Коцебу, если не ошибаюсь, сказалъ однажды весьма справедливо: „Англичанинъ бьется объ закладъ, Нѣмецъ не хочетъ биться, но готовъ клясться.“ Во всякомъ закладѣ сколько же нужна расчепливосшь, сколько и опважнось. Развѣ ихъ не достаешь у насъ Нѣмцевъ?—Думаю, что у насъ не достаешь только денегъ.

Опъ того-то Англичанинъ сколько же приспращенъ къ закладамъ, какъ Нѣмецъ къ лошю. Первый забошится меньше о деньгахъ, нежели о чеспи; второй меньше о чеспи, нежели о деньгахъ.

Не проходишь; ни одной недѣли, ни одного дня, чтобъ въ Лондонѣ—но только именно въ *Лондонѣ*, а не въ Англии, Шотландіи и Ирландіи—не слышно бы-

ло о какомъ нибудь примѣчательномъ закладѣ. Въ Сентябрѣ 1816 года бились объ закладъ два Офицера. Одинъ изъ нихъ брался проѣхать рысью на своей лошади извѣстное разспояніе, около 12 Англинскихъ миль, гораздо скорѣе, нежели другой и рысью и въ скачь. Ѣхавшій рысью окончилъ свой путь въ 41 минушу и выигралъ закладъ, соспоявшій шолько въ 11 гинеяхъ.

Извѣстный Лондонскій пѣшеходъ Фатонъ далъ поводъ къ слѣдующему закладу. Нѣкто утверждалъ, что Фатонъ можешь пройши 1.100 миль, разумѣшся Англинскихъ, въ 1.100 часовъ, полагая на каждый часъ не болѣе одной мили, а въ суши по 20 миль. Согласились въ условіяхъ. Фатонъ долженъ былъ въ каждый часъ пройши одну шолько милю и всякой разъ по окончаніи своего пути отдыхашъ; идиши позволялось ему какимъ угодно шагомъ, днемъ или ночью, какъ ему заблагоразсудишся. Мѣсто для того было назначено въ Блакипѣ (Blackeath) на одной равнинѣ. Закладъ былъ приняшъ; Фатонъ шакже согласился и имѣлъ значительный учаспокъ въ вы-

игрышѣ. Сумма заклада проспиралась до 1.100 фунт. стерл.

Повидимому нѣшъ ничего легче, какъ въ продолженіе 55 дней проходить ежедневно по 20 миль. Но при томъ было положено, чтобъ путешественникъ всегда днемъ или ночью отправлялся въ опредѣленный часъ. Это, разумѣется, было неудобно и сверхъ того сколько могло произойти препятствій отъ дурной погоды, шѣлесныхъ припадковъ, и проч. Всякій бѣжалъ, чтобы видѣть пѣшехода. Это былъ маленькой, плошной человѣкъ. Походка его казалась медлѣнною, но легкою. Отходя съ назначеннаго мѣста, дѣлалъ онъ кругъ извѣснаго разстоянія, ш. е. ровно милю и проходилъ ее иногда въ 9, иногда въ 20 минутъ, какъ находилъ для себя удобнѣе, и послѣ того отдышалъ. Предъ нимъ обыкновенно бѣжалъ человѣкъ съ палкою и гналъ съ дороги всѣхъ, кто ни попадался на встрѣчу. Наконецъ Фашонъ выигралъ закладъ. Какое было шунѣ торжештво! Ликъ побѣдителя выгравировали на мѣди.

Заклады о скороходахъ были въ это

время въ большой модѣ въ Лондонѣ, Нѣкто *Юнгманъ*, 5 Августа 1816 года, бился объ закладъ, что онъ пробѣжитъ Англинскую милю въ пять минути. Назначили мѣсто въ *Гейдепаркъ* (Hydepark). Первую половину мили сдѣлалъ онъ въ двѣ минути и семь секундъ, а весь бѣгъ окончилъ въ 4 минути и 55 секундъ.

Интереснѣе еще былъ закладъ *Дарнетта*, который вызвался *тысячу* миль пройти въ 666 часовъ, слѣдовательно въ часъ по полшоры мили. Закладъ сей шѣмъ замѣчательнѣе, что Дарнеттъ былъ уже въ то время 72 лѣтъ. Со всѣхъ споронъ сбѣгались смотрѣть сѣдаго нѣшехода. Онъ началъ пушъ 9 Юля 1816 въ 7 часовъ вечера, въ Графснвѣ Эссексъ. Посредствомъ двойнаго шагомѣра удостоверились, что спарикъ на каждой милѣ дѣлалъ 3015 шаговъ. Проходя первую половину мили, дѣлалъ онъ обыкновенно 1508, а вторую 1507 шаговъ. Такъ ровень и одинаковъ былъ его ходъ.

Дарнеттъ кончилъ благополучно пушъ свой 6 Августа въ часъ послѣ полудня. Спарикъ-скороходъ, при радосныхъ восклицаніяхъ, въ сопровожденіи

музыки, былъ принесенъ въ Баркингъ. Игнали и пѣли въ честь его арію: See the conquering hero comes (смотрише пришествие героя побѣды), шу самую, кошорю спустя нѣсколько дней привѣшствовали Фельдмаршала Веллингтона, когда онъ прибылъ въ Ванстедъ-Гузъ, великолѣпный сельскій замокъ Веллеленъ-Поля.

Rule Britannia!

Всякая на землѣ деревенька имѣетъ свою деревенскую гордость, всякій городокъ свою городскую гордость, всякая нація свою національную гордость. Если какая нибудь гордость можешь бышь простишельна, то все таки гордость Бришанцевъ самая непростишельнѣйшая въ свѣтѣ. Какая держава на земли можешь пѣшь, какъ Бришанецъ, свое Rule Britannia?

Англія нынѣ есть то въ большомъ масштабѣ, что Картагенъ въ древности былъ въ маломъ, и вошь почему Римъ пишаль вѣчную зависшь и ненависшь къ Картагену. Какая держава въ нашей часши свѣша начинаешь шеперь войну, не снесясь о шомъ съ Англією?

Мнѣ понравилась въ Лондонѣ одна забавная каррикашура, гдѣ Госпожа Бришанія правитъ конями Фебовой колесницы. Европа, Азія, Африка и Америка представляюшъ четырехъ коней, влекущихъ колесницу единовластія. Возница управляетъ коней своихъ *золотыми вожжами*, погоняетъ ихъ *железными прутьями*, отъ копораго на бѣдной Европѣ видны уже многіе рубцы. Кшожь въ колесницѣ? Мѣшокъ денегъ!

Съ Волеи.

Съ Нѣмецъ ъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ
ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЕЙ ПОЛОВИНЫ ПРО-
ШЕДШАГО СТОЛѢТІЯ, ОПИСАННЫХЪ АБ-
БАТОМЪ ЖОРЖЕЛЕМЪ.

(Окончаніе)

Людовикъ XV обѣщаль Графинѣ Мар-
санъ, сесстрѣ Принца Субизъ, предоспа-
вишь двоюродному брашу ея, Принцу
Людовику Рогану, право на полученіе
мѣста Великаго Раздаващеля милоспынь
Франціи и даль ей въ помъ собствен-
норучно подписанное увѣреніе. Графиня
была Надзирашельницею *дѣтей Франціи*
и уважаема всѣми, кто зналь ея, по
своему превосходному характеру, добро-
дѣшелямъ и ничемъ неколебимой чесп-
ности. Когда Людовикъ XVI, коего она
воспитала, вступиль на престоль, у-
ступила она мѣсто свое двоюродной
сесстрѣ, Принцессѣ Гемене (Guémenée) и
не удержала даже 80.000 ливровъ пен-
сіона, кошорый ей по всѣмъ правамъ
слѣдовалъ по смерщъ; но за то просила
Короля о подшверженіи обѣщанной дѣ-
домъ его Принцу Л. Рогану милоспы, и
Монархъ немедлѣнно даль ей свое Коро-
левское слово, что исполнишь пись-

менное обѣщаніе своего предшественника. — Весьма важное мѣсто Великаго Раздавашеля милосшынь было занимаемо многими Кардиналами изъ дома Рогановъ, кои слѣдовали одинъ за другимъ; но теперь находилось оно за Кардиналомъ Ла Рошеймонъ (La Rocheaumont), ибо Принцъ Л. Роганъ казался Людовику XV въ то время еще слишкомъ молодъ для занятія онаго. Но поелику Кардиналь былъ уже очень старъ и одержимъ болѣзнями, то всѣ считали Принца его преемникомъ и были въ полномъ увѣреніи, что по смерти его сіе мѣсто достанется Рогану. Однако Королева, не благоволила къ Рогану и упошребляла всѣ средства, что бы ему въ помъ воспрепятствовать. Какъ скоро узнала она, что Кардиналь Ла Рошеймонъ опчаянно болѣнь, то пошла къ Королю и споль дурными красками описала ему Принца, что въ самомъ дѣлѣ поселила въ немъ сильное къ нему ошвращеніе. Но какъ оскорбишь такимъ образомъ фамилію, кошорая была одною изъ знашнѣйшихъ при Дворѣ и въ Государствѣ? Какъ нарушишь свое Королевское слово? Сіи разсужденія Короля,

происпекавшія отъ любви его къ справедливости и истинной привязанности къ Графинѣ Марсанъ, привели его въ большое замѣшательство. Однако и въ семь случаѣ Королева умѣла успокоить его, и они условились между собою сдѣлать такимъ образомъ, что бы отказъ Принцу отъ обѣщаннаго ему мѣста не показался оскорбительнымъ ни для его фамиліи, ни въ особенности для Графини Марсанъ. Королева радовалась счастливому успѣху своего намѣренія и не говорила о томъ никому ни слова; Король же напрошивъ того сообщилъ тайну первому Министру своему Графу Морепа, а сей будучи другомъ Рогановъ, почелъ долгомъ своимъ дать имъ нѣкоторыя о томъ намѣки. Графъ Сублизъ и Графиня Марсанъ уведомили о томъ немедленно Принцессу Гемене и просили ее спараться перемѣнить мысли Королевы. Принцесса однако не могла уже въ эпошъ день говорить съ Королевою, которая собиралась ѣхать въ Парижъ въ маскарадъ, почему и написала къ ней весьма убѣдительное и шротгательное письмо, на которое Марія

Аншванета пошъ же часъ опвѣчала собственноручно слѣдующее: „Будьте покойны, любезная Принцесса, фамилія ваша останешся довольна и мѣста Великаго Раздавашеля милоспынь у нея не опнимушь.“ Эшо увѣреніе принято было съ величайшею радоспію; мнѣ самому, уже въ 12 часу ночи, поручено было иди къ Графу Морепа и показать ему записку Королевы. Миниспръ, прочишавъ оную, сказалъ мнѣ улыбаясь: „Не нахожу здѣсь большой причины радовашся. Конечно фамилія Рогановъ не лишисся мѣста Великаго Раздавашеля милоспынь; но его опдадушь Принцу Фердинанду (младшій брашъ Людовика Рогана): вопъ вамъ ключъ къ эшой загадкѣ. Скажише нашимъ друзьямъ, чшобъ они поспѣшили приняшь нужныя мѣры.“ Эшо извѣспіе привело всю фамилію въ чрезвычайное безпокойшво. Въ шуже ночь еще Кардиналь Ла Рошеймонъ умеръ. На другой день едва Король успѣлъ вспашъ, какъ Графиня Марсанъ явилась къ нему и имѣла съ нимъ разговоръ, кошорый шакъ хорошо предспавляешъ характеръ сего и для позд-

нѣйшаго попомства достопамятнаго
Монарха, что я не могу не сообщить
оного моимъ читателямъ:

Графиня Марсанъ. Кардиналь Ла
Рошеймонъ въ эту ночь скончался, и
я осмѣливаюсь напомнить Вашему Вели-
честву, что его мѣсто изволили вы
объщать Принцу Людовику Рогану и
дали мнѣ въ томъ Королевское ваше
слово.

Король. Знаю, кузина, что я объ-
щаль дасть ему мѣсто Великаго Раздава-
теля милосшынь; но при нынѣшнемъ
положеніи дѣль эшо совершенно не воз-
можно. Требуйте отъ меня для него
все, что вамъ угодно, но Великимъ Раз-
давателемъ милосшынь бытъ онъ не
можетъ.

Г. М. Ваше Величество приводите
меня въ величайшее изумленіе: ваши
шеперешнія слова несогласны съ дан-
нымъ мнѣ вами прежде обѣщаніемъ.
Нѣтъ, Государь! Вы не нарушите свое-
го слова и мой родственникъ получитъ
мѣсто Великаго Раздавателя милосшынь.

К. Кто можетъ принудить меня
ощадить эшо мѣсто человеку, который
мнѣ совершенно не нравится.

Г. М. Вы сами. Такъ, Государь, вы сами; пошому что конечно не захошите навлечь на себя шо нареканіе, что шоржественно нарушили слово, данное вами въ награду за оказанныя услуги.

К. Я и не нарушу его. Я обѣщаль вамъ эшо мѣсто и ондамъ его Принцу Фердинанду. Фамилія Роганъ не будешъ имѣть причины на меня жаловаться.

Г. М. Напрошивъ, Государь, весьма большую, ежели Принцъ Людовикъ не получитъ мѣста, кошораго просила я собственно для него, а не для его брата. Вы дали мнѣ шоржественно обѣщаніе; я не скрывала эшаго ни ошъ кого и шеперь должна опвѣстшвовашъ дому Роганъ за исполненіе онаго. Не уже ли Ваше Величештво захошите изъ одного шолько неблаговоленія къ Принцу обезчешить его и предать ошъду, когда онъ увидитъ, что навлекъ на себя вашу немилость, не зная чѣмъ?

К. Я лучше окажѹ ему всякую опличную милость, чшобъ шолько не произошло ошъ шого какого нибудь невыгоднаго для него мнѣнія. Хотите ли, чшобъ я предсшавилъ его къ Кардинальскому достоинству?

Г. М. Нѣшь, Государь, нѣшь. Никакая другая милость не можешь замѣнишь ту, которая запечатлѣна уже вашимъ Королевскимъ словомъ и которую одну только могу я почесть наградою за оказанныя мною услуги, за мои старанія и заботы о васъ во время вашего дѣтства.

К. Это уже болѣе не въ моей власти. Я далъ Королевѣ слово.

Г. М. Я почишаю волю Королевы; но Ваше Величество не можете давать слова два раза и Королева конечно не потребуешь, чтобъ Ваше Величество, изъ угожденія къ ней, рѣшились на такую поступокъ, о которомъ не отважился бы подумать и послѣдній въ вашемъ Государствѣ дворянинъ, хотя бы ему угрожали самою смертію. Когда же слово простаго дворянина столь священо, что онъ, не обезчестивъ себя, не можешь измѣнишь ему, то каково же должно быть слово Короля? И такъ я принимаю смѣлость предсавишь Вашему Величеству, что разгласивъ вездѣ данное мнѣ вами обѣщаніе, я найду себя принужденною объявишь публично, что

вы не по другой какой причинѣ его нарушили, какъ изъ угожденія Королевѣ. Безъ сомнѣнія Ваше Величество не захотише подвергнуть себя упреку сего рода.

К. И такъ вы хошите принудить меня, кузина, избрать довѣреннѣйшею особою моего дома такого человѣка, который мнѣ не нравится, а Королевѣ совершенно прошивень, несносень.

Г. М. Нѣтъ, Государь! Я пребую только, что бы вы въ эту мину дѣйствовали согласно съ справедливостію и правилами чести. Назначьте Принца Людовика Великимъ Раздавателемъ милосынь; эшимъ вы обязаны самому себѣ; но прошивъ вашей воли онъ не долженъ удержашъ сего мѣста. Я съ своей стороны обязываюсь вамъ за него и за всю его фамилію, что ежели онъ въ печеніи двухъ лѣтъ не будетъ имѣшъ счастья своимъ поведеніемъ и услугами опдалишъ неудовольствіе Вашего Величества и заслужишъ вашу милость, тогда добровольно сложишъ съ себя это званіе и уже никогда не явишся при вашемъ Дворѣ. Ежели Ваше Вели-

чество пошребуете, по въ минуту своего назначенія вручишь онъ вамъ сіе шайное обѣщаніе, написанное собшвенною его рукою. —

Споль убѣдительнымъ представленіямъ Король не могъ прошивустояшь долѣе: „Хорошо, сказала онъ, если вы непременно въ шомъ настаиваете, по мѣсто эшо принадлежишь ему. Но признаюсь вамъ, что дѣлаю эшо весьма не охотно и шолько съ шѣмъ условіемъ; кошорое вы предложили.“—

Какъ скоро Король произнесъ сіе рѣшеніе, по сдѣлался спокойнѣе и непри-
нужденнѣе. Графиня засвидѣтельсшво-
вала ему живѣйшую свою благодарнѣость
и объявила немедлѣнно родшвенни-
камъ о успѣхѣ своихъ спараній. Принцъ
Людвикъ былъ назначенъ Великимъ
Раздавашелемъ милосшынѣ, и въ шопъ
же еще день вручилъ Королю условлен-
ное обѣщаніе. Королева изьявила при
семъ случаѣ и Королю и всѣмъ ближай-
шимъ къ себѣ особамъ крайнее свое не-
удовольсшвіе: сія побѣда, надъ нею одер-
жанная, увеличила еще болѣе ненависть,
кошорую она не пересшавала пишашъ
къ Принцу.

Но здѣсь читатели безъ сомнѣнія пожелаютъ знать, что было причиною сей непримиримой и въ послѣдствіяхъ своихъ столь важной вражды. Нашъ сочинитель рассказываетъ все происхожденіе оной весьма подробно, и мы постараемся въ краткомъ извлеченіи сообщить все существеннѣйшее изъ его повѣствованія.

Когда Принцъ Роганъ прибылъ въ Вѣну Французскимъ Посланникомъ, пріятная его наружность привлекла особенное вниманіе на него Императрицы Маріи Терезіи; но это продолжалось не долго. Вскорѣ излишне вольное поведеніе и родъ жизни Принца, копорые ему, какъ Епископу и Кoadьютору Спразбургскому, тѣмъ менѣе были приличны, обратили на него все негодованіе сей добродѣтельной и строгой въ своихъ правилахъ Монархини, а слѣдующій случай лишилъ его совершенно ея милости.

Принцъ всякую недѣлю однажды давалъ большой ужинъ, къ копорому обыкновенно приглашалось отъ 100 до 150 знатнѣйшихъ Вѣнскихъ особъ обою пола. Танцы, концершы и разныя обще-

ешвенныя игры дѣлали вечера сіи от-
мѣнно пріятными. Потомъ все обще-
ство ужинало за маленькими споліка-
ми, изъ коихъ за каждымъ находилось
ошь 6 до 8 человекъ, при чемъ госпи
по волѣ могли избирать себѣ шовари-
щей. Такимъ образомъ всякое непріят-
ное принужденіе, которое особенно въ
то время царствовало за большими
парадными сполами, было здѣсь совер-
шенно отдалаемо. Общество собиралось
въ 8 или 9 часовъ вечера и оставалось
обыкновенно до 2 часовъ утра. Но какъ
ни пріятны были сіи ужины для знап-
нѣйшихъ жителей Вѣны, Императрицѣ
казались они неприличными и вредны-
ми для нравовъ. По сему она велѣла ска-
зать Принцу, что ей весьма бы пріятно
было, еслибъ ужины сіи прекратились,
и надѣялась, что онъ, бывши всегда удо-
стоиванъ особаго ея благоволенія, без-
прекословно принесетъ ей сію жершву.
Но Принцъ, подъ разными учтивыми
предлогами, отклонилъ совершенно сіе
пробованіе, и съ сего времени лишился
милости Императрицы. Во всѣхъ пись-
махъ своихъ къ дочери, бывшей тогда

еще Дофиною, она описывала его какъ нельзя хуже и спаралась возбудить и въ ней шакое же мнѣніе.

К. Ф.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВТОРОЙ КНИГИ РИМ-
СКОЙ ИСТОРИИ Т. ЛИВІЯ.

(Сраженіе Гораціевъ съ Куріаціями. —
Сестроубійство Горація.)

По заключеніи договора, вооружающія близнецы юноши. Каждая спорона убѣждаетъ своихъ: предспавляющъ имъ и боговъ опечеспвенныхъ и опечеспво, ихъ родспвенниковъ и гражданъ въ Римѣ, и во спанѣ воиновъ, взирающихъ на всѣ ихъ движенія, на ихъ оружіе. Вишязи, и собспвеннымъ мужеспвомъ пылающіе и увѣщаніями согражданъ исполненные, высшупающъ на средину рашнаго поля. Оба войска оспашошся каждое предъ своимъ спаномъ. Не бишва насшоящая, но учасшъ будущая занимала зришелей. Дѣло шло о владыче-

спѣвъ, которое зависѣло теперь отъ мужества и счастья столь малочисленныхъ рапниковъ. Въ такомъ волненіи всѣ усремляющъ и мысли и взоры свои къ сему невеселому зрѣлищу. Наконецъ знакъ поданъ, и юноши, надежда и опора двухъ великихъ войскъ, обнажающъ мечи, усремляются шрое прошиву шроихъ. Не потеря жизни, но потеря свободы и будущая судьба опечесшва, имъ порученнаго, занимаешь ихъ мысли. Едва только зазвѣнѣли на бѣгущихъ доспѣхи, заблестали мечи, какъ необыкновенный шрепешъ объялъ присуществующихъ. Но побѣда была еще неизвѣстна, и онѣмѣвшіе свидѣтели едва переводили дыханіе. Наконецъ они сражающъ; уже видящъ не только обращеніе копій и мечей ихъ, уже раны и кровь поражающъ очи, и два Римлянина, испуская послѣдній вздохъ, пали одинъ на другаго къ ногамъ израненныхъ Албанцевъ. Съ паденіемъ ихъ шанъ Албанскій оглашается радостнымъ кликомъ; легіоны же Римскіе, потерявшіе всю надежду, съ горестію взирали на оставшагося, которому предстояли

при Куріація. Но къ счастію не былъ онъ раненъ. И такъ будучи слабъ прошиву всѣхъ вмѣстѣ и силенъ прошивъ каждого порознь, дабы разлучить ихъ, умышленно предаётся бѣгству, зная, что они будутъ преслѣдовать его, какъ только позволятъ раны каждого. Онъ уже пробѣжалъ довольное разстояніе отъ мѣста сраженія, оглядывается назадъ, видишь ихъ далеко другъ отъ друга за нимъ слѣдующихъ, нападаетъ съ яростию на ближайшаго, и между тѣмъ какъ Албанцы призываютъ Куріаціевъ на помощь къ брату, побѣдитель Гораций, умертвивъ перваго, усстремляется ко второму битвѣ. Тутъ Римляне крикомъ своимъ, каковъ обыкновенно бываетъ при неожиданной радости, ободряютъ героя, и онъ, посѣвшая окончивъ брань сію, прежде нежели третій могъ приблизиться на помощь къ своему брату, поражаетъ и втораго Куріація. — Съ обѣихъ сторонъ оспалось по одному. Рашики были равны числомъ, но неравны въ силахъ и въ надеждѣ. Одинъ неуязвленной, одержавшій уже двукратно побѣду, смѣло усстремляется

на третій подвигъ; другой же изнеможенный, израненный, успрашенный смертію своихъ брашьевъ, предстаешь побѣдоносному неприятелю. Но это уже не было сраженіе. Торжествующій Римлянинъ вѣщаетъ: „двоихъ принесъ я въ жершву брашьямъ моимъ; прешьяго же приношу въ жершву настоящей бишвы, да Римлянинъ власшвуетъ впредь надъ Албанцемъ.“ При сихъ словахъ поражаетъ онъ мечемъ выю Албанца, едва державшаго оружіе, и обнажаетъ поверженнаго. Восхищенные, поздравляющіе другъ друга Римляне, принимаютъ Горація съ радостію, шѣмъ живѣйшею, чѣмъ опасность ихъ была ближе. Потомъ оба войска приспущаютъ къ погребенію своихъ рашниковъ; но съ различными чувствами; одни какъ владыки, другіе какъ рабы чуждой власши. Убіенные погребены на полѣ бишвы: два Римлянина ближе къ Альбѣ; шри Албанца ближе къ Риму, но въ нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи, каждый на мѣстѣ своего паденія.

Прежде нежели разошлись, Мешій по силѣ договора, ожидаетъ приказаній.

Тулла. Тулль повелѣль ему держашь юношество подь оружіемъ, общая упо-
 шребить оное въ случаѣ войны съ Веен-
 шами. Попомъ оба войска отводяшся
 въ дома. Горацій, украшенный добыча-
 ми шрехъ непріятелей, шель первый.
 Предь врапами Капенскими, вспрѣчаещ-
 ся съ нимъ сестра его, дѣвица, обру-
 ченная съ однимъ изъ Куріаціевъ. Она
 смопришь на добычи брата, узнаешь
 плащъ жениха своего, собшвенной ра-
 боты ея, шерзаешь на себѣ волосы и
 рыдая, призываешь своего возлюбленна-
 го. Сей вопль сеспры, при его шорже-
 швѣ и при шоликой опечешства радо-
 сти, сильно пошрясаешь душу гордаго
 юноши. Обнаживъ мечъ, пронзаешь онъ
 несчастную дѣву, сопровождая ударъ
 сими словами: „спунай же и шы къ
 жениху своему съ безразсудною любо-
 вию—шы, забывшая умершихъ брашьевъ,
 меня живаго и Опечешство. Да погиб-
 нешь шакъ всякая Римлянка, оплакива-
 ющая непріятеля!“ Сей ужасный по-
 шупокъ изумиль и народъ и Сенашо-
 ровъ. Самыя заслуги, за минушу предь
 симъ оказанныя, не могли оправдашь

пресупника. Его схватили и представили къ Царю. Туль, желая ошсранить ошъ себя споль неприяшный судъ и обвиненія въ казни споль небыкновеннаго пресупника, вѣщаль къ собравшемуся народу: „Назначаю дуумвировь (двухъ мужей), да судяшь пресупленіе Гораціево по закону.“ Сей законъ опредѣляешся слѣдующими ужасными словами: „дуумвиры да судяшь пресупленіе (касающееся оскорбленія величешва); недовольный судомъ ихъ переносишь дѣло къ народу. Ешъли же рѣшеніе дуумвировь и шамъ верхъ одержишь, шогда виновному закрываютъ голову, вѣщаютъ его на *безгешномъ дровѣ* и сѣкушь въ городѣ или внѣ города.“ Дуумвиры, немогшіе по силѣ сего закона освободить даже неумышленнаго пресупника, осудили Горація, и одинъ изъ нихъ сказалъ: „Горацій! осуждаю тебя за швое пресупленіе. Иди, Ликшорь! свяжи ему руки.“ Ликшорь уже приближался, уже надѣваль на него пешлю, какъ Горацій, увѣренный въ милосердіи Тулла, воззваль: „недовольсшвуюсь судомъ.“ По сему дѣло его перене-

сено въ судъ народный. Весь Римъ про-
 нушь былъ симъ зрѣлищемъ, и особливо
 П. Гораціемъ, ошцемъ виновнаго. Онъ
 доказываль, что дочь его умерщвлена
 достойно; въ пропивномъ случаѣ онъ,
 какъ отецъ, самъ бы казнилъ сына. По-
 томъ умоляль согражданъ своихъ не
 оставишь одинокимъ того, кошорый
 не задолго предъ симъ окружень былъ
 наилучшими дѣшьями. Тутъ спарець об-
 нявъ юношу и показывая на доспѣхи
 Куріаціевъ, повѣшенныя на такъ име-
 нуемомъ столпѣ *Гораціевомъ*, зываль
 къ народу: „Давно ли, Квиришы! видѣ-
 ли вы какъ сей юноша вступаль въ
 городъ шоржествующимъ побѣдишелемъ?
 Можете ли же видѣшь, какъ его будушь
 мучишь, шерзашъ и повѣсяшь наконецъ
 на безчестномъ древѣ? — Нѣшь! — И самыя
 Албанцы не могли бы вынести сего
 ужаснаго позорища! Иди, Ликшоръ! свя-
 жи сія руки, побѣдоносныя руки, при-
 несшія недавно владычество народу
 Римскому. Иди, покрой главу спасише-
 ля града сего! Повѣсь его на деревѣ; сѣ-
 ки или въ сшѣнахъ Рима, подлѣ сшолпа
 сего, подлѣ корышей непріательскихъ

или за спѣнами Рима, шамъ надъ могилами Куріаціевъ! Но куда бы ни повели вы сего юношу, повсюду знаки его доблести будущъ упрекашь васъ пошико гнусною къ нему неблагодарностію. “ — Народъ пронулся слезами спарца и неизмѣняемою при всякихъ опасностяхъ инвердосцію сына. Просили послѣдняго, но больше изъ уваженія къ его мужеству, нежели по праву судебному. Однако, что бы загладишь чѣмъ нибудь сшоль явное пресуупленіе, повелѣли опцу сдѣлать надъ сыномъ очищеніе, на общественныя впрочемъ деньги. Горацій, по совершеніи очиспительной жерпвы, опсправленіе кошорой навсегда полпомъ осшалось въ домѣ его, поспавиль на дорогѣ родѣ висѣлицы, и провель подѣ нею, какъ подѣ игомъ, юношу съ покрышою головою. Перекладина сія, будучи возобновляема Республикою, и понынѣ существуетъ. Ее называющъ *сестриною перекладиною*. Горацію погребли на мѣспѣ ея паденія.

Н. Бѣлюстинъ.

СМѢСЬ.

Выписки изъ иностранныхъ журналовъ и писемъ отъ Корреспондентовъ къ Издателю.

Германія.

Нынѣ во время убыли воды въ Рейнѣ, при одномъ изъ опрокинутыхъ сполбовъ сшараго Рейнскаго моста, ведущаго изъ Майнца въ Кассель, найденъ камень съ надписью. LEG. XXII, кошорая заставляешъ думать, что эшошъ мостъ построень 22 легиономъ. Легионъ сей пришелъ въ Майнцъ въ 79 году по Р. Х.; по сему вѣроятно Траянъ (а не Друзъ, какъ шо заключали изъ одного мѣста въ Флорѣ), начальствовавшій тогда въ Майнцѣ, былъ строителемъ онаго моста. Journal général, сообщая сіе извѣстіе, присовокупляешъ, что эшошъ легионъ переведенъ былъ въ Майнцъ во время Тита отъ самыхъ опдаленнѣйшихъ границъ Востока. Одинъ, состоящій на пенсіонѣ Офицеръ 21й Французской полубригады, бывшій съ оною въ Египтѣ, пишешъ въ Монитерѣ, что сія полубригада, на походѣ въ Сиену, въ верхнемъ Египтѣ, проходила чрезъ развалины Оивъ и нашла на шамошной Мемноновой спашуѣ

надпись, безъ означенія однако года, что тутъ прошли на походѣ въ Сиену центуріоны 22 Римскаго легіона. По сему совершенно справедливо, что 22 легіонъ, прежде нежели пришелъ въ Майнцъ, стоялъ гарнизономъ на противоположной границѣ Римской Имперіи.

Въ Королевской библіотекѣ въ Ганноверѣ недавно найдена ненапечатанная еще рукопись подъ названіемъ: *Conradi Halberstadiensis chronographia summorum pontificum et imperatorum*, писанная въ XIV столѣтіи и заключающая въ себѣ весьма много поясненій, равно какъ и неизвѣстныхъ происшествій, въ особенностяхъ изъ Сѣверно-Германской и Датской Исторіи.

Въ Лейпцигѣ вышло недавно достопримѣчательное твореніе. *Beitrag zur Hydrographie der grösseren Oceane als Erläuterung zu einer charte des ganzen Erdkreises nach Mercators Projection von X. von Krusenstern. Leipzig. 1819. 4.* (Дополненія къ Гидрографіи большихъ Океановъ, служащія объясненіемъ къ картѣ всего земнаго шара, по проэктѣ Меркатора, изданныя Г. Крузенштерномъ.) Славный путешественникъ сообщаетъ здѣсь описанія: 1) Атлантическаго океана, 2) Индѣйскаго Океана, и въ особенностяхъ 3) Южнаго моря или великаго Океана. Для любителей Географіи и Гидрографіи книга сія очень

важна, а для мореходцевъ неоцѣненна. Въ введеніи сообщены замѣчанія о употребленіи морскаго барометра, удостоверяющія, что сей инструментъ можешь еще приенсти весьма много пользы. Самые лучшіе морскіе барометры дѣлающся въ Лондонѣ у Тругшона и споятъ 12 гиней.

Франція.

Г. *Море*, по приказанію правительства занимался съ 1813 года обученіемъ дѣшей, рожденныхъ совершенно глухонѣмыми. Успѣхъ сего столь важнаго для человѣчества опыта превзошелъ всѣ ожиданія. Г. *Море* достигъ до того, что его глухонѣмые могутъ слышать глазами; онъ научилъ ихъ выражать свои мысли громкимъ голосомъ и внятнымъ пономъ, очень хорошо читать и писать по изустному диктованію. Такимъ образомъ удалось ему распространить предѣлы ихъ понятій и дать имъ точное познаніе языка и вещей, подлежащихъ чувствамъ. Они разговариваютъ съ другими людьми безъ знаковъ и понимаютъ все, днемъ отъ одного примѣчанія, а въ темнотѣ отъ осязанія рпомъ и дѣлаемыхъ онымъ движеній. Сіи глухонѣмые доведены до того, что получаютъ точно то же образованіе, какъ и обыкновенные дѣши, рожденные безъ сего недостатка.

Многіе Французскіе Журналы извѣщаюшъ, что въ Египтѣ открытъ одинъ древній городъ, оны копораго ошалось еще до 800 домовъ. Нынѣ одинъ изъ членовъ Академіи надписей въ Парижѣ получилъ подробное извѣстіе какъ о семь, такъ и объ одной вновь найденной тамъ изумрудной минѣ. Рисунки сей мины, развалинъ города и многихъ другихъ достойныхъ любопытства предметовъ сдѣланы на мѣспѣ искуснымъ художникомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ во Франціи ассигновалъ уже нужную сумму для покупки сихъ рисунковъ.

При перерѣшенемъ мѣлководьѣ Роны найдены въ оной весьма многія драгоценныя древности: вазы, памятники зодчества, монеты и проч.

Г. Лесюерь (Le Sueur) предпринимаетъ на общественное иждивеніе путешествие въ Мексиканскій заливъ по части Естественной Исторіи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ въ публичныя бібліотеки выбитыя въ память славныхъ мужей медали, а именно: Линея, Лафатера, Серванпа, Чимарозы, Косцюшки, Шекспира, Галилея, Коперника, Гайдена, Геснера, Бакона и Глюка.

Въ Парижѣ съ нетерпѣніемъ ожидающъ появленія двухъ новыхъ достопримѣчательныхъ сочиненій: 1) *Memoires historiques poli-*

tiques et litteraires sur le Royaume de Naples, par le Comte Orlov, Sénateur de Russie, avec des notes et additions par M. Amacery Duval, membre de l'Institut, и 2) Les Parvenus, par Mme Genlis. Последняя книга написана на нынѣшнія обстоятельствова.

Опдѣланная Кановою статуя *Летициі Бонапарте* куплена въ Парижѣ на аукціонѣ для Герцога Девонширскаго за 36 000 франковъ.

Италія.

Первая книга *Хроника Евзбѣя*, которая не сохранилась въ оригиналъ, но по счастью найдена въ переводѣ на Армянскомъ языкѣ, вышла теперь въ свѣтъ въ Императорской типографіи въ Миланѣ. Манускриптъ принадлежалъ Г. *Зогарабу* и Г. Аббатъ *Анжело Май* очень много содѣйствоваль къ оппечатанію онаго. — Съ великимъ тщаніемъ опработанный Латинскій переводъ; точное сравненіе мѣспъ въ Греческихъ классикахъ, опносящихся къ тексту; примѣчанія, исполненныя глубокой учености и справедливой критики, возвышающъ достоинство сего творенія, составляющаго одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ для исторіи древнихъ временъ.

Г. *Стефано Туркоци*, Почетный Членъ Общества Скульптуры въ Каррарѣ, издалъ

недавно Словарь Живописцевъ со времени воз-
становленія изящныхъ искусствъ до 1800 года
(2 части въ 8ку. Миланъ. 1818.), присово-
купивъ къ нему выгравированные знаки,
которыми означали они свою работу. Сло-
варь сей собранъ съ великимъ щаніемъ изъ
лучшихъ испочниковъ и содержитъ въ себѣ,
кромѣ именъ и жизнеописаній художниковъ,
почтѣйшія извѣстія гдѣ можно найти луч-
шія ихъ шворенія. Авторъ обѣщаетъ издашь
таковой же словарь всѣхъ извѣстныхъ гра-
веровъ.

Англія.

Въ Лондонѣ показывается новый музы-
кальный инструменъ, поменѣ піано - фор-
те, называемый *Одефонъ* (Odephon), который
мелодією и силою звука превосходитъ всѣ
доселѣ извѣстные инструменъ.

Monthly — Magazin увѣряетъ, будто эк-
страктъ чайнаго растенія есть одинъ изъ
дѣйствительнѣйшихъ наркотическихъ ядовъ.
Замѣчено, что люди, употребляемые *Остъ-*
Индскою компанією для укупорки чаю и
присмотромъ за онымъ, въ продолженіе не-
многихъ лѣтъ получаютъ апоплексическіе
удары, и что чайныя испаренія причиняють
боль и круженіе въ головѣ, глухоту и пр.

Шотландія.

Изъ Дунзынамѣ пишутъ слѣдующее: 19

Ноября 1818 года, когда рабочники вышаскивали камни изъ рва, окружающаго развалины Макбетова замка, земля, на которой они стояли, опустилась на 6 фушовъ глубины, гдѣ нашли правильно построенную со сводомъ комнашу. Ни одинъ изъ рабочниковъ не ушибся; любопытство побудило ихъ очистишь это подземелье, и они нашли между развалинами большой камень, въсомъ около 500 фуншовъ, который выдають за родъ метеорнаго камня или полуметалла. Камень сей долженъ былъ находиться тушь со времени правленія Макбета. Подлѣ онаго нашли также двѣ круглыя доски изъ состава, похожаго на бронзу. На одной изъ нихъ вырѣзаны двѣ строки, копорыя кто-то прочелъ слѣдующимъ образомъ: „The sponce (or schadow) of Kind dom come, until sylphs in air carry me again to Belyel.“ Доски сии имѣють видъ щиповъ. Съ давнихъ уже времянь сохраняется въ сей землѣ преданіе, будто невидимые духи перенесли сюда изъ Виелеема подушку Іакова и положили оную шамъ, гдѣ теперь находится замокъ Scoop. Равнымъ образомъ нѣкопорыя изъ здѣшнихъ жипелей твердо увѣрены, что Эдуардъ послалъ въ Вестминстеръ поддѣланную, а не настоящую подушку, попому что самаго сваяшаго камня онъ не нашель. Люди, вѣрющіе таковому преданію и видѣвшіе сей оста-

шокъ древности, полагающъ, что Макбейъ, по причинѣ безпокойныхъ временъ, перенесъ упомянутый камень въ подземелье своего замка на холмъ Дунзинамскій, гдѣ онъ и найденъ нынѣ работниками. Камень сей отправленъ водою въ Лондонъ, дабы ученые тамъ его разсмотрѣли и опредѣлили наспоящее его свойство.

Норвегія.

Въ Христіанію возвратился недавно одинъ изъ тамошнихъ жителей со спадомъ *сѣверныхъ оленей* (das Rennthier, la renne, cervus tarandus), числомъ до 200 штукъ, между коими находилъ нѣсколько *бѣлыхъ*, или пакъ называемыхъ *Сибирскихъ*. Онъ купилъ ихъ въ Лапландіи и намѣренъ развеситъ въ своихъ опечесивенныхъ горахъ, гдѣ сіи столь полезныя звѣри (не только ихъ кожа, мясо и молоко употребляютъ, но даже и они сами для перевозки тяжестей) давно уже вывелись. Девять мѣсяцовъ употребилъ онъ на совершеніе пуши; въ лѣсахъ, гдѣ нѣтъ никакихъ дорогъ, принужденъ былъ направлять ходъ свой по компасу, однажды онъ недостатка снѣга бросилъ большую часть своихъ вещей, а онъ недостатокъ пищи убилъ 20 оленей изъ своего спада. Несмотря однако же на все сіе намѣренъ онъ отправиться опять въ Лапландію за другимъ транспортомъ оленей.

Америка.

Американецъ Шпапель изобрѣлъ воздушныя суда вмѣсто паровыхъ. Существенность изобрѣшенія соспойтъ въ употребленіи постояннаго воздуха вмѣсто водяныхъ паровъ. Основаніемъ сей перемѣны служитъ большая разширимость сего воздуха противъ паровъ при одной теплотѣ. Практически доказывается выгода сего изобрѣшенія тѣмъ, что для произведенія одного и того же дѣйствія посредствомъ постояннаго воздуха и водяныхъ паровъ, потребна въ первомъ случаѣ только пятидесятая доля огня, необходимая въ послѣднемъ.

Въ Мексикѣ, въ округѣ Gracios de Dios открыты двѣ мины драгоцѣннѣйшаго опала.

Рускій Театръ *).

Рауль де Креки или возвращеніе изъ крестовыхъ походовъ , большой пантомимной балетъ въ 5 дѣйствіяхъ , сог. Г. Дидло.

Прелестный балетъ! Мы видѣли его уже во второй разъ 8 ч. сего мѣсяца. Постараемся изложитъ здѣсь, сколь можно короче, его содержаніе.

Графъ Рауль де Креки, возвращаясь черезъ семь лѣтъ изъ крестоваго похода къ своей супругѣ и дѣшамъ (при отправленіи его въ Палестину старшій сынъ былъ десяти только лѣтъ, а младшій еще въ колыбелѣ) претерпѣваетъ кораблекрушеніе у береговъ своихъ владѣній. Петръ, прибрежный сморшпель, занимавшійся въ то время съ дѣшми своими рыбною ловлею, спасаетъ Графа съ двумя его оруженосцами и укрываетъ въ своей хижинѣ. Здѣсь - по узнаешь Графъ, что во время его отсутствія Боду-

*) Надѣмся впредь сообщать чаще читателямъ нашимъ извѣстія о здѣшнемъ театрѣ, копорый, благодаря попеченіямъ Театральной Дирекціи и стараніямъ нашихъ актеровъ, находится несравненно въ лучшемъ прошивѣ прежняго состояніи. *Изд.*

инь, сосѣдъ его, овладѣль всѣми его помѣстьями, влюбился въ Аделаиду, его супругу, и намѣренъ насильно жениться на ней. Графъ, рѣшившись скрываться до времени, переодѣвается въ Пилигрима и отправляется тайно одного оруженосца къ друзьямъ своимъ просить у нихъ помощи. Бодуинъ, заспиритый близъ сихъ мѣстъ на охотѣ бурею, входитъ съ своею свитою въ хижи-ну Петра. Увидѣвъ шумъ порицаетъ Графа, изъясняетъ онъ хозяевамъ свой гнѣвъ; но мнимый Пилигримъ, увѣряетъ его, будто прежній владѣтель, Графъ Рауль де Креки, убитъ въ Палестинѣ. Алинъ, сынъ шюрем-щика и женихъ Маргариты, дочери Петра, приходитъ за невѣстою съ молодыми по-селянами и поселянками. Начинаются пляс-ки; послѣ чего свадебная процессія отправ-ляется въ церковь. Вотъ содержаніе перва-го акта.

Актъ II. Процессія располагается пе-редъ замкомъ. Графиня удостоивается сей праздникъ своимъ присутствіемъ. Старшій сынъ ея Рауль принимаетъ участіе въ тан-цахъ и въ рыцарскихъ играхъ. Маленькой брагъ его Краонъ принимается за оружіе и хочетъ также показать свое искусство. Графъ, все еще переодѣтый Пилигримомъ, въ возторгѣ беретъ на руки малютку, который примѣтивъ на немъ знакъ крестоносцевъ, под-

водишь его къ мащери. Въ сію самую минушу являешся Бодуинъ. Онъ спрашиваетъ нарочно Пилигрима о Графѣ Раулѣ де Креки, и потъ повшоряетъ предъ Графинею ложное извѣстіе о своей смерти. Графиня не вѣришь; но сіе же самое извѣстіе подтверждаетъ вскорѣ послѣ того оруженосецъ Графа, принесшій, по его наученію, письмо, написанное имъ будшо предъ его кончиною, и его оружіе, покрытое чернымъ флеромъ. Графиня падаетъ въ обморокъ. Пилигримъ совѣтуетъ Бодуину удалиться и обѣщаетъ ему привести ее въ чувство силою гармоніи. Бодуинъ удаляется; Графъ начинаетъ играть на арфѣ сочиненный имъ Романсъ, который во время его отсутствія Аделаида сама часто играла. При сихъ знакомыхъ сердцу ея звукахъ приходишь она въ чувство, всматриваетъ въ своего супруга; онъ искусно показываетъ ей кольцо и браслету, полученные имъ опъ нея при отправленіи его въ Палестину, какъ вдругъ являешся Бодуинъ, съ повѣреннымъ своимъ Гумбертомъ, возбуждившимъ въ немъ подозрѣніе къ ложному Пилигриму. Бодуинъ рѣшительно пребудетъ у Графини, что бы она дала ему свою руку. Старшій ея сынъ опвѣчаетъ за нее съ гордосшію и презрѣніемъ, которыя приводяшь въ бѣшенство Бодуина. Графиня бросаетъ между ими, пришворщуетъ; Боду-

инь даеся въ обманъ и велишь продолжашь празднество. Между тѣмъ другой оруженосецъ Рауля, переодѣтый паспухомъ, прокрадывается сквозь толпу, что бы вручить своему господину письма отъ друзей, идущихъ къ нему на помощь; но Аргусъ - Гумбертъ, наперсникъ Бодуина, приказываетъ его схватить, обыскиваютъ его, находятъ письма и все открываются. Супруги падаютъ другъ къ другу въ объятія; молодой Рауль бросается къ ногамъ своего родителя, а малюшка Краонъ виситъ у него на шеѣ; знамя владѣтелей Креки въ рукѣ вѣрнаго оруженосца, принесшаго ложное извѣстіе о смерти Графа, развѣвается надъ сею прогашельною группою. Бодуинъ бѣсится. Графиня убѣждаетъ воиновъ перейти на сторону законнаго владѣльца; немногіе однако переходятъ, большая часть оспается на споронѣ щедраго Бодуина. Такъ и должно. Въ это время Рыцарь Ренши, другъ Графа Креки, приближается съ войскомъ; но прежде еще, нежели онъ приблизился, начинается уже сраженіе. Графъ принужденъ уступить многолюдству. Его, супругу его и старшаго сына берутъ въ плѣнъ: первыхъ двухъ заключаютъ въ разныя темницы; послѣдняго два воина увозятъ на лодкѣ.

Актъ III. Въ темницѣ, успроенной во внутренности башни, Краонъ спитъ на

колѣняхъ плачущей своей матери, пугается во снѣ, просыпается и уговариваетъ мать, что бы она уснула. Та припворяется спящею; малютка становившись на колѣна и молился. Онъ почувствовалъ голодъ, видишь кувшинъ воды и кусокъ чернаго хлѣба; но лишь только принялся за послѣдній, какъ слышишь плачь матери, забываетъ голодъ и бросается къ ней на шею. Вдругъ въ рѣщешку шюренаго окна влетаетъ стрѣла и падаетъ къ ногамъ Графини; она отвязываетъ отъ стрѣлы записочку, изъ которой узнаетъ, что хотѣтъ освободить ее изъ башни, пишешь отвѣтъ, и стрѣла, приклепленная къ ниткѣ, полетѣла назадъ. Бодуинъ, безъ лашъ, со знаменемъ побѣжденнаго имъ Рыцаря Ренши, входитъ въ темницу, въ кошорую лепитъ другая стрѣла и поражаетъ его въ бокъ. Графиня вынимаетъ изъ раны стрѣлу, а между тѣмъ перерываетъ нитку, кошорая была привязана къ ней съ новою записочкою, и перевязываетъ рану. Бодуинъ ищетъ кто его ранилъ и взглянувъ въ окно, открываетъ умыселъ, Графиня старается приблизиться къ окну и дасть знать друзьямъ своимъ о угрожающей имъ опасности; но Бодуинъ отпалкиваетъ ее, призываетъ воина, кошорому отдаешь на руки маленькаго Краона съ приказаніемъ бросить его изъ окна, если мать

къ оному приближися, и уходитъ. Добрай пущь! Графиня спарается преклонить суроваго спража, проситъ его, общаетъ большую награду, плачетъ, падаетъ къ его ногамъ, хочетъ цѣловать руки — все тщетно! Наконецъ она вырываетъ у него изъ рукъ своего малюшку и хочетъ черезъ окно дать знакъ стоящимъ внизу, что бы они спасались. Воинъ отнимаетъ у нея сына и опшпалкиваетъ ее столь сильно, что она падаетъ подлѣ знамя, оставленнаго Бодуиномъ. Видя, что воинъ хочетъ уже бросить внизъ милаго ея Краона, она поражаетъ изо всей силы изверга копьемъ, къ которому прикрѣплено знамя. Спражъ, смертельно раненный, выпускаетъ изъ рукъ дитя, собираетъ послѣднія силы, что бы поразить невиннаго младенца и его мать; но они укрываются опъ его ударовъ, и онъ испускаетъ послѣдній вздохъ. Графиня даетъ сигналъ друзьямъ своимъ посредствомъ нитки, къ которой привязана была стрѣла, и получаетъ опъ нихъ попеременно веревку, пилу, попоръ и веревочную лѣстницу. Она уже разломала рѣшетку, прикрѣпила къ окну лѣстницу; но не знаетъ какъ спуститься по ней съ маленькимъ своимъ сыномъ. Наконецъ находитъ средство; сажаетъ Краона къ себѣ на спину, который обхватилъ ея шею своими ручонками, и привязываетъ его знаменемъ,

опорваннымъ ею ошь дръвка. Милое дитя цѣлуешь мать свою въ ту самую минушу, какъ она при блескѣ молніи и страшныхъ ударахъ грома спускается изъ окна съ драгоценною своею ношею. Прелестная, прогашельная сцена!—Въ одно мгновеніе перемѣняющся декораціи. Театръ представляешь тюремную башню на берегу моря. Графиня, спустившись благополучно съ веревочной лѣспницы, садится въ рыбацью лодку, которая быстро летишь на парусѣ при попушномъ вѣтрѣ. Является Бодуинъ съ воинами и велишь пускашь стрѣлы въ бѣгущихъ; но они мгновенно исчезаютъ изъ глазъ. Показываешь еще лодка, въ которой сидишь молодой Рауль съ двумя воинами. Одинъ изъ нихъ хочетъ поразить юношу, но другой воинъ предупреждаетъ его и вонзаетъ мечъ ему въ грудь. Въ освободившея своемъ Рауль узнаешь вѣрнаго Симона, сына Петра, прибрежнаго смотрителя.

Актъ IV. Театръ представляешь ужасную темницу. Въ одномъ отдѣленіи, за желѣзною дверью, лежишь въ цѣпяхъ на соломѣ Графъ Креки; въ другомъ воинъ, взявшій его въ плѣнъ, стоишь на спражѣ. Тюремщикъ Бертиранъ, сынъ его Алинъ и Маргарита хотишь подкупить стража и узнають въ немъ Генриха, другаго сына Петра. Входишь Бодуинъ съ Гумбертомъ и Симо-

номъ, котораго первые двое все еще считающъ своимъ приверженцемъ. Бодуинъ наслаждается мученіями несчастнаго Графа, увѣряетъ его, будто Аделаида сдѣлалась уже его супругою, показываетъ ему ошвятое имъ у нея кольцо и платье молодаго Рауля, обогрѣнное кровію. Между тѣмъ Симонъ успѣлъ дать знать о себѣ Графу и увѣрить его, что сынъ его еще живъ. Бьетъ полночь. Графъ упрекаетъ Бодуина во всѣхъ его злодѣйствахъ; Бодуинъ приходитъ въ смущеніе, однако рѣшается умерщвить Графа и даетъ тайныя приказанія Гумберту, который беретъ къ себѣ ключи отъ шюремщика. Бодуинъ уходитъ вмѣстѣ съ симъ послѣднимъ. Гумбертъ запираетъ за ними двери, не выпуская даже молодыхъ супруговъ, и что бы разогнать сонъ, заставляетъ забавлять себя пляскою. Генрихъ совѣщаетъ ему отдохнуть, увѣряя, что въ спрѣжъ плѣнника совершенно можеть на него положиться. Гумбертъ садится у двери, за которою заключенъ Графъ, и засыпаетъ. Алинъ вынимаетъ шихонько у Гумберта шпагу, а Маргарита ключи. Отпирающъ дверь, снимающъ съ Графа цѣпи, хотящъ уже уйти, какъ вдругъ Маргарита роняетъ нечаянно большую связку ключей. Гумбертъ вскакиваетъ, но Алинъ съ Генрихомъ повергаетъ его на землю, и послѣдній, приспавъ шпагу

къ его груди, угрожаетъ въ случаѣ малѣйшаго движенія или крика умершвишь его. Графъ вооружается мечемъ Гумберта. Алинъ отпираетъ дверь, чрезъ которую пришелъ въ шемницу съ Маргаритою и у которой нѣшъ часовыхъ; всѣ спѣшатъ удалились; Гумбертъ спремится за ними, но Генрихъ поражаетъ его въ руку, отпалкиваетъ и запираетъ за собою дверь. Въ это самое время Бодуинъ спучился у другой двери; Гумбертъ не можетъ ее отворишь. Бодуинъ разламываетъ дверь, и узнавъ о побѣгѣ Графа, велитъ вмѣсто него казнишь Гумберта. Бьютъ тревогу, означающую приближеніе непріятеля.

Актъ V. Театръ представляетъ внутренность жилища, построеннаго въ развалинахъ стараго замка и служащаго мѣстомъ складки для рыбаковъ. Вдали слышенъ шумъ сраженія, постепенно приближающійся. Графиня въ ужасномъ безпокойствѣ. Маленькой Краонъ, молодой Рауль, Рыцарь Ренши и Симонъ спараются ее утѣшашъ. Вдругъ является Алинъ съ Маргаритою, а вслѣдъ за ними и Графъ. Петръ вбѣгаетъ запыхавшись, извѣщаетъ, что ихъ преслѣдуютъ и съ помощію воиновъ поднимаютъ большой камень, скрывающій входъ въ подземелье; Графъ Креки, старшій его сынъ, Ренши и нѣсколько воиновъ спускаются въ оное. Въ

самое это время войны Бодуина вбѣгають съ пламенниками въ сіе жилище. Начинается сраженіе. Графиня съ маленькимъ сыномъ уходитъ на галлерей, гдѣ Симонъ надеется спасти ихъ; но ихъ преслѣдующъ, достигаютъ уже, какъ вдругъ Пётръ разрушаетъ поперомъ связь, соединявшую галлерей съ лѣстницею, и эта часть галлерей падаетъ съ прескомъ, а вмѣстѣ съ оною и Симонъ. Бодуинъ входитъ въ эту минушу и увидѣвъ Графиню, приказываетъ зажечь галлерей, на которой она спаслась и гдѣ достигнуть до нея не возможно. Является Графъ съ сыномъ и съ друзьями. Начинается ужасное сраженіе. Въ продолженіе онаго галлерей, обгорѣвъ, разваливается; Пётръ беретъ на руки Краона и съ нимъ соскакиваетъ счастливо внизъ; Графиня падаетъ съ развалинами; но въ сію самую минушу молодой Рауль, опиявшій непріятельское знамя, увидя опасность матери, летитъ къ ней на помощь и принимаетъ ее въ свои объятія. Бодуинъ, смертельно раненный Графомъ, падаетъ къ ногамъ Графини. *На силу досказалъ!*

Многимъ изъ зрителей показался эпозъ балетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ непонятнымъ. Не мудро: они не читали *программы*, хотя въ концѣ афиши 8 Маія и напечатано крупными буквами, что *програмира*

новаго балета Рауль де Креки или возвращеніе изб. крестовыхъ походовъ продается при входѣ въ театрѣ по рублю. Безъ программы всякой балетъ покажется невразумительнымъ. Желательно только, что бы шаковыя программы, содержащія въ себѣ обыкновенно не болѣе одного или двухъ печатныхъ листовъ, продавались сколь можно дешевле, на примѣръ ошъ 25 до 50 к (иному и рубль счетъ дѣлаешь), и что бы всякой разъ передъ представленіемъ балета, или во время аншръ - актовъ, разносили ихъ по театру, какъ то дѣлается въ чужихъ краяхъ. вмѣсто 50 экс., которые въ рядъ ли продаются нынѣ во время представленія, разбирали бы ихъ всякой разъ по 500 или можешь быть еще и болѣе.

Что же скажешь о балетѣ? — Все, даже и самые строгіе критики, нечитавшіе программы, говорятъ, что онъ прекрасенъ; а мы прибавимъ съ своей стороны, что эшотъ балетъ едва ли не самый лучший изъ балетовъ Г. Дидло, который въ семь трудномъ родѣ сочиненій не имѣетъ еще себѣ у насъ соперника и вѣроятно долго еще имѣть не будетъ. Декораціи—особенно кораблекрушенія въ первомъ актѣ и развалинѣ въ послѣднемъ—безподобны; многія сцены разительны; группы прелестны.—О дарованіяхъ и искусствѣ нашихъ танцовщиковъ и тан-

цощиць счипаемъ говоришь излишнимъ: каждой и каждая изъ нихъ соопшвѣпствова-ли назначенной имъ роли и всѣ вообще при-несли зрителямъ большое удовольствіе. На-дочно признаться, что *ебъ цѣлолибъ* нѣтъ ни-чего столь хорошаго на нашемъ театрѣ, какъ балетъ.

Въ балетѣ всего важнѣе *пантолима*, а въ пантомимѣ никто у насъ не можетъ сравниться съ Гжею Колосовою. Ей предо-ставлены самыя шруднѣйшія роли, въ ко-пторыхъ она нѣмою игрою чрезвычайно жи-во изображаетъ дѣйсвія сильнѣйшихъ и часто противныхъ между собою спрасей. Глядя на нее забываешься, что сидишь въ театрѣ и невольно раздѣляешь съ нею всѣ ея чувствованія. Надочно было видѣть во второмъ актѣ эшаго балета какъ естест-венно и постепенно изображались на лицѣ ея задумчивость, уныніе, машеринская нѣж-ность, отчаяніе, надежда, радость, страхъ и проч. Въ шрешьемъ актѣ Гжа Колосова, кажешся, превзошла сама себя. Ахъ! еслибъ она была Француженка!

ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЯ ВЫСОЧЕСТВА
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ
и ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ АЛЕКСАНДРА ОЕО-
ДОРОВНА удостоили спектакль сей СВО-

ИМЪ посѣщеніемъ. Всѣ ложи, кресла, мѣста за креслами и галереи наполнены были зришелями.

И.

(16 Маія.)

Иногородныя особы, желающія полугать Журналъ сей и на остальную нынѣшняго года половину, т. е. съ Іюля. 1819 по Январь будущаго 1820 года, благоволятъ подписываться заблаговременно и относиться къ самому Издателю или въ Газетную С. П. бурескаго Поттамта Экспедицію. Можно еще подписываться и на весь нынѣшній годъ.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

МАЙ. 1819. № X.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НАДЕЖДА НА БУДУЩУЮ ЖИЗНЬ.

(Подражаніе Французскому.)

Люблю, смотря на зло, надеждою пи-
шасься;
Что шопъ, кшо сердцемъ добръ, чувствви-
шелень душой,
Ошавя здѣшній міръ и перейдя въ другой,
Тамъ будешъ въ полношѣ блаженшвомъ на-
слаждашься.
Безмолвіе и мракъ въ обштели могиль
Не вѣчно царшвуютъ; насшудишь часъ
разсвѣша —
И дремлющая жизнь, въ безсмертіе одѣша,
Сшрахнешъ шлѣнь брешя съ покоившихся
крыль

И воспаришь къ Творцу пріяшь награду
вѣчну;
А буйной гѣрдостью кичащійся аплетъ,
Какъ дубъ отпорженный отъ корня, въ
прахъ падеть,
Оплачешь суетнѣ и славу скоротечну.
Творецъ! въ душѣ моей духъ гѣрдости смири,
Веди меня къ добру священными спезями,
Дай силу брань вести съ надмѣнными вра-
гами
И благости швоей достойнымъ сотвори.

Казань.

Ө. Рындовскій.

КЪ ЛЮБЕЗНОЙ МЕЧТАТЕЛЬНИЦѢ.

Ты ищешь идеаль земнаго совершенства;
Ты хочешь здѣсь еще, на жизненномъ пути,
Вкусишь предчувствіе небснаго блаженства,
Въ юдоли бѣдствія храмъ счастья найши.
Одѣва юная съ прекрасною душою!
Чего желашь тебѣ? — Гдѣ ны, шамъ вѣч-
ный Май!
Но ахъ! не льсти себя несбыточной мечшою
И радости цѣшны — средь шерніа срывай!
Ты ангель на земли, міровъ надзвѣздныхъ
жисель,
Къ отрадѣ смершнаго парящій подь луной;

Но вспомни: если ты пришла въ сію обитель,
 То зришь не ангеловъ, во смертныхъ предъ собой!
 И если кто изъ нихъ цѣнишь себя умѣешь,
 Кто съ образомъ своимъ къ безсмертію
 парись,
 Любовію къ добру чье сердце пламенѣетъ,
 Кто взоръ прелестныя своей наградой
 чшишь —
 Того почти и ты улыбкой одобренья,
 И геній дремлющій къ полету возбуди,
 Пролей душъ его небесны вдохновенья
 И нѣжную любовь — хоть дружбой награди!

1818.

В. К. — вб.

ПОРТРЕТЪ 3 **

Бышь женщиной и зависти не знаешь,
 Любезной бышь безъ помощи кокетства,
 Безъ острыхъ словъ бесѣдою плѣняешь
 И презираешь прелестницъ жалки средства;
 Умѣешь свое достоинство цѣнишь,
 Холодностью надмѣвной не пугая;
 Всегда одно, всегда однихъ любишь,
 По вѣтру вкусъ и дружбу не мѣняя —
 Ты въ сихъ чертахъ узнаешь свой портретъ:
 Хоть кисть слаба, за то въ немъ лестна
 вѣшь!

В. К. — вб.

РОМАНСЪ.

(Изъ Поэмы: *Иснель и Аслега*.)

Прости, Иснель! отецъ неумолимой
 Велишь опдашь другому руку мнѣ:
 О милой мой! лишь горесши однѣ
 Оспалися душѣ, тоской помимой.
 Ушѣшься другъ: мнѣ суждено шерпѣшь,
 Любишь тебя, любишь и умерешъ.

*

Прости, Иснель! когда цвѣтокъ прекрасный
 Природныя оковы разорешъ,
 Онъ крошкаго дыханья вѣпра ждешъ;
 Но если вдругъ засвищешъ вихрь ужасный,
 Едва разцвѣль,—и вянешъ нѣжный цвѣшъ—
 И къ муравѣ склонился умерешъ.

*

Прости, Иснель! на деревѣ пусшынномъ
 Голубка милаго дружка ждала —
 Въ любви, въ шоскѣ, она его звала...
 Орель надъ ней — какъ вихрь въ порывѣ
сильномъ —
 Онъ налешѣль — спасенья бѣдной нѣшъ —
 Ей суждено: любишь и умерешъ.

В. Туланскій.

ВОСТОРГЪ.

Ахъ! дайше мнѣ лиру —
 Въ восторгъ Пльниру
 Пѣшь я хочу!
 О если бѣ чудесной
 Я силой небесной
 Могъ изъяснишь,
 Чшо ею плѣненной
 Въ душѣ восхищенной
 Чувствую я:
 Тобѣ лирой моею,
 Подобно Орфею,
 Всѣхъ я плѣнилъ,
 И гласомъ Сирены
 И самыя бѣ спѣны
 Одушевилъ!...
 Какъ послѣ шьмы бури
 Видѣ ясной лазури,
 Миль ея видѣ.
 Снѣговъ всѣхъ бѣлѣ!
 Зари цвѣшь живѣ
 Въ щечкахъ горить!
 Какъ въ утро пріятной
 Зефиръ ароматной,
 Дышешь она!
 Спань—гибкой лилеи!
 Спрѣль всякихъ сильнѣе
 Взоромъ разишь!
 А груди волненье?

Улыбка—прельщенье
 Чувствъ и очей!
 О верхъ восхищенья!
 Какія сравненья
 Сдѣлаю имъ?
 И ты прелестъ міра,
 Мой ангель, Пльнира,
 Любишь меня!
 Съ побою душъ радость!
 Я жизни пилъ сладость
 Свѣшь позабывъ!
 О еслибъ мгновенье
 Того наслажденья
 Смерти былъ мигъ—
 Какоюбъ чудесной
 Я смертью прелестной
 Умеръ тогда!

И. В . . к . . п . . к . . й.

ЭЛЕГИЯ.

Tons les chagrins sont pour les cœurs fidèles;
 Tons les plaisirs sont pour les inconstans,
Parny.

Любовь есть жизни сладострасъе,
 Младаго сердца краса,
 И наслажденье и счастье.
 Но для меня любовь—мечта,

Одно обманчивое чувство.
 Ему я вѣришь пересталъ:
 Я опытносцію узналъ,
 Что непорочность здѣсь искусство;
 Что кляшвы—звукъ пріятныхъ словъ;
 Что раноль, поздноль — но любовь
 Непостоянна измѣняетъ;
 Что радость—какъ весенній цвѣтъ—
 Лишь разцвѣтеть и увядаетъ;
 Что счастья въ семь мѣръ нѣтъ.

В. Туланскій.

НАУКА ЛЮБВИ.

(Изъ Вейссе.)

Алексисъ.

Людмила, сядь! учишь любви я спану.
 Ты здѣсь одна со мной.

Людмила.

Мой милый другъ! учишься не успану
 Я никогда съ тобой.

Алексисъ.

Читай въ глазахъ любви моей томленье,
 Смоди лишь на меня.

Людмила.

Что вижу? Ахъ, какое восхищенье!
Вся пламенью я!

Алексисъ.

Дай руку мнѣ, другую же дугою
Вкругъ шеи обогни.

Людмила.

Какъ хорошо! Но и своей рукою
Меня пы обойми.

Алексисъ.

Теперь цѣлуй—пока огонь, Людмила,
Почувствуешь въ крови.

Людмила.

Ахъ что со мной!—Нѣпъ научи мой милой,
Бѣжашъ швоей любви.

К.

РОЗЫ и РОЖА *).

Басня.

Кустъ розоновъ въ саду какомъ-то распу-
сшился

И весь цвѣтникъ собою помрачилъ.

Хозяинъ имъ гордился

И какъ свой глазъ хранилъ.

Цвѣшочки бѣдные съ шѣхъ поръ осирошѣли,
Какъ будто бы росли въ незнаемыхъ поляхъ;
Злашья пчелки къ нимъ ужъ больше не ле-
шѣли

И нѣжны мошылки качашся не жохѣли

На шонкихъ ихъ спебляхъ.

Все вкругъ прелестнаго куста вилося,
Все силою къ нему какою-то влеклося;

Давнишніежъ любимцы розъ,

Зефиры рѣзвые, отъ нихъ не ошсавали:

Межъ гибкихъ лозъ

Поржали,

Съ листочками играли,

И разнося въ саду прелестной запахъ ихъ,

Вездѣ про нихъ

Безъ умолку шепшали,

И всѣхъ къ нимъ привлекали.

Кшо въ садъ пошъ ни войдешъ,

Всякъ прямо къ нимъ идешъ,

*) Извѣстный цвѣшокъ сего имени.

Любуешся, дивишься,
 Съ прелестнаго куста не можешь глазъ
свести,
 И словомъ вкругъ него шьма зришелей под-
писся.

А Рожа, кой шуть случилось росши,
 Не видя съ роду
 Такого множества народу
 Вокругъ себя,
 Сама съ собою разсуждаетъ:
 „Какъ скоро красоты людей взоръ примѣ-
чаешъ!

И здѣсь нашли меня!“

*

О рожи, рожи!
 Вы всѣ на эшу рожу схожи.

И. В... к... п... к. й.

~~~~~

НАДПИСЬ КЪ ЖЕРТВЕННИКУ ДРУЖБЫ.

(Подражаніе Французскому.)

Здѣсь дружба нѣжная закашъ мой озла-
пила;
 Прервавши длинную моихъ печалей нишь,
 Она своей рукой шѣ слезы осушила,
 Кошорья любовь засшавила пролишь.

О. Соловѣ.

~~~~~

КЪ ПОРТРЕТУ Е. В. К—ой.

Амуръ споишь предъ нимъ, иди не хо-
чешь прочь,
И на лицѣ его сіяешь восхищенье.
Онъ видишь здѣсь себя написаннымъ почь
въ почь,
И нравишься божку сіе перерожденье.

В. Туманскій.

~~~~~

ШАРАДЫ.

1.

Найдете первое мое во всѣхъ домахъ;
Второе же въ болохахъ и прудахъ,
И это вѣрная худой воды примѣна;
А цѣлое—монета.

Казань.

Θ. Р.

2.

Въ водѣ есть первое, а также и второе;
Но цѣлое съ водой вполораго лучше впрое.
Какъ впрое? въ четверо, въ пять разъ!
Да много ошъ него бышь можешь и проказъ.

И.

~~~~~

(Изъ помещенныхъ въ № IX. Шарадь пер-
вая значить: тело - вѣкъ, вполора Бал - лада,
третья Боб-ровъ; а Загадка звездъ вѣ сапогъ.)

~~~~~

~~~~~  
 П Р О З А.
 ~~~~~

О САТИРЪ.

(Изъ Сульцеровой теоріи изящныхъ искусствъ.)

Новѣйшіе, занявъ у Римлянъ имя *Сатиръ*, дали ей споль проспранное значеніе, что она предспавляла у нихъ нѣчто неопредѣленное: почему мы и намѣрены обратиться прежде къ древнему знаменованію оной, и потомъ уже опредѣлимъ то поняшіе, которое нынѣ соединяемъ съ нею. Не обращая вниманія на сомнительную этимологію, удовольспвуемся однимъ примѣчаніемъ, что Римляне называли Саширою вообще всѣ пѣ спихотворенія, въ кошорыхъ оспро, колко и насмѣшливо изображались глупоспи и пороки какъ частныхъ людей, такъ и цѣлыхъ общеспвъ, будучи предспавляемы въ ихъ ненависпномъ видѣ съ нѣкошорою подробносшію. Саширы Горація, Ювенала и Персіа каждому извѣспны, и могушь служишь лучшими примѣрами Саширы

Римской. Хотя Римляне и выдають себя за изобрѣшателей сего рода стихотворства *) но какъ имя Сашира (Satyra, Satira или Satura) гораздо старѣ сочиненій Луцилія, по изъ сего видно, что Гораций упоминаетъ здѣсь шокмо о формѣ Саширы, кошорой придерживался онъ и двое его преемниковъ. Энній, Пакувій, Варронъ и другіе писали также стихотворенія, извѣсныя подъ именемъ Satirae, но онѣ были совершенно другаго рода. Не смотря однакожь на столь очевидныя свидѣтельства, нами представленные, многіе изъ новѣйшихъ изобрѣшеніе Саширы особенно приписываютъ Грекамъ. Кому угодно,

---

*) Гораций говоритъ о Луциліи:—Fuerit limatior quam rudis et Graecis intacti carminis auctor, и подъ сими разумѣешь вѣроятно Эннія. Квинтилианъ говоритъ: Satira quidem tota nostra est. Inst. L. x. c. i. Диомедъ пишетъ также: Satira est carmen apud Romanos, non quidem apud Graecos, maledicum et ad carpenda hominum vitia, archaеае Comoedie caractere compositum: quale scripserunt Lucilius et Horatius et Persius. Sed olim carmen, quod ex variis poematibus constabat, Satira dicebatur, quale scripserunt Pacuvius et Ennius. Diom. L. III.

попъ можешъ чашашъ о семь Дрейденуо разсужденіе о началѣ и посщенномъ ходѣ Сапиры *).

Осшавляя ученымъ крипическое изслѣдованіе сего предмета, мы намѣрены здѣсь включить шокмо нѣкошорыя примѣчанія, руководспвующія насъ къ опкрытію испочника, изъ котораго сей родъ спихотворспва происшекаетъ.

Выше упомянушо **), что при извѣстныхъ празднествахъ и шоржественныхъ обрядахъ древнихъ Грековъ и Римлянъ было въ обыкновеніи забавлять зришелей ругашельспвами и насмѣшками, и сей случай споль важенъ, что кажешся не напрасно будемъ спарашь-

---

*) Оно напечатано въ V часши Писемъ, изданныхъ на Нѣмецкомъ языкѣ, въ пользу изящныхъ наукъ и искусствъ. Сколько ученыхъ, не менѣ шого и краснорѣчивый издашель сочиненія подъ шишуломъ: *Le monde primitif analysé etc* въ шой часши, гдѣ онъ разсашриваетъ *Исторію Календаря*, весьма вѣрояшно заключаетъ, что слово *Satura* должно происходить ошъ Сапиры.

**.) См. подлинникъ подъ спашьею: *Aristophanes; Comedie.*

ся изслѣдовать все касающееся до его происхожденія. Луціанъ рѣшишельно говоритъ, что укорисельныя рѣчи сошавляли часть обрядовъ при шоржеспвахъ Вакхическихъ; но кажешся, что шаковыя рѣчи были въ употребленіи и при другихъ шоржеспственныхъ случаяхъ. Геродотъ свидѣшельспвуешъ, что при нѣкошоромъ жертвоприношеніи въ Эпидаврѣ хору именно запрещено было касаться мужинь, но за то уже оскорблять всѣми способами женинь *). И шакъ видно, что извѣшныя лица, и именно хоръ, былъ употребляемъ въ древности для шаковыхъ ругашельспшь, и сему же хору кажешся при извѣшныхъ празднествахъ препоручаемо было увеселять народъ различнымъ образомъ. Безъ сомнѣнія сіе было началомъ Комедіи: ибо не шолько древнія Комедіи Аристофана имѣли основаніемъ ругашельспшва прошивъ извѣшныхъ лицъ; но даже и въ Плавшовомъ Куркуліонѣ встрѣчающся слѣды сего первоначального со-

---

*) Herod. L. V.

стоянія Комедіи, гдѣ между шрепшымъ и чепвершымъ дѣйствіемъ выходилъ на сцену начальникъ хора и осыпалъ зрителей укоризнами.

Весьма трудно опредѣлить, политическое ли какое, или психологическое побужденіе было поводомъ къ такому обыкновению; но и у другихъ народовъ встрѣчается нѣчто сему подобное. Сатурнальные стихи древнихъ Римлянъ, и то, что Гораций называетъ *fescenniam licentiam*, когда при разныхъ священныхъ случаяхъ пѣши или произносились были оскорбительныя стихотворенія, также ругательныя пѣсни солдатъ на счетъ своихъ полководцевъ, принадлежавшія къ украшеніямъ триумфальнымъ, ясно показываютъ на подобное же обыкновение. Къ сему же можно причислить и увеселенія Нѣмецкой масляницы, происходившія въ среднихъ вѣкахъ; ибо пущь были въ употребленіи шушты, которые каждаго встрѣчавшагося съ ними ругали поноснѣйшимъ образомъ, а иногда оскорбляли и самымъ дѣломъ. Во время малолѣтства моего существовали въ Германіи слѣды подобнаго же обык-

новенія *) и весьма вѣрояшно, что при семъ случаѣ была въ употребленіи и шележка Тесписа. Одно слово существовавшее въ языкѣ Нѣмецкомъ, но нынѣ уже совершенно вышедшее изъ употребленія послужило мнѣ поводомъ къ сему открытію. Такъ на пр: въ опечесствѣ моемъ забавныя своевольства, происходившія въ собраніяхъ молодыхъ

---

*) Слѣды шаковаго же обыкновенія, открывающаго первоначальное состояніе Саширы, и въ нашемъ опечесствѣ могутъ быть видимы весьма ясно. Въ маленькихъ нашихъ городахъ и селеніяхъ еще и понынѣ существуетъ слѣдующій обычай: молодые люди вмѣстѣ съ дѣвушками собираются въ длинные зимніе вечера проводить большую часть ночи въ разныхъ играхъ и забавахъ. Сіе бываетъ наиболѣе во время святокъ. Тутъ переодѣвшись въ разные спранные наряды, и завязавъ лице, или вымаравъ оное сажею, дѣлають они безчисленныя шалости и своевольства; но главное ихъ удовольствіе состоитъ въ насмѣшкахъ надъ шѣми изъ зрипелей, копорые съ открытымъ лицемъ и въ собственномъ нарядѣ забавляются съ ними, а наиболѣе есшли они имѣють нѣкопорыя спранные и недосапки. Сіе мнѣ извѣстно, какъ урожденцу уѣзнаго города, гдѣ я самъ часпо имѣлъ случай видашь подобныя увеселенія народа, неспособнаго еще наслаждаться шѣми изящными удовольствіями, копорыя опличають общество благовоспишанное и просвѣщенное. *Прим. Переводчика.*

людей, назывались обыкновенно словом *Guggelfuhre*, что по этимологии означает всякаго для площадных дурачества наряженнаго шуша, котораго возяшь на шележкѣ. Да и при публичныхъ военныхъ экзерциціяхъ, равно какъ и при другихъ торжественныхъ случаяхъ, остаешия еще слѣдующій весьма древній обычай: шушь наряженный въ дурацкую шапку, и вооруженный арлекинскою палкою, ходишь взадъ и впередъ за процессією и ругая зришелей безъ милосердія, не получаешь ошь нихъ ни малѣйшаго наказанія. Изъ всего эшаго видно, что сей наряжаемый для праздниковъ шушь былъ первымъ поводомъ ко введенію пошомъ въ Комедію разныхъ Буфоновъ и Арлекиновъ.

Примѣчанія сіи, по всему кажешся, доставляюшь намъ нѣкоторое понятіе о началѣ всѣхъ родовъ древней Саширы. Нѣсколько грубый, но пришомъ живой и веселый народъ не находишь при торжествахъ своихъ лучшаго удовольствія, какъ насмѣшками возбуждашь оспрые умы къ разнымъ спорамъ, производишь между ими взаимное осмѣяніе, и такимъ

образомъ забавляшь зрителей, заботящихся однако, что бы изъ сихъ единоборствъ не вышло чего либо дѣйствительно непріятнаго. Сии, грубымъ людямъ полико свойственныя удовольствія, еуществуюшь еще и понынѣ, гдѣ нолько суровый народъ удержалъ въ себѣ довольно живости и духа для подобныхъ увеселеній.

Итакъ это было первымъ весьма несовершеннымъ началомъ Саширы, котораго ни Греки, ни Римляне никакъ не могутъ себѣ присвоивать; по всему видно, что она есть опечесвенное прозябеніе, произрастающее на землѣ каждаго народа, который не одаренъ отъ природы слишкомъ флегматическимъ сложеніемъ. Какъ скоро народъ поспешно начинаетъ образовать свои нравы, то сіе образование имѣеть величайшее вліяніе, какъ вообще на все принадлежащее къ симъ нравамъ и обычаямъ такъ и особенно на Саширу. Въ то время изъ сей первоначальной Саширы рождаются Комедіи и саширическія зрѣлища, стихотворенія; оставленные намъ Пакувіемъ и Энніемъ, Саширы Варрона

и наконецъ Горація со включеніемъ въ число ихъ множества другихъ родовъ сатирическихъ произведеній.

Нынѣ вообще привыкли называть все то *сатирически*, что относится до посмѣянія надъ извѣстными лицами, ихъ дѣянїями, нравами и мнѣнїями.

По сему Сапире можно вообще опредѣлить такъ: будучи разсмащриваема какъ произведеніе вкуса, она есть спихошвореніе, въ кошоромъ важнымъ или шушливымъ образомъ, но всегда въ духѣ забавной шулки и оспрошы порицающа глупости, цороки, предразсудки, злоупошребленія и другіе предметы, вредные для шого общества, въ кошоромъ мы живемъ, и основанные единшвенно на превращномъ образѣ мыслей и чувшвованїи, въ намѣренїи укоризнами способшвовашъ ихъ испребленію. Изъ области Сапире, исключаются всѣ ругашельныя нападенія на частныя лица и общества, происходящія изъ вражды, и ципающія одно личное мщненіе. На имя Сапире не имѣюшъ также никакого права Греческія спихошворенія, называемыя *Силлами*, заключаю-

щія въ себѣ однѣ ругательства, возбужденныя личностію, ядовитыя ямбы Архилоха, Оды Горация, въ которыхъ нападаетъ онъ на Канидію и другихъ особъ, и наконецъ насмѣшливыя Эпиграммы Марціала, наполненныя горчайшей желчи, изливаемой въ нихъ на его непріятелей.

Здѣсь можно вообще упомянуть, что Сашира, по примѣру большей части произведеній искусствъ словесныхъ, не имѣетъ никакой особенной для себя формы. Она сочиняется въ образѣ Разговора, Письма, Разказа, Повѣсти, Эпопеи, Драмы, даже самой Пѣсни. Мольеровъ Таршюфъ, Серваншовъ Донъ — Кишошъ, Свифтова Сказка о бочкѣ, и потому подобныя сочиненія суть истинныя Саширы, между тѣмъ какъ всѣ привыкли называть Таршюфа Комедіей, Донъ-Кишоша Романомъ, и подобно сему многія другія Саширы по ихъ формѣ, а не по содержанію. Нынѣ вообще присвоили имя Саширы мѣлкимъ саширическимъ стихотвореніямъ, которыхъ формою своею не принадлежатъ ни къ какому обыкновенному классическому раздѣленію произведеній словесныхъ. —

Но уже время прекратитьъ сіи побочныя разсужденія, и спарашься шочѣнѣе опредѣлишь характеръ Саширы.

Прежде всего должно замѣтишь, что содержаніемъ ея всегда бываетъ господствующее уклоненіе оупъ разума, вкуса, добродѣтели, хорошаго образа жизни, и наконецъ оупъ неиспорченнои чистоты нравовъ, которое припомъ еполь важно, что можешъ быть оупкрыто представлено какъ для предохраненія, такъ и для удержанія людей оупъ дальнѣйшаго уклоненія съ путей истинны и благоразумія. Надлежишь непременно, что бы таковое уклоненіе было господствующимъ. Ибо особенные, рѣдко случающіеся *проступки* прошивъ разума, вкуса, нравовъ и ш. д. никакъ не могушь быть поводомъ къ сочиненію Саширы ни для одного благоразумнаго писателя. Токмо порокъ закоренѣдый, или шакой, который грозишь повсемѣстнымъ разпространеніемъ, достоинъ усилій тенія саширическаго. Саширы, имѣющія предметомъ пороки и глупости частныхъ лицъ, которыхъ дѣйствіе никакъ не можешъ

Бышь значительно для цѣлаго общества, не заслуживаюшь особеннаго вниманія. Онѣ могушь доставляшь шокмо пріятную забаву, и считаешся наряду съ произведеніями, имѣющими цѣлю шутку и удовольствіе. Осприя головы, по выраженію Горация, сочиняюшь ихъ въ полной свободѣ Музы, и единственно для увеселенія *). Изъ сего однакожь исключаются шѣ Сатиры, въ кошорыхъ подъ извѣстнымъ состояніемъ людей осмѣиваюшся повсюду разпротранившіяся глупости нѣкошорыхъ часпныхъ лицъ, чему *Болтунѣ* Горация **) можешь служишь наилучшимъ примѣромъ. Ибо чрезъ сіе Сатира дѣйствуетъ уже на цѣлое состояніе, и приобретаетъ чрезъ то надлежащую свою важность. Также относяшся къ числу маловажныхъ сатирическихъ произведеній шѣ изъ нихъ, кошорыхъ содержаніе совершенно внѣ круга чашашелей, напр: описаніе глу-

---

*) *Cantamus vacui Ode 1. 6. vacui sub umbra lusimus Ode 1. 32.*

**) *Sat. L. 1. 9.*

постей простаго народа *), копорой никогда не чипаешь, или еслибъ мы нынѣ вздумали писать Сапиры на Греческую Мифологію во вкусѣ Люціана. Последній и предъидущій роды могушь всегда называться сапирическими, и относяся прямо къ классу произведеній, имѣющихъ предметомъ шупку, и сочиняемыхъ единственно для удовольствія.

Главная цѣль Сапиры есть прошивоборствование пороку, копорой она избираешь предметомъ своего содержанія, спараніе и испребляешь, или покрайней мѣрѣ ограничиваешь дальнѣйшее разпространеніе онаго. Личная вражда, или ненависть смѣщиваешь Сапиру съ Пасквилемъ, и можешь бышь одинъ покмо случай изъ сего исключается, когда возбужденные папріотическою ревностію

---

*) Подъ эшошь упрекъ подходитъ извѣстная наша Поема Г. Майкова: *Елисей, или раздраженный Вакхъ*, и большая часть театральныхъ нашихъ произведеній. Онѣ совершенно внѣ круга своихъ чипашелей и зришелей. Благовоспитанный человекъ не любитъ того, что приводитъ смѣдливостъ его въ краску. *Прим. Перев.*

прошивъ успѣховъ какого либо злодѣянiя, мы не находимъ иныхъ способовъ мстишь преступнику, кромѣ преданiя памяти о немъ попомству. Но говоря о маперiи вообще, мы не будемъ здѣсь обращать вниманiя на совершенно частныя случаи.

И такъ, принявъ въ разсужденiе сію цѣль, увидимъ, что Сашира принадлежишь къ драгоцѣннѣйшимъ произведенiямъ вкуса, и мы будемъ весьма несправедливы, есшьли спанемъ считаешь ее наряду съ обыкновенными шупливыми произведенiями, надъ копорыми она имѣешь необыкновенное преимущество. Испинная, производящая свое дѣйствiе — Сашира, ешь несравненно важнѣйшее шворенiе. Всякой безпорядокъ, господствующій въ разумѣ, вкусѣ и нравственномъ чувствѣ всего народа, или нѣкопорыхъ сословiй онаго, ешь зло несравненно важнѣйшее всякаго скороминуемаго распройства, копорое оскорбляя выгоды нѣкопорыхъ людей, бываешь шолько на время причиною ихъ несчастiя. Есшьли по нашему мнѣнiю сшоль важны всѣмъ извѣст-

ные предметы, клонящіеся единственно до разрушенія наружнаго благосостоянія народа: то по довольномъ разсмотрѣніи натуры человѣческой, мы увидимъ, что внутреннее разсиройство разума или воли есть такое зло, которое достигнувъ до извѣстной степени своего распространенія, бываетъ причиною гибели цѣлыхъ народовъ. Сія истина извѣстна каждому занимавшемуся всемірною Исторіей. И потому не должно ли почестьъ величайшимъ народнымъ благошворителемъ того, кто цѣлый народъ, или нѣкоторыя сословія оного, обратилъ съ пути безумія, или вреднаго уклоненія отъ разума, на истинный путь натуры и благоразумія? Но о дѣйствіи Сатиры будемъ говорить послѣ, когда точнѣе изслѣдуемъ ея роды и характеръ.

Сатирической Стихотворецъ шѣмъ подобенъ моральному Философу, что они оба стараются излечивать разпространившійся, или еще разпространяющійся вредъ въ нравственномъ обществѣ; но средства ихъ къ тому совершенно различны. Послѣдній изъ нихъ

принимаетъ на себя важный, поучительный, увещательный или предостерегательный тонъ; онъ представляетъ зло или въ его началѣ, или въ настоящемъ существѣ, или во вредныхъ слѣдствіяхъ онаго, но всегда непосредственно тономъ наставника. Совершенно другимъ образомъ поступаетъ Саширикъ. Сама маперія поставляетъ его или въ полное негодованіе, или въ насмѣшливое, или просто въ шушливое расположеніе духа, и онъ сообщаетъ сіе состояніе чинамъ. Зло, которое онъ имѣетъ своимъ предметомъ, представляется ему всегда подъ извѣстнымъ образомъ и красками, подающими поводъ къ плаковому расположенію; и такъ если онъ кого осыпаетъ ругательствами и насмѣшками, то описываетъ предметъ свой всегда въ томъ отношеніи, которое для расположенія его наиболѣе благопріятно. Онъ поступаетъ при семъ подобно каждому художнику, употребляющему вмѣсто общихъ представлений особенныя; не изслѣдываетъ существа глупости, но представляетъ намъ глупыхъ и порочныхъ въ томъ отношеніи, въ какомъ

они могутъ бытъ предсшавлены опшвра-
пительнѣ, смѣшнѣ и необыкновеннѣ.
Саширикъ также не обязанъ строго
слѣдовать правиламъ рисовки, онъ пере-
ходитъ иногда предѣлы вещей, и вмѣ-
сто вѣрнаго изображенія оныхъ сочи-
няетъ каррикашуры, сообразныя съ его
душевымъ расположеніемъ. — Чрезъ сіе
приводя пишателя въ извѣстное распо-
ложеніе духа, старается посредствомъ
изображаемыхъ имъ подробностей воз-
будить его негодованіе или насмѣшку.
Такъ, Саширикъ и Моралистъ, имѣя въ
виду одну похвальную цѣль, различающ-
ся другъ отъ друга единешвенно спо-
собомъ изложенія.

Но несмотря на сіе Саширикъ и
Моралистъ, при выраженіи частныхъ
мыслей, не столько разнспвуютъ другъ
отъ друга, что бы они никогда уже не
могли повспрѣчаться на поприщѣ, имъ
предлежащемъ. То Писатель Саширъ въ
нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлается Морали-
стомъ, то Моралистъ попадаетъ иног-
да на дорогу Саширика. Но чѣмъ болѣе
последній чуждъ дѣйствительной зло-
бы, хотя онъ иногда и принимаетъ на

себя понъ спрогій, тѣмъ менѣе еще первый облакается въ родильельскую важность, и даже въ томъ случаѣ, когда нужно наставляишь глупость, онъ учитъ ее строгимъ пономъ наставника. Не нужно въ Сапирѣ, что бы одинъ и пошъ же понъ былъ выдержанъ совершенно. Негодование, насмѣшка и простой смѣхъ могутъ по очереди мѣняться въ оной; но понъ насмѣшливый, и просто смѣшливый кажется наиболѣе ей свойственнымъ. Приличнѣйшее выраженіе для Сапирика есть: „*Ridendo dicere verum*“. Одно слѣдующее оспаешся неизмѣннымъ закономъ: нападенія на безуміе, глупость и пороки, представляемые въ ихъ ужасныхъ, смѣшныхъ или опвраишельныхъ свойствахъ, должны дышать дѣйствительною ненавистію. Сапирикъ въ семь случаѣ поступаетъ, какъ непріатель, который поклялся умершвить своего соперника, но не разбираешъ именно, открышою ли силою, или хитрымъ, шайнымъ нападеніемъ онъ будетъ причиною его смерти.

Сего кажется довольно для общаго опредѣленія характера Сапиря. —

Сей родъ пребуешь глубокомыслія, опытноспи и сердца, дышущаго любовію. Великій и острый умъ способствуеють писателю примѣчать и вѣрно разсмащривать всякое уклоненіе отъ пущей напуры; онъ возноситъ его на высоту, съ копорой онъ удобно можешь обзорѣвать весь родъ человѣческой, и прилежно разсмащривать различныя его положенія. Быстрое око его безъ пруда проникаешь въ слѣдствія сего уклоненія, и вѣрно опредѣляетъ всю его важность; оно видитъ преступленіе еще несовершившимся, и въ поже время стараешь предупредить его. — Высокое предвидѣніе способствуешь ему ясно предсказывать, и какъ бы наяву представлять согражданамъ всякую опасность, имъ грозящую, всякое зло, подобно червю вшайнѣ подкапывающее храмину ихъ благополучія; онъ знаетъ, въ какомъ видѣ представить ихъ, дабы возбудить въ душахъ величайшее опшращеніе, сильное негодование, явное презрѣніе и унизительное посмѣяніе.

Горячестъ сердца есть Муза его, вооружающая своего героя для превос-

ходнѣйшаго сраженія; и одушевляющая шѣмъ геніемъ, кошорый толико ужасень глупосши. Естѣли онъ болѣе всего любитъ истину, вкусъ и добродѣшель; то ему нѣтъ нималѣйшаго шруда защищать права ихъ прошиву всякаго притѣснителя.

Сии качества принадлежатъ ему вообще какъ великому и художнику наставнику рода смертныхъ, но онъ преимущественно снабденъ еще даромъ Сапирическаго расположенія. Естѣли бы онъ только плакалъ о глупосняхъ и о ослабленіи человеческого рода, какъ Геракливъ, или смѣялся надъ онымъ, подобно Демокришу, то былъли бы онъ наставникъ народной? Для сего нужно нѣсколько желчи и способность насмѣхаться. Саширику надобно быть нѣсколько горячаго сложенія, дабы онъ легко могъ принимашь на себя всякое расположеніе духа, способное наполнить его негодованіемъ, возбудить смѣхъ, или произвести раздраженіе; видя ужасныя преступленія, онъ не долженъ огорчаться ими; глупость не должна возбуждать чувствительности его до суроваго пре-

зрѣнія, а одушевляшь его одною легкою насмѣшкою; самое смѣшное не должно предспавляться разуму его безъ всякой связи, но играшь съ воображеніемъ въ видѣ испинно - комическомъ, дабы онъ могъ забавляшь не шолько себя, но вмѣстѣ и другихъ.

Естьли онъ снабденъ таковымъ расположеніемъ духа, и естьли припомъ одаренъ еще талантомъ, необходимымъ для каждаго ссихопворца, живымъ предспавленіемъ вещей видимыхъ и невидимыхъ: то онъ въ полной мѣрѣ снабденный качествами, поспребными для Саширика, можешь вѣришь своему генію. При всемъ помъ для него поспребно понокое остроуміе, посредспвомъ коего онъ могъ бы вездѣ находить смѣлыя сравненія, и перьяемое глупосцію чрезъ обыкновенность свою въ смѣшномъ дѣлашь разисельнымъ въ предспавленіи, выводя сіе смѣшное изъ предметовъ, совершенно сродныхъ съ нею, но возбуждающихъ смѣхъ въ степени высочайшемъ.

Теперь, естьли съ одной спороны разсудимъ, что для испинной цѣли Са-

пиры Спихопворецъ долженъ бытъ одушевленъ горячею любовію къ истинѣ, вкусу и добродѣтели; а съ другой замѣтимъ, что охота смѣяться необходимо соединена съ нѣкоторымъ презрѣніемъ къ людямъ; смѣшливое же расположеніе духа ведетъ вообще къ нѣкоторому легкомыслію: по мы увидимъ, отъ чего столь рѣдки истинные Саширическіе Спихопворцы. Нѣкоторые изъ нихъ впали въ дѣйствительную злобность, каковы на пр: Аристофанъ и Свифтъ; другіе стараясь единственно бытъ забавными, подобно Скарону, заразились чрезмѣрною шупливостію; а потому и нельзя удивляться, что изъ коликаго числа превосходнѣйшихъ Спихопворцевъ весьма мало истинныхъ Сашириковъ.

Но время разсмотрѣть намъ пользу, производящую отъ сего рода спихопворства. Нельзя рѣшительно утверждать, что бы злодѣи, безумцы и лишенные всякихъ правилъ нравственности, гонимые бичемъ Саширы, исправлялись отъ своихъ недостатковъ; равнымъ образомъ нельзя совершенно опъ-

рицашь и того, что бы многие, означенные Сапирою, не оспанавливались на пути глупости и злодѣянiя. Главное дѣло состоишь въ дѣйствiи, которое сей родъ стихотворства можетъ имѣть на благоразумнѣйшую отрасль чинашелей.—Ясно доказано, какое дѣйствiе производитъ насмѣшливая и смѣшная Сашира. Такого же дѣйствiя можно ожидать и отъ Саширы важно укорительной. Величайшiй пресупникъ спрашился публичнаго наказанiя передъ глазами цѣлаго свѣта. Можетъ ли бышь что ужаснѣе сшуда? Онъ имѣетъ величайшее влiянiе, какъ на того, кто шерпишь онъ, такъ и на того, кто его ожидаешь. И шакъ Саширикъ, удовлетворяющiй главной цѣли Саширы, есть безъ сомнѣнiя даръ Божественный, низпосылаемый Небомъ для пользы чловѣчества; онъ есть ширажь согражданъ своихъ, извѣщающiй ихъ о каждой нравственной порчѣ; онъ есть хранишель народный, всѣми мѣрами прошивающiйся злу; сила его могущественнѣе всякой наружной власти, кошорая прекращаетъ зло шокмо на время, но не мо-

жесть испоргнутьъ онаго съ корнемъ. Сіе можно доказать безчисленными примѣрами; но мы удалились бы ошь матеріи.

И пошому смѣло утверждашь можемъ, что Сашира въ каждомъ Государствѣ заслуживаетъ особенное вниманіе со стороны власши законодательной. Какъ самоуправство и Пасквиль, основанные на личной ненависши, не должны бышь шерпимы ни въ какомъ благоустроенномъ Государствѣ, въ которомъ сущесшвуютъ законы; такъ напрошивъ того благонамѣренный Саширикъ долженъ обрѣташь въ нихъ для себя защиту и покровительство. —

Дабы предупредить злоупотребленія, могущія произойти ошь Саширы, безъ сомнѣнія нужно было бы опредѣлишь надлежащія для нея предѣлы. Всеобщія слабости, пороки и обиды, происходящія ошь одной безразсудной мысли, всякая легкая вина, несопровожаемая никакимъ важнымъ слѣдствіемъ, заслуживаетъ одно снисхожденіе, и прѣбуешь токмо дружескаго напоминанія; но все злобное, все могущее бышь унич-

поженнымъ единспвенно силою законовъ, не имѣеть уже никакого права на Саширу. Личная Сашира потребуеть весьма великихъ ограниченій. Токмо явный пресупникъ законовъ справедливости, или пошъ, чьи пороки по важности ихъ сопровождаются величайшими слѣдствіями, долженъ бытъ преданъ Саширою поношенію своихъ современниковъ и попомства *).

---

*) На личную Саширу характеръ націи имѣеть весьма великое вліяніе; при семъ достойно примѣчанія, что у Грековъ и Римлянъ личныя колкости оставались безъ всякаго помщенія, какъ напротивъ того въ болъшей части земель Европейскихъ онѣ влекутъ за собою кровавую ненависть. Изслѣдовавъ начало между сею черпою древнихъ и новыхъ нравовъ заслуживало бы величайшаго усилія. Но не видно ли нѣкошораго малодушія въ сей чрезмѣрной чувствительности къ малѣйшимъ оскорбленіямъ? Ибо мы примѣчаемъ, что пвердый человекъ чѣмъ болѣе увѣренъ въ самомъ себѣ, чѣмъ болѣе имѣеть свободы поступать совершенно по своему произволу, не обращая вниманія на то, какъ поступаютъ другіе, тѣмъ

Впрочемъ мы не намѣрены здѣсь претбовать, чшобы опредѣлены были надлежащія правила прошивъ саширическихъ злоупотребленій. Мы хотѣли только напомнить, что они не были бы излишними, но за то и претбовали бы величайшей предосторожности со стороны своего учредителя. Также естли бы учреждены были таковыя же правила прошивъ саширическихъ ругательствъ, употребляемыхъ часшо многими ложными цѣнителями произведеній наукъ и вкуса; то и сіе безъ сомнѣнія имѣло бы свою выгоду. Но сіи злоупотребленія повидимому начинаютъ уже прекращаться сами собою. Оспрумнѣйшіе крипики наши переславъ

менѣе чувствуетъ оскорбленіе. Чрезвычайная чувствительность повидимому опзывается чѣмъ-то мѣлкогороднымъ, и опытъ свидѣтельствуетъ, что въ малыхъ городахъ, гдѣ образъ жизни и нравы столь тѣсно соединены между собою, самая малость подаешъ поводъ къ величайшимъ враждамъ, малость, кошорую человекъ живущій въ свѣтѣ не удостоилъ бы ни малѣйшаго вниманія.

подражать Аристофану, уже начали соображать умозаключенія свои съ большею степенью умѣренности и благоразумія. Однѣ покло пылкія головы, все осыпающія укоризнами, и чрезъ то единственно думающія приобрѣсти себѣ нѣкоторую важность, должны бытъ предоставлены собственному ихъ чувству, впрочемъ общающему ихъ исправленіе.

Естьли говорятъ, что Сашира получила начало у Римлянъ, то разумѣютъ чрезъ то особенный родъ Саширы, состоявшей изъ небольшихъ спихопвореній, содержавшихъ въ себѣ моральныя, поучительныя, или укорительныя сочиненія о нравахъ человѣческихъ, писанныя спихами. Ибо неоспоримо, что Аристофанъ принадлежишь къ числу Сашириковъ. Величайшая развращенность нравовъ Римскихъ во времена Цесарей произвела въ свѣтъ прехъ превосходнѣйшихъ спихопворцевъ сего рода. Горацій болѣе способенъ смѣяться надъ глупостями, нежели важнымъ, укорительнымъ тономъ вооружаешь прошивъ пагубныхъ слѣдствій порока. Юве-

наль его суровѣе; онъ сильно нападаешъ на вредную безнравственность своего времени, и умѣешъ возбуждать въ одно время смѣхъ и негодование. Персїи впадаетъ иногда въ плаксивость, но вездѣ укоряешъ и учишь съ важностію Споика.—

Я не намѣренъ продолжашъ спятъи сей длиннымъ исчисленіемъ и оцѣнкою всѣхъ новѣйшихъ саширическихъ спихопворцевъ. Кому угодно, пошъ можешъ объ нихъ прочешъ въ шестой часши Цисемъ *о образованіи вкуса*, писанныхъ къ одному благородному Нѣмецкому юношѣ. Мы Нѣмцы въ родѣ Саширъ оспались назадъ за другими просвѣщенными Европейскими народами. Изъ числа спихопворцевъ нашихъ Каницъ и Галлеръ сушь единственнo упражнявшіеся въ Саширѣ Римской. Лисковъ, Роспъ и Рабенерь, а особливо первый, показали истинные саширическіе таланты; но ограничивались большею частію глупостями и пороками однихъ низшихъ сословій. Если бы Лисковъ родился немного позже, шо безъ сомнѣнія оказалъ бы онъ величайшія заслуги вкусу изящному. Со всемъ шѣмъ по нѣкош-

рымъ соображеніямъ, видно, что сапирическіе умы въ Германіи готовы воспрянуть изъ мрака, ихъ покрывающаго, и принести плоды, копорыхъ ошъ нихъ ожидаютъ.

Москва 1819.

Яковъ Бередииковъ.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ БЕСѢДЫ ИЛИ РАЗМЫШЛЕНІЯ НА НѢКОТОРЫЕ ТЕКСТЫ СВ. ПИСАНІЯ *).

I. *Не сообразуйтесь вѣку сему, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего.* (Къ Римлян. Посл. Апостола Павла, Гл. XII, 2.)

Не сообразуйтесь вѣку сему!— Слова сіи не оскорбляя никакого вѣка именно, могутъ относиться вообще къ прошедшимъ, настоящимъ и—вѣроятнo—и

---

*) Дославлены къ Издателю при письмѣ слѣдующаго содержанія: „Было время — и это еще очень недавно — что во всякомъ почти обществѣ любезныхъ женщинъ и молодыхъ людей читали что нибудь забавное, смѣшное, вовсе неучительное для ума, неушѣщительное для сердца—или писали ша-

будущимъ вѣкамъ. *Порокъ* современенъ *Добродѣтели* и вмѣстѣ съ нею роду чѣловѣческому. — „Ничто же *ново* подъ солнцемъ!“ возкликаетъ *Екклесіаспъ* (Гл. I, ст. 10). — *Добродѣтели* и пороки

рады, каламбуры, буриле — и *полюко!* — Чего же больше для желающихъ убить время? — И чего меньше для знающихъ истинную цѣну оному? — Нынѣ, благодаря благочестію нашего времени, бесѣды домашнія начинающъ украшаться чпеніемъ поучительнымъ, разговорами полезными. — Въ прошедшій великій постъ случилось мнѣ быть въ одной изъ таковыхъ бесѣдъ. Говорили о Священномъ Писаніи вообще и хвалили нѣкоторыя мѣста, нѣкоторыя изрѣченія въ особености. Почтеннымъ собесѣдникамъ угодно было поручить мнѣ написать свои разсужденія на 7 избранныхъ ими изрѣченій или текстовъ. Чтoby придать больше жизни и движенія слогу, я просилъ дозволенія написать разсужденіе мое въ видѣ рѣчи, произносимой какъ бы въ присутствіи слушателей. — Дозволено. Я написалъ, прочелъ и теперь написанное съ *благимъ намѣреніемъ*, препровождаю къ вамъ, какъ къ *Издателью Благонамѣреннаго*.

вашъ и проч. *Ф. . . . Г. . . . а.*

древнѣйшіе обитатели планеты нашей.

Еще съ незапамятныхъ временъ, изъ преданій глубочайшей древности приметно непрерывное бореніе добра и зла (въ мірѣ нравственномъ), равно какъ бореніе свѣта и тьмы (въ мірѣ физическомъ). Всѣ древнѣйшія таинства *Изиды* въ Египтѣ и таинства *Елевзинскія* въ Аѳинахъ представляли ни что иное въ высокихъ символахъ своихъ, какъ сіе прошивуборствіе *добродѣтели* и *свѣта* — пороку и тьмѣ.

Все сіе каждому, читавшему Историю, извѣстно; извѣстно также и то, что всегда и повсюду были друзья добродѣтели и свѣта и защитники порока и тьмы. — Первые — то изъ нихъ, видя жалкое состояніе людей, неумѣющихъ пользоваться ни опытами, ни примѣрами прошедшихъ вѣковъ и слѣпо сшремящихся въ бездну развраща своего вѣка, мужественно, въ поученіе заблуждающимся, восклицали: *не сообразуйтесь вѣку сему!*

Такъ, почтенные слушатели! если случится вамъ увидѣть людей, кошо-

рыхъ всѣ шаги въ жизни сей кривы, дѣла нечисты, совѣсь шемна, умъ омраченъ предразсудками, а сердце напыщенно гордоспю; если случится вамъ, говорю, видѣть шаковыхъ людей несправедливо почтенными и не подоспоинству уваженными въ вѣкъ семъ: шо... не сообразуйте въ къ сему!

Не сообразуйте въ къ сему, вспрѣчая толпы, или—справедливѣе сказашь—стада низкихъ тварей, имѣющихъ только внѣшнее подобіе челоуѣка: Вы увидите ихъ, забывшихъ благородную цѣль и высокое назначеніе созданнаго по подобію Божію и съ неописаннымъ униженіемъ пресмыкающихся у подножія ими же сотворенныхъ, ихъ же только униженіемъ возвышенныхъ и для нихъ однихъ священныхъ испукановъ. — Видя съ какою рабскою оспорожноспю проходяшь люди сіи пушь жизни и съ какимъ искусвомъ наводяшь другихъ на шерны, а сами спараются всегда спупашь по розамъ — съ какимъ прилежаніемъ ищущъ пяпень въ лунѣ и солнцѣ, не замѣчая, что сами съ ногъ до головы покрышы шиною, и съ какимъ пламен-

нымъ рвеніемъ спремятся порицать все, что не отъ нихъ и не ихъ.... видя шаковыхъ людей въ *вѣкѣ селѣ*, не сообразуйтесь *вѣку селу!*—Вамъ случився увидѣшь и шакихъ людей, копорыхъ цѣлая жизнь есть, шакъ сказашь, продолжительная ловля обманчивыхъ радостей и ушѣхъ мірскихъ. Подобно неупомимымъ звѣроловцамъ, переходящимъ горы и спремнины, не уважають они никакими преняшспвіями и не щадяшь никакихъ шрудовъ, чтобы уловишь только мгновенныя радости, копорыя, подобно *ртути*, скользаяшь и уходяшь изъ рукъ въ шу самую минушу, когда ихъ хватають!—Но какоебъ кому до шого было дѣло, когдабъ они упошребляли годовыя *труды* и заботы свои для получения *недѣльныхъ наслажденій* — и шолько!—Нѣшь! они дѣлають еще болѣе и хуже: они опдають *существенность* за *тѣнь* и вещи *нетлѣнныя* за *позолотенную гниль!* — Я не умѣю ихъ ни съ кѣмъ другимъ сравнить, какъ развѣ съ шѣми досшойными сожалѣнія дикарями, копорые хваяя съ жадноспію изъ рукъ Европейца обломокъ зеркала, опдавали

ему кусокъ золота и убѣгали въ лѣса!... — Такъ, шочно такъ и нынѣшніе *искатели счастья* и почешей головы пожертвовашь всею, что украшаетъ сердце, для одного только суешнаго украшенія своею наружності! ... Не знаю, чего не опдадуть *они* за одинъ ласковый взглядъ любимца счастья и чѣмъ подорожатъ для одной привѣшливой улыбки *временщика*? — Покой, сѣмейственное счастье, свобода и даже *доброе имя*: все приносяшъ въ жертву суешныхъ исканій, все теряюшъ гоняся за *счастіемъ*, котораго, если не найдешъ челоуѣкъ въ собственномъ сердцѣ своемъ, то уже конечно *ни гдѣ* болѣе найши не можешъ!... — Пожалѣйте о заблужденіи сихъ несчастныхъ; но съ ужасомъ смотрите на *себялюбцевъ*, которые всею и кѣмъ только могутъ, готовы пожертвовашь для собственныхъ выгодъ. — Себялюбецъ почиаетъ *себя толкою*, вокругъ которой обращается вселенная. Онъ забываетъ обо всею на свѣтѣ, кромѣ одного *себя*. Скажите ему, что *важныя выгоды* ожидаюшъ его за рѣкою, на которой нѣтъ моста: онъ готовъ,

если по можно, сдѣлашь мостъ изъ всѣхъ ближнихъ, родныхъ и друзей своихъ, чтобы по шрупамъ ихъ достигнуть цѣли своей!! — Ужасень порокъ сей, но не менѣе ужасень и другій, пѣсно соединенный съ нимъ — *корыстолюбіе!*

*Корысть и себѣлюбіе дѣлашь владычество надъ міромъ и перзаюшь людей: все для золота или для собсшвенныхъ выгодъ. — Такъ, почтенные слушатели, видя пороки сіи самовласпно управляющіе сердцама челоуѣковъ; видя *судей*, съ такимъ же равнодушіемъзирающихъ на слезы обиженныхъ сиротъ, какъ на дождевыя капли; видя нечувствительныхъ богачей, копорые звѣня своимъ золотомъ, не слышашъ вздоховъ бѣдноспи; видя невинность угнѣщенною, а насиліе оправданнымъ; законы свѣша почтенными, а законъ Божій забвеннымъ; дарованія безъ ободренія, а заслуги безъ награды и *мудрость*, напрасно вопіющую противъ испорченной граждансшвенности и разврата вѣка... не сообразуйтесь вѣку селу, но преобразуйтесь обновленіемъ ума вашего.*

Обновленіемъ ума значить улучшеніемъ сердца и очищеніемъ или *обновленіемъ* обвешшалою опъ небреженія, разплънной пороками *нравственности* нашей. — Обновленіе *нравственности* споль же спасительнo и необходимо для *счастія*, какъ обновленіе испорченнаго воздуха для здоровья: такъ *преобразуйтесь же обновленіемъ ума* вашего, любезные слушатели!

Вошь объясненіе на одинъ изъ предложенныхъ текстовъ! Исполняя все то, что въ немъ, заключается, исполнимъ вмѣстѣ и то, что повелѣваетеъ другой: *„не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое.* (Къ Римлян. Посл. Апостола Павла, Гл. XII, ст. 21.) Конечно не *сообразуясь съ пороками* вѣка, мы не будемъ побѣждены опъ зла; а *сообразуясь обновленіемъ ума*, побѣдимъ вѣрно *благимъ злое.* — Чрезъ сіе исполнимъ два совѣта Священнаго Писанія и спанемъ двумя шагами ближе къ возможному на землѣ совершенству.

За симъ слѣдуетъ третій текстъ. Вошь онъ: *Духа не угашайте: Пророчества не унижайте.* Вся же *иску-*

шающе добрая держите. (Первое Послание Апостола Павла къ Солуняномъ Гл. V, сп. 19 и 20).

„Я мыслю: елъдственнo я есмь“: такъ воскликнулъ знаменитый Философъ Декартъ по долгомъ и глубокомъ размышленіи о самомъ себѣ. Но для чего бы такъ восхищаться возможносцію сказать: я есмь! Еслибъ шущь дѣло шло шолько о тѣлѣ, — шо конечно Декартъ, безъвсякихъ умспвованій, увѣрилъ бы, что онъ шочно естъ. Но Философъ опкрышію себя въ самомъ себѣ обрадовался шолько же, сколько и древній Сиракузскій мудрецъ опкрышію важной математической истины. Объяснишь это можно Бюффономъ, которій говоритъ и убѣдительно доказываетъ, что человекъ двойственъ (homo duplex). Такъ сія двойственносшь въ человекѣ признана еще съ самыхъ опдаленнѣйшихъ временъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ догматовъ древнихъ Восточныхъ Маговъ, а равно Индѣйскихъ, Египетскихъ и Халдейскихъ Мудрецовъ была вѣра въ бессмертіе души.— „Гдѣ швое опечество?“ опросили однажды у Анаксагора, со-

временнаго *Периклу* Философа — „*Тамъ!* опвѣчалъ онъ, указывая на небо. — И когда *ширанъ* успѣлъ захвашишь *Анаксарка*, небоявшагося говоришь истину самому побѣдоносному *Александрѹ*, и гошовился *истологъ его въ ступнѣ*, Философъ равнодушно восклицалъ: „полки, полки *фушляръ Анаксарковъ*, а самаго *Анаксарка* не исполчешь!“ — Всѣмъ извѣстно и по всему видно, что чловѣкъ *двойственъ*. *Земля и Небо* дѣляшь его между собою: грубѣйшая часть его — *тѣло*, принадлежишь первой; а благороднѣйшая *духъ* или *душа* послѣднему. — Изъ сего вы уже видите, любезнѣйшіе слушатели, что можно сказашь: *духа не цащайте*. Ибо, по прекрасному выраженію *Саллюстія* есть два рода людей: *одни*, подьемля благородное чело, пишаюшь духъ мудросшію и смошряшь всегда въ высоту; *другіе*, подобно пишающимаъ подножнымъ кормомъ *животнымъ*, ходяшь всегда съ поникшею главою и угождаюшь шолько *греву*, ш. е. грубымъ побужденіямъ и низкимъ спрашямъ. — Многоль шакихъ, кошорые согласились бы съ *Анаксагоромъ*, что од-

на капля мудрости дороже ста богекъ золота? . . . Конечно большая часть принадлежитъ къ полпѣ тревоугодниковъ. И они - по погашая духъ, воспламеняютъ страсти! Тѣло наше подобно темной храминѣ, въ которой благому Провидѣнію угодно было возжечь свѣтильникъ духа. Угасише его—и храмина ваша наполнится сперва мракомъ и сыростию, а потомъ, вредными насѣкомыми и пресмыкающимися, всегда любящими мракъ. Но погасившіе свѣтъ у себя не любятъ, подобно совамъ и нетопырямъ, видѣтъ оный, ни гдѣ и ни въ темѣ.—Отъ того-то они и слѣдуютъ всегда слѣпо однимъ формамъ. Извѣстно, что никакая мысль, никакое понятие и словомъ ничто духовное не можетъ постигнуто бытъ чувствами нашими, пока не приметъ какой нибудь формы. Но мудрый ищетъ въ каждой формѣ духа шакъ, какъ въ каждомъ тѣлѣ ищутъ души; напрошивъ того люди, о которыхъ мы сказали выше, слѣпо придерживающагося однѣхъ только формъ и рабски имъ повинующагося. Прочтите Евангеліе и увидите съ какимъ рази-

шельнымъ краснорѣчіемъ порицаешъ Иисусъ *Фарисеевъ* и *Книжниковъ* за то, что прилѣпясь къ однѣмъ *наружностямяи* и *мертвыи* формамъ, они не шерпѣли *живительнаго свѣта* и *погашали духъ*.— Но едва ли не всѣ увѣщанія напрасны: внѣшній блескъ беретъ повсюду верхъ надъ внутреннимъ достоинствомъ. Не дай, о Боже! намъ, любезные слушатели, быть въ числѣ обожателей *наружностей*. Нѣтъ! будемъ прилежно повторять другъ другу: *духа не угашайте*, но *извѣдывая все опытомъ, добрая держите*.

(Продолженіе впереди.)

СМѢСЬ.

Рускій Театръ.

Школа мужей, Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ въ стихахъ, переведенная изъ театра Мольера С. Т. Аксаковымъ. Представлена въ первый разъ на большомъ театрѣ 13 Маія.

Мольеръ, отецъ Французской Комедіи, хохлѣлъ посмѣяться надъ спранными пѣхъ чудаковъ, которые думаютъ удержашъ порывы пылкой юности, наблюдая за молодыми людьми глазами Аргуса. Для сего написалъ онъ L'Ecole des maris, гдѣ вывелъ на сцену двухъ братьевъ Сганареля и Ариста: одного, подобнаго шѣмъ чудакамъ; другаго, для противуположности, съ здравымъ смысломъ людей разсудительныхъ. Нѣкто, общій пріятель ихъ, умирая, ошдалъ имъ на воспитаніе двухъ дочерей своихъ, Изабеллу и Леонору, съ шѣмъ, чшобы послѣ они или сами взяли ихъ за себя въ замужство или постарались найши имъ доспойныхъ жениховъ. Изабелла доспалась подъ опеку Сганареля и съ шѣхъ поръ, какъ начала себя чувствовать, не рада была жизни: безпрешанно или на глазахъ у

опекуну или за замкомъ; каждый шагъ ея замѣченъ, каждое слово пересужено. Такая жизнь несносна хоть кому, а ей предстояла еще несноснѣйшая, потому что Сганарель готовился уже быть ея мужемъ. Прекрасная Изабелла, при всей бдительности своего Аргуса, видала прекраснаго Валеріа и вскорѣ любовь внушила ей отважность, которая при достапчномъ запасѣ хитрости во всякой женщинѣ, творитъ чудеса. Не могли дождаться, пока Валерій, котораго чувствва узнала она по взглядамъ, откроетъ ей страсть свою и найдетъ средство ее спасти, она сама рѣшается сдѣлать къ нему первый шагъ и употребляетъ на то самаго опекуна своего. Подъ видомъ привязанности къ нему и суровости къ Валерію, она чрезъ самаго Сганареля открываетъ склонность свою молодому человѣку, пересылаетъ къ нему записку, наконецъ идетъ къ нему даже сама, и своими хитростями, оставляя опекуна въ помѣ заблужденіи, что не она, а сестра ея Леонора сдѣлала сей непростительный просупокъ, доводитъ его до того, что онъ подписываетъ свадебный договоръ и поздно уже узнаетъ свою ошибку. Между тѣмъ Аристъ безъ всякаго спрогаго присмотра за своей воспитанницей, Леонорой, сохранилъ ея къ себѣ привязанность и находитъ въ ней преданную и почтительную жену.

Сія Мольерова Комедія переведена Г. Аксаковымъ безо всякихъ перемѣнъ, кромѣ только названій дѣйствующихъ лицъ. Сгарнель въ переводѣ *Странномыслѣ*, Ариштъ—*Здравомыслѣ*, Изabella—*Анюта*, Леонора—*Маша* и пр. Но не худо бы кажецца было съ сею перемѣною именъ передѣлать нѣсколько и всю Комедію, принаровя ея къ нашимъ обычаямъ, какъ нынѣ очень удачно дѣлають многіе переводчики; а по выходятъ нѣкоторыя несообразности, вредящія театральному эффекту. Слогъ перевода мѣстами хорошъ и силенъ, но вообще въ немъ не достаешь легкости разговорнаго слога и весьма замѣтно, что онъ сдѣланъ былъ еще прежде, нежели Г. Кокошкинъ подарилъ намъ образцовымъ переводомъ *Мизантропа*, который преобразовалъ слогъ нашихъ Комедій *). Вотъ на примѣръ недавно въ *Вѣстникѣ Европы* (1819. No 3.) помѣщенъ былъ

---

*) Спранно, что Озеровъ не находить себѣ достойныхъ подражателей. Ему безъ сомнѣнія должно опадать шакою же честью, какъ и Г. Кокошкину, т. е. что онъ писалъ свои Трагедіи самымъ приличнымъ слогомъ; но многіе изъ послѣдователей его возвращающся опять ко временамъ Сумарокова: пишутъ какимъ-то надупымъ, полуславянскимъ языкомъ, спраннымъ на сценѣ и нерѣдко даже непонятнымъ въ чпешніи. *Прим. Сот.*

отпрыжокъ изъ той же Комедіи, L'École des Paris, другаго переводчика, и видно, что слогъ его гораздо вольнѣе и легче, нежели въ переводѣ Г. Аксакова, хотя кажется и уступаетъ сему послѣднему въ силѣ и полнотѣ описаній. Впрочемъ не имѣя рукописи представленной Комедіи мы не можемъ судить о томъ подробнѣе и основательнѣе; довольно, если читатели, не видавшіе представленія *Школы мужей* узнають, что переводъ сей пьесы не изъ числа дюжинныхъ и что, какъ сказано выше, многія мѣста онаго заслуживаютъ особое одобреніе.

Скажемъ съ удовольствіемъ, что игра Акшеровъ возвысила достоинство сего перевода и пьеса принята была Публикою съ большимъ одобреніемъ. Въ особенності Г. Бобровъ, почтенный вечеранъ Рускаго Театра, имѣлъ новый случай показать силу своего прекраснаго таланта. Онъ игралъ *Странномысла* и при всѣхъ странностяхъ, даже — смѣемъ сказать — при всѣхъ неестественныхъ положеніяхъ своей роли (признаемся, что въ наше время спарикки гораздо смѣшливѣе на счетъ лукавства своихъ красавиць) умѣлъ характеръ Мольерова чудака примѣнить къ нынѣшнему времени и шакъ хорошо, что невольно заставилъ вспомнить объ оригиналахъ сего рода въ нашемъ общественномъ кругу. Послѣдняя сцена, гдѣ

Странномысль въ безмолвномъ удивленіи и досадѣ узнаешь въ какія попался сѣши, опмѣнно удачно была сыграна Г. Бобровымъ.

Жаль, что опъ него должно намъ перейти къ Г. Борецкому, копорый игралъ *Здравомысла*, шесшидесятилѣтняго старика. Есть люди, въ характерѣ копорыхъ весьма ошибешься, если узнаешь его только съ одной стороны и шѣмъ болѣе, когда это лучшая. Послѣ того какъ Г. Борецкій принялъ на здѣшній театръ, можно было увѣриться, что есть и Актеры, копорыхъ достоинства никакъ не узнаешь по одной только роли, удачно ими представляемой. Г. Борецкій въ *Эдлѣ* невольно заснавляеть принимать участіе въ судьбѣ сего престарѣлаго изгнанника, если не правильною и почною игрою, то по крайней мѣрѣ сильнымъ чувствомъ. Напрошивъ того въ роль старца, спокойнаго духомъ, крошкаго нравомъ, умѣреннаго въ движеніяхъ сердца, похожъ онъ былъ на часовой маятникъ, копорый двигается машинально и производишь моношонные звуки. Гдѣ искать причины сему различію? По нашему мнѣнію она соспойшь въ томъ, что Г. Борецкій слишкомъ еще молодъ и недовольно опытенъ для шѣхъ ролей, копорыя избралъ для упражненія своего таланта. Пѣнясь вѣроятно прекрасными стихами Озерова, оду-

шевьясь глубокими чувствами несчастнаго Эдипа, онъ захопѣлъ испытать себя и передавая зрителямъ все, чѣмъ самъ проникнутъ былъ въ своей роли, представилъ ее съ доспапочною вѣрностію. Но шамъ, гдѣ не находишь онъ порывовъ сшрасши, разительныхъ и въ самомъ сшарцѣ, гдѣ встрѣчаются ему только слова, повидимому неспособныя дѣйствовать на душу ни живостію своею, ни силою — шамъ онъ не знаетъ какимъ образомъ одушевишь игру свою, чѣмъ обратишь на себя вниманіе; шамъ роля и для него собственно шановишься непривлекательною, и онъ, подобно прочимъ Акшерамъ въ такомъ же шочно случаѣ, играетъ ее, какъ говоришься, *спустя рукава*, думая, что теперь другимъ очередь опличаться (повѣрьше, что эта мысль нерѣдко приходилъ въ голову нашимъ Акшерамъ: опъ шого - шо, можетъ быть, у насъ и примѣненъ недостатокъ въ цѣломъ). Еслибъ Г. Борецкій сдѣлавъ первый и пришомъ весьма удачный опытъ, принялъ его только за удостошвреніе въ своей способности къ шапшральному искусству, за удостошвреніе въ своихъ чувствахъ, съ которыми достигаютъ совершенства; а не съ шюю мыслию, что представляя одного, онъ можетъ представлять и всѣхъ спариковъ: шо съ неопшземлемымъ своимъ даромъ конечно могъ

бы со временемъ устроить надлежащимъ образомъ игру свою и приблизить ее къ природѣ. Но молодому человѣку преобразовать себя совершенно въ старика, постигать самому и передавать другимъ чувства, свойственныя ему послѣднему—очень трудно и едва ли даже возможно. — Слѣдующія три положенія, кажется, могутъ быть приняты за аксіомы въ театральномъ искусствѣ: 1) что Актеръ не можетъ играть роли (разумѣется играть хорошо), въ которой раскрывающіяся чувства, несообразныя съ чувствами его возраста; 2) что Актеръ не можетъ играть съ совершенствомъ роли, въ которой не находитъ собственно для себя ничего занимательнаго и привлекательнаго; 3) что страсти сближаютъ чувства старца и юноши, но въ равнодушномъ положеніи мать и другой чувствуютъ совершенно различно; почему молодой человѣкъ весьма ошибется, если принимая живѣйшее участіе въ положеніи перзаемаго страстию старца, почтѣтъ себя способнымъ объятъ все бытіе его.

Изъ всего этого должно заключить, что молодымъ людямъ не надобно браться за такія роли, которыя вѣрно передастъ зрителямъ можетъ одна только опытность. Если Г. Борецкій не чувствуетъ себя способнымъ къ первымъ героическимъ ролямъ

по пусть испытаешь себя въ Драммѣ. Артистъ послѣ перваго опыта, никогда не останавливается на томъ пунктѣ, къ которому проложилъ себя онымъ; онъ дѣлаетъ еще многіе другіе опыты, и тогда уже видя, въ какомъ родѣ были оныя удачѣ, избираетъ его и старается въ немъ себя усовершенствовать. Напримѣръ Руской Актрисы Г. Жебелевъ предшавлялъ прежде Полиника, и едва ли еще не дебютировалъ въ сей роль, а теперь онъ играетъ въ каррикатурномъ родѣ, и всѣ отдають справедливостъ его комическому таланту *). Въ Германіи на театрахъ есть похвальное обы-

---

*) А Гжа Валберхова большая?—Прежде она играла довольно посредственно первыя роли въ Трагедіяхъ; а нынѣ, ко всеобщему удовольствію, занимаетъ первыя благородныя роли въ лучшихъ нашихъ Комедіяхъ, и утвердительно можно сказать, что въ сихъ послѣднихъ роляхъ не было еще у насъ такой превосходной Актрисы, какова Гжа Валберхова.

Tous n'ont pas obtenu tous les dons en partage;
Mais chacun a le sien: qui le connaît est sage.

Pope.—Essai sur la Critique.

Точно такъ: всякой изъ насъ имѣетъ какой нибудь истинной талантъ, но не всякой самъ можетъ узнать его. Вошь почему должно не довѣрять самому себѣ, испытывать себя напередъ надъ шѣмъ и надъ другимъ, и наконецъ, съ одобренія знающихъ и безпристрастныхъ людей, избирать постоянное для своего таланта упражненіе. *Прим. Изд. Благ.*

кновеніе, что молодые актеры приучаются играть во всѣхъ родахъ *). Это и пошому хорошо, что играя послѣ роли, соотвѣтственныя ихъ палантамъ, они болѣе понимающъ въ какомъ отношеніи находящся къ нимъ другія лица, которыхъ положенія уже ими испытаны.

Не говоримъ уже о наружныхъ несообразностяхъ: молодой человекъ какъ ни спарайся всѣми театральными снадобьями преобразовать себя въ старика; но лице и голосъ всегда ему измѣняшъ. Напримѣръ въ *Школѣ мужей*, кто бы могъ повѣрить прежде, нежели было сказано, что *Здравомыслѣ* спарѣ *Странномысла* 20 годами? Если же Актеръ во все представленіе спанешъ принимашъ на себя видъ дряхлости, перемѣня лице, голосъ, походку и положеніе корпуса, это сдѣлаешъ игру его чрезвычайно принужденною. Разумѣешся, что мудрено быть и

---

*) Это похвальное обыкновеніе превращается однако въ дурное, когда и опытные актеры берутъ на себя роли, совершенно имъ несвойственныя, что вредитъ наспоющему ихъ паланшу. Повѣряшъ ли у насъ, что на Вѣнскомъ Императорскомъ театрѣ *Валленштейна* въ Шиллеровой Трагедіи и *Фанъ деръ Гуссена* въ Комедіи Коцебу играетъ одинъ и тошъ же Актеръ?— И это совсемъ не ошъ недосшапка въ актерахъ. *Прим. Сог.*

Актеру въ бо лѣпъ *); но чѣмъ роля приличнѣе его возрасту, тѣмъ игра его натуральнѣе.

Можно также посовѣтовать Г. Борцову, что бы онъ старался избѣгать монотоніи, весьма замѣтной въ его голосѣ **). Онъ читая стихи какъ будто разбираетъ равной ли они мѣры: до цезуры скажетъ стихъ возвышеннымъ голосомъ ***), а тамъ понизитъ его и послѣднія слова часто совершенно скрадываетъ.

*) Однако же покойный Яковъ Емельяновичъ Шустеринъ слишкомъ въ бо лѣпъ игралъ Эдипа. Почтенный Неспоръ нашего театра Иванъ Аванасьевичъ Дмитревскій, будучи также слишкомъ бо лѣпъ, превосходно игралъ въ Трагедіяхъ, Драмахъ и Комедіяхъ роли пожилыхъ и старыхъ людей. Прим. Изд. Благ.

***) *Jucundum nihil est, nisi quod reficit varietas. Publii Syri sententiae.*

***) Аббашъ Оберъ, одинъ изъ лучшихъ Французскихъ Баснописцевъ, въ классическомъ своемъ сочиненіи: *Discours sur la manière de lire les Fables* говоритъ: Rien ne défigure tant un morceau de Poësie, quelqu'il soit, que de le réciter en appuyant lourdement sur chaque syllabe, en coupant régulièrement en deux les vers Alexandrins, & en s'appesantissant sur les rimes: mais cette grossière déclamation offense surtout l'oreille d'un homme de goût, quand il s'agit de Fables. (Ничто такъ не портитъ стихотворенія, какого бы оно рода ни было, когда при чтеніи оспанавливающся примѣшнымъ образомъ

Многіе, можетъ бышь, упрекнутъ насъ, что мы слишкомъ занялись здѣсь Г. Борецкимъ, котораго игра въ этотъ разъ несравненно менѣе прочихъ заслуживала вниманіе. Но находя въ немъ истинныя способности, мы отъ чистаго сердца желаемъ ему успѣховъ и пошому предложили подробно свои замѣчанія.

Теперь оспзается полько сказать объ *Анютѣ* и *Валеріи*, пошому что прочія лица (*Маша*, *Лизета**), *Проворѣ* и проч.) по маловажности своей не споятъ бышь упомянушы. Г. и Гжа Сосницкіе давно уже заслужили одобреніе Публики и въ этотъ разъ, первый въ роль *Валерія*, а послѣдняя въ роль

на каждой спопѣ, а еще болѣе того при цезурѣ въ шестиспопныхъ спихахъ и шакже на римахъ: но при чтеніи Васень сія грубая декламація спановишся еще несноснѣе.) То же самое, что сказалъ Аббапъ, Оберъ о *Баснѣ*, должно сказать и о *Комедіи*. Несмотря на разность формы сіи два рода спихопворенія имѣють между собою величайшее сходство. Сущность ихъ соспавляютъ *характеры* и *разговорѣ* — не возвышенный, а обыкновенный, какой мы повседневно слышимъ.—Une ample Comédie à cent actes divers. Вотъ какое опредѣленіе *Басни* дѣлаешь Лафоншенъ. Шамфоръ въ похвальномъ своемъ словѣ сему несравненному Баснописцу находишь во многомъ удивительное сходство между имъ и Мольеромъ. *Прим. Изд. Бл.*

*) По Руски не *Лизета*, а *Лиза*. *Пр. Изд.*

Анюты, принесли большое удовольствіе зрителямъ. Но желалось бы намъ, чѣмъ Гжа Сосницкая представляла въ *Анютѣ* болѣе вынужденную отважность скромной дѣвушки, нежели непростишительную шалость лукавой вѣтренницы. Во все представленіе замѣтно было какое-то не совсемъ скромное положеніе въ ея лицѣ и станѣ—конечно привлекательное для многихъ, но похожее на кокетство.

По окончаніи Комедіи, Г. Бобровъ былъ вызванъ, какъ Актеръ, истинно угодившій зрителямъ вѣрною и обдуманною игрою *Странномысла*; Гжа Сосницкая была вызвана, какъ всегдашняя любимица Публики.

Въ заключеніе спектакля дана была много уже разъ представленная Опера - Водевиль: *Удача отъ неудачи, или приключеніе въ Жидовской кортль*. Не излишнимъ считаемъ сказать здѣсь, что эта піеса переведена на Нѣмецкій языкъ (*Das Abenteuer in der Judenschenke oder Gewinn durch Verlust*) и въ первый разъ, 22 ч. минувшаго Апрѣля, въ бенефисъ Г. Линденштейну разыграна очень удачно на *маломъ театрѣ*. Жаль, что наша Публика такъ мало обращаетъ вниманіе на Нѣмецкую труппу. Говоряшь, будшо она не хороша *); но можетъ ли попра-

---

*) А Линденштейнъ, Анжела? Прим. Изд.

виписья знапокамъ и самая лучшая труппа, когда осуждена будетъ играть почти единственно для ремесленниковъ, копорые ищутъ въ театрѣ только развлеченія и хопяшъ, что бы ихъ смѣшили. Въ такомъ случаѣ и самое лучшее представленіе по неволѣ прикрашивается *фарсами*.

15 Маія.

Вл.

~~~~~

Благотворенія.

Письмо къ Издателю.

Въ 41 книжкѣ Журнала: *Сынъ Отечества* на 1817 годъ, помѣщено письмо Г. Н. о несчастномъ положеніи опсшавнаго *Коллежскаго Регистратора Убыткова*. На сихъ дняхъ я имѣлъ случай увѣриться въ шомъ лично. Не буду объяснять вамъ подробно крайняго положенія *Убыткова*; а скажу только, что онъ спрадая съ 1812 года онѣмѣниемъ лѣвой руки и ноги, лѣчился въ Императорской Санкшпешербургской больницѣ для бѣдныхъ и, какъ видно сіе изъ даннаго ему свидѣтельства, выпущень опшуда пошому, что болѣзнь его найдена неизцѣлимою. Съ самаго начала несчастія сего, по которому

онъ долженъ былъ оставить службу — единственное средство къ содержанию — жена его, сама больная, доставала себѣ и ему, пакъ сказать, чершвыи хлѣбъ прудами; но теперь, съ истощеніемъ и ея послѣднихъ силъ, остаеися имъ одна надежда на помощь добрыхъ людей. Убѣдительно прошу васъ, М. Г. извѣстить объ ономъ чинашелей *Благонамѣреннаго*. Вѣроятно многіе помогутъ несчастнымъ чѣмъ нибудь, а можете бышь, найдутся благошворительные люди, кои въ состояніи обеспечить ихъ и на весь, небольшой уже, остатокъ жизни. *Понеже сотвористе единому сихъ братіи моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе.*

Честъ имѣю бышь и проч.

24 Мая 1819.

П. Р.

Р. С. Убышковъ живешъ Рожешвенской часши 2 кваршала въ домѣ дочери Коллежскаго Ассесора дѣвицы Мыльниковой подъ № 287.

(30 Маія.)

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ІЮНЬ. 1819. N° XI.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

АМИНТЬ и ХЛОЯ.

Идиллія.

Блескъ утренней зари зашилъ края во-
стока;

Уже вершины снѣжныхъ горъ

Огнями яркими сіяли издалёка;

Ужь ранній говоръ пшницъ будиль дремав-
шій боръ,

И свѣжимъ вѣшеркомъ съ долины повѣвало:

Все пробуждалось, оживало —

Чась шоржества природы наступаль. —

Аминшь собралъ овецъ и въ поле ихъ по-
гналь.

Тамъ встрѣшилъ онъ Паспушку Хлою,
Которую любилъ, которой былъ любимъ.

Какая радость имъ
Увидѣться однимъ!

Аминтъ.

Привѣстствую тебя съ румяною зарёю!
Куда ходила ты?

Х л о я.

За ландышами въ лѣсъ:
Сегодня мапушкѣ, по благости небесъ,
Минуль уже пятидесятой;
Я жершвою, Аминтъ, хочу почтить боговъ;
Но если негдѣ взять богатой —
Съ мольбой усердною имъ принесу цвѣтовъ.

Аминтъ.

А я, для праздника шакова,
Придамъ къ твоимъ цвѣтамъ барашка мо-
лодова.

Вотъ онъ; взгляни какъ бѣлъ!
Я промѣняю его Тимешасу хошѣль
На кружку, иль свирѣль; но этому не
сбыться:

Пуская онъ завидны, хороши —
Съ чѣмъ, съ чѣмъ, скажи, сравнился
Отрада сладкая души
Съ шобой за добрую Ликориду молишься?

Х л о л.

Благодарить себя не досажаетъ мнѣ словъ!
 Прекрасенъ ты глазамъ моимъ въ шептъ
казался,
 Когда въ вѣнкѣ изъ розъ, при плескѣ па-
спуховъ,
 Славнѣйшихъ побѣдивъ пѣвцовъ,
 Къ намъ съ дальнихъ береговъ Пеня возвра-
щался;
 Но во сто разъ еще прекраснѣе теперь:
 Ахъ! ты за мать мою молишься общался!

Аминтѣ.

А я? . . . о милый другъ, повѣрь,
 Ни очи голубыя,
 Ни кудри золотыя,
 Ни вся твоя дѣвичья красота,
 О чемъ заранѣ мнѣ въ пѣсняхъ зашвердили,
Аминта гордаго плѣнили;
 Но тихій, крошкѣй нравъ, стыдливость,
доброта
 И это нѣжное о матери раченъе.
 Съ шѣхъ цоръ, какъ прошлою зимой
 У Мирры съ хижиной сгорѣло все имѣнъе,
 И ты украдкою ошь Сильвіи самой,
 Несчастной принесла тогдажь на вспомо-
женъе
 Свой лучшій праздничный парядъ:
 Повязку, леншами проложенную въ рядъ —

Съ шѣхъ поръ я полюбилъ тебя всемъ серд-
цемъ, Хлоя!

Спарался нравишься — понравился тебѣ,
И жизнь и Божій свѣшъ милѣ стали вдвое!
Лязяль не завидовашъ Аминшовой судьбѣ?

Х л о я.

О какъ я счастлива! какъ я теперь богата!

Аминтѣ.

Люблю я ожидашь въ поляхъ весны воз-
враша,
Вспрѣчашъ съ холма зарю на шверди го-
лубой,
Иль слушаешъ соловья при тишинѣ ночной;
Но ахъ! встрѣчашъ тебя, но слышаешъ го-
лосъ швой —

Слова, исполненные чувшва,
Пріяшнѣй, сладоспнѣй всего!

И какъ ни веселишъ меня успѣхъ искусства,
Но сердцу радость та, предъ эшой—ничего!

Х л о я.

Я прежде въ шомъ одномъ все счастье по-
лагала,

Чшобъ машущка меня любила и ласкала;

Но ахъ! когда тебя узнала,

Когда увѣрилась, что я тебѣ мила —

Душа моя какъ будшо разцѣла!

Иначе стало сердце биться:

Вездѣ искашь шебя, всегда къ шебѣ спре-
мишься!

И даже — для чего шаишься? —

Хошь ласки мапушки все драгоценны мнѣ—

Твои пріятели! — онѣ

Но, можешь бышь, и самъ ты это примѣ-
чаешь:

Я вся какъ не своя, когда меня ласкаешь!

Аминтѣ.

О Хлоя! скороль мнѣ супругой будешь ты?...

Пещера брачная готова;

Такой навѣрно нѣшь ни у кого другога:

При входѣ насланъ дернъ, разсажены
цвѣты,

Межь ними жершвенникъ поставленъ Ги-
менею;

Внутриже убрана — что лучшаго имѣю

Свирѣли дивныя, рѣзныя кружки шамъ

И хиприя иныхъ сосудовъ изваянья —

Награда лесная шрудовъ и дарованья —

Размѣщены искусно по стѣнамъ;

Поль кожами покрытъ О Хлоя дорогая!

Не достаешь одной шебя!

Ахъ! скороль, скороль я,

Тебя моею называя

Туть Хлоя рѣчь его посѣшно прервала,

И взоръ спыдливо опуская,

Сказала, какъ тогда умѣла и могла,

Что солнце ужъ взошло, все выше стано-
вишся;
Что имъ пора идши молишся.

В. Панаевъ.

~~~~~

НОЧЬ.

Романсб.

Ночь, опдыхъ сладоспный сердцамъ, по-
ской сраженнымъ,
Подруга вѣрная любви и пишины!
Съ тобой спокойшвіе нисходишь къ угнѣ-
теннымъ:
Не солнце ихъ живишь — но тихій свѣтъ
луны!

*

Съ тобою льстивыя мечшанья къ намъ сле-
шають,
Какъ легки призраки вокругъ насъ они па-
рять,
И тѣмъ за горести дневныя награждають,
Что на мгновеніе—блаженство намъ даряють.

*

И я въ тѣни швоей блаженствомъ наслаж-
дался,

Во снѣ и наяву побою счастливъ былъ:
 Во снѣ—я образомъ прелестной восхищался;
 Не спаль—и съ милою восторги я дѣлилъ.

*

Когда настанетъ вновь, о ночь! швое те-
 ченье,
 Я къ милой поспѣшу утѣхи съ ней вку-
 шать;
 Но лучше пусть усну—усну безъ пробуж-
 денья,
 Коль суждено ея невѣрность мнѣ узнать!

Орестъ Соловѣ.

~~~~~

НАДГРОБІЕ

Н. М. Алехину.

Надеждой бывъ родителей безцѣнныхъ
 И утѣшеніемъ друзей,
 Сей юноша средь дней весеннихъ
 Юдоль оставилъ жизни сей.
 Чувствительный! пролей здѣсь слѣзы
 Душъ добрыхъ горестъ раздѣли!
 Какъ терніе, и благовонны розы,
 Увы! не вѣчны на земли!

Казань.

Д. Самсоновѣ.

~~~~~

ЛЕГКАЯ СМЕРТЬ.

Вчера мнѣ Лиза измѣнила!
 Ну могъ ли полько ожидашь?
 Невѣрная!..Мнѣ жизнь посшала!
 Умру!....Какуюжь смерпъ избрашь?
 Всю ночь объ эпомъ размышляю,
 А все рѣшишься не могу!
 То къ сердцу шнагу приставаляю,
 То въ воду кинуться бѣгу,
 То думаю ужъ заспрѣлишься,
 Зажечь костерь и съ нимъ сгорѣшь,
 Зарѣзаться иль удавиться...
 Но такъ все страшно умереть!....
 Скорѣй Шампанскаго! опиться
 Опъ горя люшаго хочу,
 Чшобъ легче съ жизнию просшиться,
 И пьянымъ въ шаршаръ полечу;
 Боговъ, богинь всѣхъ разругаю
 За то, что много здѣсь кушашъ.—
 Друзья! простише!...начинаю...
 Въ бокалѣ звѣзды ужъ кипящъ.
 Прошу о помъ лишъ: не шужише,
 Не проливайше слезъ о мнѣ;
 Но лучше горестъ ушопише
 Вы въ пуншѣ, водкѣ иль винѣ.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ ПРІЯТЕЛЮ А. Я. Т.

(по слухаю доставшагося елцу въ на-
слѣдство водотнаго завода.)

Я друга поздравляю
И ошъ души желаю
Счастливей нынѣ жить,
Ни ахатъ, ни грустить;
Чтобъ всѣ его любили,
Съ нимъ счастье дѣлили;
Чтобъ весель былъ всегда,
Не зналъ, что есть бѣда;
Чтобъ домъ, какъ полная чаша.....
Ура! ужъ водка наша —
Чегожь не доспаетъ?
Пускай намъ другъ нальетъ
Заздравны красоули —
Увидишь онъ, вздохну ли,
Поморщусь ли съ вина —
Нѣтъ, выпью все до дна;
По пуговицамъ гряну —
Пускай чрезъ силу всшану,
Пусть лыка не вяжу;
Но другу я скажу:
Люблю тебя душою
И радъ бы былъ съ тобою
Весь вѣкъ свой вмѣстѣ жить:
Ужъ шо-шобъ спали пить!

Н. К.

НОВЫЙ НАРЦИССЪ.

(Подражаніе Ваде.)

Нарцисса видите во мнѣ:
 Горю къ себѣ любовью страстной!
 Но шолько не въ водѣ—въ винѣ
 Меня плѣняешъ видѣ прекрасной.
 Какая живость, огонь и цвѣшъ
 Въ семь миломъ образѣ...я шаю!
 Любовь меня сиднѣе жжешъ....
 Невольно—образъ свой глошаю.

О. Соловб.

ЭПИГРАММЫ.

1.

„Измѣнница! и шакъ меня ты промѣняла!
 И на кого?..“—На Генерала. —
 „Шарикъ!“—За шо богашъ.—„Прощай же!“—
 Доброй пушь.—
 „Ужь не приду къ шебѣ!“ — Хопъ вѣкъ не
 приходите.....
 Но чтожь нейдете вы, чего еще хопише?—
 „Да на дорогу-шо дай выпишь что нибудь.“

2.

„Что такъ шы пасмурень?“ — Не спраши-
 вай...жена!...

Ужель ты не слыхалъ?—,Скончалась чтоль
она?“

—Да лучшебъ умерла: погдабъ не осрамила!—

„Что слышу? измѣнила?“

- Нѣтъ, брашець, драмму сочинила!—

И.

ШАРАДЫ.

1.

На *перволиб* не увесшь Вралева сочиненій!

Второе—Демонъ, Геній;

А *все* вещь нужная для насъ и для расше-
ной.

Никостб.

2.

Въ правахъ общесшвенныхъ встрѣчаешъ
кто сомнѣнье,

Топъ въ *перволиб* завсегда рѣшеніе най-
дешъ;

Втораяжъ для всего гошовишь возраженъе;

А въ *цѣлолиб* человекъ среди воды живешъ.

М. С — сб.

(Изъ помѣщенныхъ въ N^o X Шарадъ первая
значишь: *Пол-тина*, а вторая *А-ракб.*)

~~~~~  
 П Р О З А .
 ~~~~~

БЕЗРАЗСУДНОЕ ПРИЗНАНИЕ.

Нравоучительная Повесть *).

Tout aveu, qui ne peut que troubler la paix de celui à qui nous le faisons, et la nôtre, sans produire un bien plus grand que le mal, est barbare et criminel. V.

Цѣлыя осмнадцать лѣтъ Доранпъ и Селимена вкушали полное удовольствіе въ сладкомъ союзѣ супружества. Съ каждымъ днемъ, казалось, получали они новую привязанность другъ къ другу, а восхищаніе проихъ дѣшей, копорыми Небо ихъ одарило, доставляло имъ самое пріятнѣйшее занятіе. Но на свѣшѣ все измѣняется, особливо счастье. Счастливая Селимена сдѣлалась вдругъ опасно больна, и полагая близко кончину свою, пригласила къ себѣ Отца

---

*) Переводчикъ усерднѣйше посвящаетъ свой трудъ *Славѣ Яковлевнѣ Раппопортъ въ Поповкѣ.*

Ансельма, мудраго и просвѣщеннаго духовника своего, которому она, съ самаго младенчества, повѣряла сокровеннѣйшія мысли свои и тайны своего сердца. Со слезами на глазахъ попросила она его сѣсть подлѣ себя и начала ему говорить слѣдующимъ образомъ: „повѣрите ли вы, святой отецъ, что видимое вами благополучіе, которымъ такъ давно я наслаждаюсь, есть только наружное и прихворное, и что ужаснѣйшія угрызения совѣсти снѣдають, такъ сказать, все мое бытіе? Вы удивляешься, но я говорю вамъ правду. Всѣ знаюшь, что супругъ мой меня обожаешь; я сама истинно люблю его; но ахъ! одна минута погубила меня навѣки и сдѣлала ужаснѣйшею преступницею. Опъ меня принялъ онъ въ свои объятія младенца, который чуждъ ему. Не могу долѣе перенѣсть, что бы незаконнорожденный раздѣлялъ отеческія его ласки съ законными дѣтьми; не хочу допустить, что бы свидѣтель моего преступления лишилъ обоихъ сыновъ моего супруга той части имѣнія, которая имъ принадлежитъ. Давно уже хотѣла я обнаружить

мое преступленіе; но материнская нѣжность, боязнь развода оспановляли тысячу разъ признаніе на ушахъ моихъ. Теперь готовясь ежеминутно предстать предъ Верховнаго Судію, рѣшилась я непременно опкрыть какъ вамъ, свяшый отецъ, такъ и мужу моему, гнусное мое преступленіе, въ надеждѣ, что бы искреннимъ моимъ раскаяніемъ уменьшишь сколько нибудь великость грѣха моего.

Благочестивый Отецъ Ансельмъ, которому изумленіе и ужась препяшшвовали прервать рѣчь Селимены, сказалъ ей наконецъ: „дочь моя! дѣйствительно великъ и ужасенъ швой просшупокъ; однако я надѣюсь, что истинное раскаяніе швое умилосшвишишь великаго Судію. Присоединю мольбы мои къ швоимъ и не сомнѣваюсь, что Богъ милосердія не пребудешь неумолимъ; Онъ справедливъ, и по справедливости Своей имѣешь снисхожденіе къ слабосшямъ человѣческимъ; Онъ благъ, и по благосши Своей прощаешь людямъ грѣхи, когда они, подобно тебѣ, изъявляютъ истинное раскаяніе. Но не могу никакъ одоб-

ришь намѣренія швоего отккрышь прешупленіе свое супругу. Скажи мнѣ, какіе плоды надѣешься ты получишь отъ сего пагубнаго признанія? Тебѣ извѣстно, что всѣ дѣши, рожденныя во время брака, признаюшся законными; слѣдовательно признаніемъ своимъ ты ничего другаго не сдѣлаешь, какъ только посѣешь ненависть и вражду между своимъ супругомъ и дѣтьми. Онъ не знаетъ причиненнаго ему шобою оскорбленія; и шакъ оставъ его въ сей неизвѣстности, не пробуждай его отъ счастливаго сна заблужденія и не разрушай блаженства его. Признаніемъ своимъ принудишь ты его презирашь себя. Замѣшила ли ты, что онъ сего несчастнаго ребенка менѣе прочихъ любишь?“— Ахъ! нѣшь; онъ любишь всѣхъ равно, онъ самый нѣжный отецъ!— „За чѣмъ же ты хочешь лишишь его имени отца? Удовольсшвейся, повтораю тебѣ, умоляшь о прощеніи своемъ Отца Небеснаго, и повѣрь мнѣ, что со спокойствіемъ швоего супруга сопряжено собственное швое спокойствіе и благо дѣшей швоихъ.“—Такъ говорилъ благоразумный ду-

ховникъ; но все было щепотно: онъ не могъ опвратить сїю несчастную женщину отъ поспунка, котораго она считала необходимымъ для спасенія души своей. — Духовникъ видя ея непреклонность и упрямство, удалился оплакивая ея заблужденіе и несчастіе, въ которое она сама себя хопѣла ввергнушь. Таковы-шо бывающъ всегда плачевныя послѣдствія пороковъ: угрызенія совѣсти, причиняемыя ими въ минушу смерти, бывающъ иногда столь сильны, что помрачающъ разумъ и заводящъ его въ лабиринтъ пагубнаго воображенія.

Лишь только духовникъ вышелъ отъ Селимены, призвала она къ себѣ своего супруга, котораго во все время бесѣды ея съ Опцемъ Ансельмомъ оставался въ ближайшей комнатѣ между страхомъ и надеждою. „Другъ мой! — сказала она ему—я должна оставишь тебя; чувствую, что праведный Богъ разлучая меня съ любезнымъ супругомъ, призываетъ къ Себѣ; но прежде, нежели оставлю свѣтъ сей, хочу просишь тебя объ одной милости и надѣюсь, что ты мнѣ не откажешь.“—Могу ли въ чемъ нибудь отка-

зашь шебѣ, прервалъ Дораншь, ушопая въ слезахъ и цалуя ея руки. Ты моя вѣрная, любезнѣйшая супруга, половина самаго меня; ты одна соспавляла здѣсь все мое благополучіе. Живи, что бы видѣшь какъ буду исполняшь самамѣйшія твои желанія...—„Другъ мой! я довольно жила на свѣшѣ; спокойствіе мое зависить теперь единственно ошь прощенія вины моей, въ которой хочу тебѣ признашь.—Простишь ли ты меня?“—Говори, даю тебѣ священнѣйшее обѣщаніе.—„Небо дало мнѣ проихъ дѣшей, ты благословлялъ ихъ рожденіе и полагалъ себя ошцемъ ихъ; но одинъ...“ — Удержись, жестокая! — вскричалъ Дораншь, весь дрожа — удержись, не договаривай. Ради Бога не ошкрывай всей пагубной шайны; я всѣхъ ихъ равно люблю и даже по смерти швоей равно любить буду. Жестокая *)! мало того, что ты лишила меня чеспи, ты хочешь еще ошнять у меня одного изъ дѣшей моихъ! Прощаю тебѣ и постараюсь

---

*) Дура! Прил. Изд.

забышь свое преступленіе; прошу только заботиться о своемъ выздоровленіи.—

При сихъ словахъ Дорантъ съ сердцемъ, исполненнымъ опчаянія, оставилъ Селимену. Опамяшовавшись ошъ шоль ужаснаго и неожиданнаго удара, призывалъ онъ къ себѣ проихъ сыновей своихъ. Прекрасные собою, какъ ангелы, пришли они къ нему, держа другъ друга за руки. Счастливыи знакъ согласія и брашской любви! — „Дѣши мои! — сказалъ онъ имъ сквозь слезы — дѣши мои! я любилъ васъ всегда какъ отецъ. Любя васъ всѣхъ одинаково, думалъ я, что слѣдую влеченію природы, но къ несчастію я былъ въ заблужденіи. Одинъ изъ васъ не истинной сынъ мой.... Мать ваша призналась мнѣ въ своемъ преступленіи, умолчавъ однако о имени преступнаго своего сына. Но я хочу принудить ее открытъ мнѣ, кто именно изъ васъ естъ плодъ ея преступленія, что бы онъ не дѣлилъ ласки и имущества, принадлежащихъ однимъ истиннымъ дѣшамъ моимъ.“ — Родитель нашъ! — закричали дѣши въ одинъ голосъ — добрый родитель нашъ! прости мапуш-

ку! Не разлучай насъ, забудь вину ея и оспанься, какъ прежде, нашимъ добрымъ, нѣжнымъ опцемъ. Раздѣляй равно между всѣми нами свои ласки и имущество; ты сохранишь у себя сына, а мы брата. — „Нѣшь, добродѣтельные, дорогіе дѣши мои! нѣшь, не разлучу васъ: вы останешесь на всегда при мнѣ и будете ушѣщеніемъ моей старости.“ — Братья, услыша это, пали другъ къ другу въ объятія и зарыдали. Добрые дѣши! безцѣнныя слезы! Блаженъ, кто подобно вамъ, можешь проливать шаковыя слезы. Дораншь, пронашый симъ восхиштельнымъ зрѣлищемъ, прижималъ епокрапно каждого изъ нихъ къ своему біющемуся сердцу и самъ немогъ удержашься ошь слезъ.

Между шѣмъ попеченія Доранша и дѣшей, а особливо искусство врача, возвращили Селименъ здоровье. Когда она уже совершенно оправилась, то Дораншь сказалъ ей крошкимъ, но швердымъ голосомъ: „я обѣщаль просшить прешупленіе ваше — и прощаю; но, къ сожалѣнію, мы не можемъ болѣе жить вмѣстѣ. Намъ непременно должно разшашься и

навсегда. Бракъ нашъ разпоргнувъ бытъ не можешъ, и пошому не могу я оставишь васъ на собственнй вашъ произволь. Игуменя монастыря..... мнѣ родственница; при ней вы останешесь по смерть свою, которая вѣроятно не замедлишь избавишь васъ отъ угрызений совѣсти. Вы тамъ будете пользоваться сообществомъ добродѣтельныхъ, кроткихъ и чувствительныхъ особъ. Кромѣ свободы ни въ чемъ тамъ не будете имѣть недостатка. Живите спокойно, нежели я, и забудьте, что обожавшій васъ супругъ принужденъ былъ стыдиться своей нежностью. Я оставляю при себѣ дѣшей моихъ.... да всѣхъ моихъ дѣшей.... всѣ они шрое были до сего времени моими и останутся моими по смерть мою. Надѣюсь, что они утѣшатъ меня въ старости моей и замѣнятъ мнѣ то, что я потерялъ въ васъ. Безразсудное, пагубное и убійственное признаніе ваше лишило меня на вѣки душевнаго спокойствія и супружескаго счастья... Карета уже подъѣхала; поѣжайте, сударыня! прощайте, прощайте на вѣки!...

Селимена содрогнулась, услышавъ сей ужасный приговоръ. Она бросилась къ ногамъ своего супруга, плакала, умоляла; но Дораншъ былъ неумолимъ и несчастная оправила въ монастырь. Не долго Селимена жила тамъ: горесшъ и опчаяніе ускорили смерть ея. Дораншъ же, разлучившись съ нею, занимался единственно воспитаніемъ дѣшей своихъ и дожилъ до глубокой старости. Всѣ шрое, закрывая ему глаза, оплакивали его какъ нѣжнѣйшаго опца.

Бѣдная, несчастная Селимена! Если бы ты послушалась совѣша и увѣщаній мудраго Опца Ансельма, сколько бы горькихъ слезъ пролило не было!

Лубны 1819.

Сѣ Франц. Мезнерѣ

МАЛЬЗЕРБЪ *).

Не было челоувѣка, кошорый бы имѣя равныя съ Мальзербомъ достоинштва, могъ бышъ ограниченнѣе его въ своихъ

---

*) Графъ Буасси д' Англа (Boissy d' Anglas) издалъ недавно въ Парижѣ въ двухъ частяхъ *Опытѣ описанія жизни, твореній и*

шребованіяхъ. При первомъ взглядѣ на его коришневыѣ кафшанъ съ большими карманами и обпяжными золошыми пуговицами, на его кисейныя манжеты, запачканныѣ въ шабакѣ вѣрошникѣ рубашки, на его круглыѣ, худо причесанныѣ, криво надѣшныѣ парикѣ; при первомъ съ нимъ свиданіи, замѣшя его проспое, непринужденное, безъ всякихъ излишнихъ учшивосшей, обращеніе, но впрочемъ разговоръ, исполненный глубокомысля, оспроумія и невѣрояшной ученосши; при всемъ эшомъ, говорю, кшо бы могъ подумашъ, что эшо сынъ Канцлера Франціи, опраслъ знаменишой фамиліи Ламуаньонъ, что онъ занималъ первыя Государшвенныя мѣста, что онъ былъ Миниспромъ и Членомъ прехъ Академіи,

---

мнѣшній знаменитаго Мальзерба, опытъ, которыѣ онъ сначала опредѣлялъ не для публики, но единшвенно для насшавленія дѣшней своихъ. Радуемся, что онъ не лишилъ и публику удовольствія читашъ споль полезное сочиненіе, и надѣшмся угодишь читашелямъ, сдѣлавъ изъ онаго небольшія извлеченія.

что онъ одаренъ высочайшими качествами и способностями, какими только небо награждаетъ смертныхъ? И при всемъ томъ нельзя было проивустоять силѣ, съ какою онъ привлекалъ къ себѣ, нельзя было съ первой самой минутой опказать ему въ искреннѣйшей довѣренности.

Слѣдующій анекдотъ, который слышалъ я отъ него самого, даетъ весьма хорошо чувствоваться какое впечатлѣніе дѣлалъ онъ на другихъ. Однажды рано поутру ходилъ онъ по рынку и осматриваясь время отъ времени, разспрашивалъ со вниманіемъ Бопаника правы и цѣны, которые шамъ продавались. Въ это время у двухъ женщинъ зашелъ споръ о названіи и свойствахъ одного лекарственнаго расшѣнія, которое одна изъ нихъ продавала другой. „Ну! воть поди, спроси у господина, сказала продавщица, онъ пошчасъ рѣшитъ нашъ споръ.“ Мальзербъ подошелъ къ нимъ, назвалъ расшѣніе, объяснилъ его свойства и видя, что обѣ стороны оспались довольны, пошелъ весело прочь съ шѣми горделивыми мыслями, что извѣсш-

нось его просперлась и до рынка. Однако, чтобы не обмануться в своем мнѣнїи, ворошилъ онъ назадъ и спросилъ торговку, почему именно его избрала она посредникомъ въ этомъ дѣлѣ? „Вопъ хорошо! опвѣчала ша, какъ будто я и не догадалась, что вы аптекарь.“

Въ юности своей училъ онъ шанцовашъ у знаменишаго Марсея, шого самага, кошорый въ менуешѣ находилъ шакія великія вещи и кошорый брался узнать по походкѣ умспвенныя и нравспвенныя свойшва каждаго человекъ, хошя бы видѣлъ его шолько на гуляньѣ, или когда онъ входилъ въ комнашу. Будучи весьма недоволенъ ученикомъ своимъ, Мальзербомъ, попросилъ онъ однажды аудіенціи у ошца его и сказалъ ему: „Господинъ Президентъ! вы удоспоили меня своимъ довѣремъ и пошому я нахожу себя принужденнымъ объявить вамъ, что сынъ вашъ не шолько не будешъ хорошо шанцовашъ, но и неспособенъ ни къ спашской, ни къ военной службѣ; судя по его походкѣ, вы весьма благоразумно сдѣлаете, ежели посвяшите его духовному званію.“—Что

касается до военной службы — говаривалъ Мальзербъ, рассказывая сей анекдотъ—то онъ былъ совершенно правъ, ибо думаю, что я смрусь бы пушекъ. Можеть быть онъ былъ правъ и въ разсужденіи шпажской службы, но покрайней мѣрѣ всѣ знаютъ, что lettres de cachet (указы о заключеніи въ шюрму), кошорыя по же почти самое для шпажскихъ, что пушки для военныхъ, никогда меня не приводили въ шрепешь.

Льстецы шрона хотѣли убѣдить Государя, что для собственнй своей безопасности, долженъ онъ власшь свою сдѣлать неограниченною. Льстецы народа внушали ему, что для обезпеченія своей свободы, надобно уничтожить все, что ее стѣсняло. Заблужденіе съ обѣихъ сторонъ, но послѣднее изъ нихъ было самое гибельное. Мальзербъ избѣжалъ и шого и другаго; онъ никогда не былъ участникомъ шираниі, какого бы шю рода ни было. Онъ былъ врагъ Королевскаго, равно какъ и народнаго деспотизма. За шю, что онъ не хотѣлъ поддерживать перваго, былъ изгнанъ; за шю, что онъ возсталъ прошиву втораго,

быль умерщвленъ. Во всѣхъ обстоятель-
ствахъ жизни своей ошлся онъ неиз-
мѣннымъ своему характеру, своимъ пра-
виламъ, своимъ добродѣтелямъ и никог-
да не зналъ страха, какъ скоро дѣло
шло объ исполненіи должности. Когда
угнѣпаель былъ народъ, онъ защищаль
народъ; когда спали угнѣпашь Короля,
онъ защищаль Короля.

Сколь великія услуги оказалъ онъ
народу, доказываетъ превосходное пред-
ставленіе, кошорое онъ, будучи Прези-
денпомъ одного судилища (Cour des aides)
написаль прошивъ указовъ 1770 и 1771
года и кошорое Лагарпъ называетъ об-
разцемъ хорошаго вкуса въ семь испор-
ченномъ вѣкѣ. Вотъ для опыта одно мѣ-
сто изъ сего представленія:

„Монархи могушь имѣшь болѣе или
менѣе *власти*, но *обязанности* ихъ всег-
да и вездѣ равны. Если нѣкошорые меж-
ду ними споль несчастны, что цар-
швуюшь надъ народами, неимѣющими
законовъ, по въ ихъ обязанности со-
споишь вознаграждашь сей недоспа-
шокъ, сколько силы ихъ позволяюшь,
личнымъ правосудіемъ и благоразум-

нымъ выборомъ Миниспровъ. Но когда въ Государствѣ сущесшвующъ древніе, всѣми уважаемые законы, въ коихъ народъ видишь ограду правъ своихъ и свободы; когда они дѣйствительнo полезны для того, чшобы обуздывать злоупотребленіе силы: по——о! позвольте, Государь, оставивъ изслѣдованіе вопроса, имѣешь ли Король; въ какомъ бы ни было Государствѣ, право уничтожать такіе законы? Мы довольсшвуемся сказать нашему правосудному Монарху — что онъ сего сдѣлать не можетъ. На семъ основаніи просимъ васъ, будьте нынѣ сами судіею между народомъ своимъ и Миниспрами.“ Не Мальзербъ ли пошъ испинный Орапоръ, кошораго изображаетъ Квинпилианъ? —

Управляя въ послѣдній разъ Минисперсшвомъ, Мальзербъ подавалъ Королю многія записки, содержащія важныя и полезныя совѣшы, какъ поступать въ тогдашнемъ кришическомъ положеніи, но онѣ не были чшпаны, и оставлены безо всякаго вниманія. Людовикъ XVI находясь уже въ Тамплѣ, вспомнилъ о сихъ неуваженныхъ имъ запискахъ, го-

ворилъ о томъ съ Мальзербомъ и захопѣлъ непременно ихъ прочесть. Мальзербъ предвидя, сколь огорчительно будетъ для Короля такое членіе, старался опклонить его отъ онаго; но сей наспоялъ въ своемъ прѣбываніи и Мальзербъ принужденъ былъ удовлетворить ему. При первомъ ихъ послѣ того свиданіи, Король смотрѣлъ на него нѣсколько времени молча и съ умиленіемъ, потомъ заперъ дверь своего кабинета, бросился въ его объятія и залился слезами. Эта сцена, дѣлающая большую честь тому и другому и споль для обоихъ шрогательная, такъ поразила Мальзерба, что онъ нѣсколько дней послѣ того былъ болѣнъ и рассказывая о томъ, не могъ удерживаться отъ слезъ.

Разговоръ, который Мальзербъ за нѣсколько дней до 10 Августа имѣлъ съ Маллевиллемъ, доказываетъ, что у него въ то время всякое сношеніе со Дворомъ было прервано, и пошому на счетъ его не можеть быть опнесена ни одна изъ многочисленныхъ ошибокъ, сдѣланныхъ симъ послѣднимъ. „Бѣдный Король, говорилъ Мальзербъ, очень жалю о

немъ и боюсь, что ему трудно будетъ ускользнуть изъ рукъ этихъ злодѣевъ; а онъ испинно почтенный, достойный Государь. — Вы, въ ваши лѣта, продолжалъ онъ, должны почитать себя счастливыми, что можете еще быть ему полезны; я къ сожалѣнiю слишкомъ старъ для того — но съ самой той минуты, какъ имѣлъ я случай узнать короче всѣ добрыя его качества, преданъ ему всею душою. — Хошъ я и весьма не охотно одѣваюсь въ парадъ, особливо не люблю привѣшивать этой проклятой шпаги, которая всегда пушается у меня въ ногахъ и когда нибудь сломитъ мнѣ шею; но все таки не пропускаю ни одного воскресенья, чшобъ не сходить во дворець и не посмотришь Короля: сердечно радуюсь, когда вижу, что эшотъ добрый человекъ здоровъ. Никогда не говорю съ нимъ, но эшо все равно, лишь бы только удалось мнѣ посмотреть на него, и кажется ему не противно также меня видѣшь.

Слишкомъ скоро представился ему случай доказать Королю преданность

свою самымъ величайшимъ пожертво-
ваніемъ. Онъ оспался почти одинъ при
Людовикѣ XVI, когда сей несчастный
Государь, не задолго еще предъ тѣмъ
окруженный толпою придворныхъ, дол-
женъ былъ блескъ Версальскаго дворца
промѣнять на темную башню въ Тамп-
лѣ. Въ прѣпій разъ Мальзербъ сдѣлался
его Совѣтникомъ въ то время, когда
онъ безъ вѣнца и въ оковахъ, не могъ
раздавать никакихъ наградъ, кромѣ че-
сти умереть съ нимъ на одномъ эша-
фотѣ. Мальзербъ былъ тогда 72 лѣтъ.
Бывши уже два раза Министромъ все-
сильнаго Людовика XVI, удалился онъ
въ свое мирное, единственно наукамъ
посвященное убѣжище, какъ скоро толь-
ко замѣшилъ, что правила, которыми
тогда слѣдовали, были совершенно про-
шивны его правиламъ. — Во Француз-
скихъ лѣтописяхъ, и даже въ лѣтопи-
сяхъ Революціи, находишся довольно
примѣровъ высокаго мужества, прене-
брегавшаго даже предвидѣнною смертію;
но вездѣ пружинами шаковыхъ дѣяній
были честь, долгъ, опасность; дѣяніе
же Мальзерба имѣло начало свое въ од-

ной только его добродѣтели. Онъ могъ бы, не будучи неблагодарнымъ, не вмѣшиваясь въ сіе опасное дѣло, какъ и многіе другіе, которые сверхъ того были еще облагодѣшельствованы Королемъ; онъ могъ бы представишь въ свое оправданіе старость, удаленіе ошъ всѣхъ дѣлъ, могъ бы по крайней мѣрѣждать, пока его позвуютъ; но нѣшь! добродѣтельный подданный, безъ всякаго приглашенія со стороны несчастнаго Государя, проникнулъ въ его шемницу, что бы дѣлишь съ нимъ его спрданія. Онъ написалъ самъ къ Президенту Конвента: „Не знаю дозволено ли будетъ Людовику XVI имѣть защитника, котораго бы выборъ предоснавленъ былъ ему самому; но въ случаѣ возможности сего, желаю довести до его свѣденія, что если онъ избреть своимъ защитникомъ меня, то я съ радостію готовъ принять на себя сію достославную обязанность. Онъ два раза призывалъ меня въ Совѣшь свой въ то время, когда всякой почиалъ сіе за опличную для себя честь; я обязанъ предложить ему шеперь услугу, когда всѣ считающъ оную опасною.“

Благородный спарець долженъ былъ выслушать въ Конвеншѣ ужасный приговоръ. Онъ покушался еще произнести нѣсколько словъ, прерываемыхъ слезами его и рыданіями, но тщетно! Ему поручено было объявить Королю приговоръ Конвенша, и онъ исполнилъ сей послѣдній шагостный долгъ съ такимъ же необыкновеннымъ мужествомъ, какъ и горестію. Потомъ, съ чувствомъ глубочайшей печали, удалился онъ въ свое уединеніе, гдѣ нѣжнѣйшія попеченія его сѣмейства не въ состояніи были умирить оную. Такимъ образомъ жилъ онъ, гнѣшомый бременемъ горести, какъ вдругъ новый ударъ разразился надъ нимъ. Зяшь его Г. Розанбо, бывши Президентомъ одного судилища подписалъ въ 1789 году возраженіе прошиву декрета Законодательнаго Собранія. Эшо подало поводъ обвинить всѣхъ Судей, подписавшихъ означенное возраженіе и даже шѣхъ, копорые не зная вовсе о немъ, формально прошиву онаго не возспали. Изъ рукъ спарца изшоргли все его сѣмейство; черезъ два дни аресповали его самага и пошацили въ Парижъ съ

пѣмъ, чтобы заключить въ темницу. Но какъ скоро пиранство коснулось собственно его самого, то казалось онъ одушевился новымъ мужествомъ. Прежнія силы его возвратились, даже веселость, которая всегда была отличительною чертою его характера, и онъ съ величайшимъ спокойствіемъ духа говорилъ объ угрожающемъ ему несчастіи. Не почто ли такъ изображаютъ намъ Сократа?—Нѣсколько времени Мальзербъ былъ разлученъ со своимъ семействомъ, но вскорѣ исходатайствовалъ онъ позволеніе бытъ въ одной темницѣ со своими ближними. Первая минута свиданія ихъ была разительна; но послѣ того шутя говаривалъ онъ друзьямъ своимъ, которые его шутъ посѣщали: „на старости лѣтъ сдѣлался я такимъ негодяемъ (mauvais sujet), что попалъ въ тюрьму.“ Онъ писалъ Конвеншу съ благородною гордостію и спрашивалъ о причинѣ своего заключенія такимъ тономъ, какой бы только самъ могъ принять, засѣдая въ судилищѣ. Но чего онъ никакъ не хотѣлъ сдѣлать для себя, то сдѣлалъ для своего зятя Ро-

занбо, котораго всегда называлъ своимъ вѣрнѣйшимъ другомъ, для котораго написалъ защитительное представленіе и котораго рекомендовалъ самымъ прогашельнымъ образомъ всѣмъ членамъ Конвента, какъ супруга своей дочери, какъ отца своихъ внуковъ. Но Розанбо и 40 другихъ достойнѣйшихъ членовъ Парламента едва были выслушаны въ Конвентѣ и пошчасъ ошведены на казнь. На другой день и Мальзербъ со своею дочерью, внукою и молодымъ ея супругомъ (старшимъ брапомъ нынѣшняго Пера Шапобріана), явился къ суду; прочли предъ нимъ актъ обвиненія, въ которомъ приписывали ему заговоръ прошиву единства республики; не было приведено никакого доказательства, никакого свидѣтеля. „Еслибъ по крайней мѣрѣ шупъ былъ хошя здравый смыслъ“ — сказалъ Мальзербъ, когда ему подали актъ и бросилъ его съ презрѣніемъ на полъ. Въ это время дочь его увидѣла шамъ дѣвицу Сомбрель, которая 2го Сенпября сшоль разительнымъ образомъ доказала дѣшскую любовь свою. „Вы были такъ счастливы—сказала она ей— что могли

«спаси жизнь своему родителю; мнѣ предоставлено другое счастье—умереть вмѣстѣ съ моимъ.»

Единственнымъ документомъ, на копоромъ основали осужденіе спарца Мальзерба, было найденное въ его бумагахъ письмо къ Роланду отъ 24 Іюля 1790, въ копоромъ онъ ошказывался сказашь о нѣкопорыхъ вещахъ свое мнѣніе, *ибо—вошъ почныя слова его:—во време на сильныхъ страстей разсудокъ долженъ молгать, инаге это повредитъ самому разсудку, потому что энтузіасты не пропустятъ слугая возбудить народъ противъ тѣхъ самыхъ истинъ, которыя въ другое время были бы приняты со всеобщимъ одобреніемъ.* За сіи шолько слова, Мальзербъ былъ осужденъ на смерть, а съ нимъ вмѣстѣ и еще 30 особъ, копорыя спольже мало были виновны, какъ и онъ—даже люди совершенно различныхъ мнѣній и правилъ, въ шомъ числѣ одна Польская Княгиня 23 лѣшъ. Мальзербъ выслушалъ свой приговоръ безъ малѣйшаго смущенія, безъ всякой перемѣны въ лицѣ; ни одна жалоба не вырвалась изъ успъ его, онъ

молчалъ. Въ его положеніи не замѣнено было ни надмѣнности, ни слабости: онъ не презиралъ смерть, но мирно предавался ей. Мальзербъ жилъ какъ Сократъ и умеръ также почти какъ и онъ, только смерть его была несравненно мучительнѣе, ибо имѣли варварство казнишь всѣхъ членовъ его семейства передъ его глазами. Такъ кончилъ жизнь свою мужъ, достойнѣйшій уваженія своихъ современниковъ, мужъ, котораго добродѣтели дѣлали честь человѣческому роду.

Казань.

Д.

САМОУБИЙСТВО ВЪ ЛОНДОНѢ *).

Въ прешьемъ ярусѣ того дома, гдѣ занималъ я кварширу, жилъ ремесленникъ, котораго занятіе состояло въ механической работѣ на одной мануфактурѣ, чѣмъ доставалъ онъ себѣ пропитаніе и безъ нужды содержалъ себя. Обы-

---

*) Изъ книги *Quinze jours à Londres à la fin de 1815.* Paris, 1816.

кновенно отпралялся онъ на работу въ восемь часовъ, а въ это утро пробило уже и десяць, но онъ не выходилъ еще изъ своей горницы. Хозяйка пошла посмотреть, не занемогъ ли онъ: стучишся у дверей—нѣтъ отвѣта. Встревожась такимъ безмолвіемъ, побѣжала она къ Полицейскому Офицеру и привела его съ собою. Отпили замокъ, вошли въ комнату и нашли бѣднаго ремесленника на полу, обагренаго кровію и уже нѣсколько часовъ лишившагося жизни. Подлѣ него лежала бриква, копорю перерѣзалъ онъ себѣ горло. На столѣ нашли бумагу, на копорой было написано: „Не обвиняйте никого въ моей „смерши. Я наскучилъ жизнью. Чшо такое жизнь? Работа и отдохновение, ѣда „и сонъ! Это единообразіе мнѣ надоѣло: „хочу видѣть чшо нибудь новое.“

Всякой разъ, когда въ Англіи умираешъ кто нибудь внезапно насильшвенною или случайною смершию, Судья выбираешъ между родшвенниками, друзьями и сосѣдами покойнаго двѣнадцать человекъ, копорые соспавляюшъ надъ нимъ родъ особаго суда, чшо бы опредѣлишъ причину его смерши.

Я пришелъ домой въ самое то время, когда дѣлали эшошь выборъ, попросилъ и получилъ позволеніе присушствовашь при совѣщаніи. Прежде, нежели начали разсуждашь, я имѣлъ время всшущипшь въ разговоръ съ Судьею.—Вамъ, сударь, должно бышь много хлопошь, сказалъ я ему: самоубійсшва, какъ говоряшь, очень часшо случаются въ Англіи.—

„Ошибаются, Государь мой! Пустое предубѣжденіе! Въ 1814 году было ихъ шолько шридцашъ пяшь, а иногда бываетъ и шого еще меньше.“

Тушь собрались всѣ свидѣтели и Судья началъ ихъ допрашивашь.

„Скажише, не бѣдносшь ли, не нужда ли довела покойника до сего опчаянаго поступка?“

—Нѣшь, сударь, у него нашли Зофуншовъ сперлинговъ, копорые онъ скопилъ своими шрудами.—

„Такъ спало онъ былъ безумный! — Не имѣлъ ли онъ какихъ нибудь горестей?“

—Никакихъ. Онъ вырабошывалъ довольно на свое содержаніе, былъ всѣми любимъ и во всю жизнь свою ни съ кѣмъ не ссорился.—

„Явное помѣшательство! — Хорошо ли онъ жилъ съ родными?“

— У него только одна сестра. Она очень бѣдна и онъ много помогаль ей.—

„Точно онъ былъ не въ полномъ умѣ! — Говориль ли онъ когда нибудь, что намѣрень умертвить себя?“

— Никогда. Правда, онъ часто говориль, что скучаешь жизнью и не знаешь, какъ можно сносишь ее: онъ не принималъ участія ни въ какихъ забавахъ и кошъ уже годъ, какъ его не видали пьянымъ, кромѣ одного только раза.

„Сумасбродство! — Бываль ли онъ болѣнь?“

— Такъ болѣнь, что бы слечь, не бываль, а часто жаловался на головную боль. —

„Такъ и есть: поврежденіе мозга! — Самъ ли онъ брился?“

— Самъ, сказалъ сосѣдъ покойнаго, ма-сперовой. Два дни тому назадъ онъ опдалъ мнѣ направиль свою бритву.—

„Видите, что шуть не было умысла, онъ не ходиль за орудіемъ, кошорымъ бы намѣревался лишить себя жизни, а въ минушу помѣшательства упо-

пребилъ по, что попалося ему въ руки.—Явно, что онъ не самоубійца. Согласны ли вы? “

—Согласны, сударь, согласны!—И въ рѣшеніи было сказано: *насильственная смерть, утиненная въ припадкѣ сумашествія.*

„Какъ—сказаль я, оставшись одинъ съ хозяйкою—онъ не самоубійца? Развъ записка, которую оставиль эшошь челоувѣкъ и предосторожность, сдѣланная имъ, направиль бришву, не явно еще доказывающъ, что онъ имѣль намѣреніе убить себя и вовсе не былъ помѣшанъ.“

—Англинскіе законы, сударь, отвѣчала она, такъ строги на счетъ самоубійства, что стараются какъ можно обойтись безъ нихъ. Изъ шридцати самоубійць, едва ли показываютъ одного. Не такъ давно одинъ порядочной челоувѣкъ, какъ и эшошь несчастный, перерѣзалъ себѣ горло, и казался не возможно уже было ни подъ какимъ видомъ не признашь его самоубійцею. Что же сдѣлали? Подговорили лекарей сняшь ему черепъ и они нашли доказательство его безумія въ составѣ мозга.—

Не удивишельно же, думаль я, что такъ мало самоубійць въ Лондонѣ.— „Но какіе законы, спросиль я у хозяйки, сущесивують въ Англии для самоубійць?“

— Ихъ лишаютъ христіанскаго погребенія и все ихъ имѣніе конфискують.—

„Прекрасно! Стало бытъ дѣши наказывающа за проступокъ ошца. Не лъзя лучше!“

—Но, сударь, естесивенная любовь ошца къ дѣшямъ должна удержашъ его отъ этаго и вошь на чемъ основанъ законъ сей.—

„Но если это разсужденіе его не удержимъ, то все несчастные дѣши отъ того поспраждушь.“

Гораздо лучше разочтено было дѣйсивіе законовъ въ шомъ Греческомъ городѣ, гдѣ всѣ дѣвушки отъ 15 до 20 лѣшъ, по какому-то безумству, посягали на жизнь свою: сдѣлано было поспановленіе, что бы всѣ шѣ, кошорыя умрушь отъ рукъ своихъ, были выспавляемы нагія у ворошь дома. Спрахъ подвергнушь себя шакому поспрамленію удержаль ихъ отъ самоубійсшва и ни одна

уже не рѣшилась перенести такой спыдъ по смерти.

В.

~~~~~

АНЕКДОТЫ О НѢКОТОРЫХЪ СЛАВНЫХЪ ЖИВОПИСЦАХЪ.

Рафаель Санкти Урбинскій (род. 1483 года, въ спрасстную пшницу, умеръ 1520 го въ шопъ же день) есть между живописцами по же самое, что и Гомеръ между Поэтами—первый изъ всѣхъ. Обширный геній его, величіе и благородство въ изображеніяхъ, доставили ему преимущество предъ всѣми художниками, послѣ него бывшими.

Францискъ I, принявъ съ опличнымъ благоволеніемъ образъ Св: Михаила, трудовъ сего славнаго живописца, наградилъ его такою великою суммою, что она показалась Рафаелю несравненно болѣе, нежели во что цѣнилъ онъ свою работу. Въ знакъ благодарности написалъ онъ нарочно для Короля *Святую Фамилію*, и когда представилъ ему сію картину, то Король сказалъ: „начь же самъ ей цѣну: люди, прославив-

шіеся въ художестввахъ, раздѣляя безсмертіе съ великими Монархами, могутъ и о цѣнѣ съ ними договариваться.“

Два Кардинала замѣтили Рафаелю, что онъ на картинѣ своей написалъ слишкомъ красными лица Апостоловъ Петра и Павла.—„Милосивѣйшіе Государи, ошвѣчалъ имъ художникъ, оскорбленный симъ замѣчаніемъ, я написалъ обоихъ Апостоловъ точно такими, каковы они на Небѣ: они краснѣютъ со спыда, что церковь ихъ имѣетъ здѣсь недоспойныхъ пастырей.“

Петръ Бертенъ (род. въ Коршонѣ, въ Герцогствѣ Тосканскомъ, 1596 года, умеръ 1669) росписывалъ нѣкогда залу во Флорентинскомъ дворцѣ Пиппи; на стѣнѣ изобразилъ онъ желѣзный вѣкъ. Великій Герцогъ Фердинандъ II, жившій въ то время въ семъ дворцѣ, любовался часно работою художника. Однажды, когда Бертенъ писалъ при немъ плачущаго ребенка: „какъ это дитя плачетъ хорошо!“ — сказалъ Фердинандъ. — Если угодно Вашей Свѣплости, ошвѣчалъ

живописецъ, видѣшь, съ какою легкостью люди смѣются и плачутъ въ одно время, шо я сей часъ вамъ покажу.“— Тутъ взялъ онъ кисть, покpивилъ окружность рѣса немного къ низу; все прочее оставилъ на прежнемъ мѣстѣ, или переправилъ очень мало, и — слезы исчезающъ, дѣшя смѣется самымъ пріятнымъ образомъ. Потомъ провелъ черту по прежнему; и дѣшя опяшь начинаешъ плакать.

Николай Пуссенъ родился въ Андели, въ Нормандіи, 1594 года, ошъ благородной, но весьма бѣдной фамиліи; а умеръ въ 1665 году. Онъ такъ прославился своимъ искусствомъ, что Людовикъ XIII, копорый сдѣлалъ его первымъ живописцемъ при своемъ Дворѣ, услышавъ, что Пуссенъ ѣдетъ въ Фоншенебло, послалъ за нимъ свой экипажъ и вышелъ даже самъ къ нему на встрѣчу. — Художникъ сей, послѣ нѣкоторыхъ непріятностей случившихся ему во Франціи, удалился въ Римъ, гдѣ жилъ очень умѣренно, кошя Людовикъ XIV не лишилъ его ни званія, ни пенсіона, которыми онъ прежде поль-

зовался. Однажды, когда провожалъ онъ самъ, со свѣчею въ рукѣ, Аббаша Марцини, бывшаго попомъ Кардиналомъ, но сей Прелать сказалъ ему: „Очень жалѣю, господинъ Пуссень, что у васъ нѣтъ ни одного слуги!“—А я, опшвѣчалъ художникъ, еще болѣе жалѣю объ васъ, что вы имѣете ихъ шакое множество. — Слава была единственно его цѣлю. Онъ никогда не требовалъ дорогой цѣны за свои шруды; означалъ сзади каждой каршины сумму, копорой хотѣлъ за нее, и опказывался опъ всего, что предлагали ему сверхъ сдѣланной имъ оцѣнки.

При Аннибалѣ Каррашѣ хвалили чрезвычайно прекрасную группу Лаокона, одно изъ самыхъ лучшихъ произведеній древней скульпшуры. Художникъ не говорилъ ни слова. Замѣшивъ, что удивляющся его молчанію, взялъ онъ карандашъ и нарисовалъ на спѣнѣ сію группу шакъ вѣрно и сходно, какъ будто имѣлъ ее предъ глазами. Вотъ самая лучшая похвала опъ аршисша аршисшу!—*Поэты, говаривалъ онъ, рисуютъ словами, а живописцы говорятъ кистию.*

Вандикъ былъ ученикъ Рубенса. Однажды вечеромъ, какъ сей послѣдній ушелъ по обыкновенію своему гуляшь, ученики его вошли къ нему тайкомъ въ кабинетъ, что бы посмотрѣшь написанную имъ въ то время каршину: *Снятіе со креста* и замѣшишь особенно его обрисовку и ошдѣлку. Они подошли очень близко къ каршинѣ; одинъ изъ нихъ полкнулъ нечаянно другаго; эшошь почти упалъ на каршину и какъ краски еще не высохли, шо онъ и сперь у Маріи Магдалины руку, а у Богомашери щеку и подбородокъ, копорыя Рубенсъ шолько что окончилъ. Всѣ испугались. Что дѣлашь? — „Брашцы, сказалъ одинъ изъ нихъ, надобно скорѣе рѣшиться и не перяшь времени. Намъ остаеися еще шри часа. Кто лучше всѣхъ изъ насъ пишетъ, шошь долженъ шеперь же взять палишру и поправить, что замарано. Я избираю для эшаго Вандика.“ — Всѣ одобрили его выборъ; одинъ шолько Вандикъ сомнѣвался въ успѣхѣ. Но убѣжденъ будучи просьбами своихъ шоварищей и боясь вмѣстѣ съ ними гнѣва своего учишеля, принялся онъ за

дѣло и написалъ такъ хорошо, что на другой день Рубенсъ, разсмаширивая вчерашнюю свою работу въ присутствіи учениковъ своихъ, дрожащихъ отъ страха, сказалъ имъ: „вошь рука и голова, копорья очень удачно вчера я написалъ.“

Вильгельмъ Гогаршъ, столь много прославившійся своими оспроумными, выразительными и поучительными, такъ сказать, каррикатурами на нравы своихъ соотечественниковъ, написалъ картину, въ которой изобразилъ чрезвычайно живо различныя мученія, претерпѣваемые въ Англіи бѣдными живописными. Съ этой картины выгравированъ былъ эстампъ. Однажды прохожій, увидя на улицѣ, что извозчикъ безъ милосердія спегаль бичемъ лошадей своихъ, закричалъ на него съ сердцемъ: „Бездѣльникъ! развѣ не видѣлъ ты Гогаршова эстампа?“

А. А.

СМѢСЬ.

Рускій Театръ.

Медея, Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ, передѣланная съ Французскаго изъ Театра Лонжъ - Пьера. Представлена въ первый разъ на большомъ театрѣ въ пользу Гжи Семеновой б. 15, а во второй 28 Маія.

Считаю излишнимъ говорить о содержаніи и о переводѣ этой піэсы: о первомъ пошому, что оно извѣстно всѣмъ знающимъ Миеологію; а о послѣднемъ по той причинѣ что *Медея*, какъ и большая часть представляемыхъ на театрѣ нашемъ Трагедій, переведена не для *печати*, не для *тени*, но единственно для *представленія*, и при томъ не однимъ, а многими. Странное дѣло! у насъ пребудушъ, что бы въ бенефисы непременно были новыя піэсы и негодуешъ на то, что надъ піэсою, кошорая обыкновенно для бенефиса приготавливается наскоро, шрудитсѣ не одинъ, а нѣсколько челоувѣкъ. Но легко ли перевести *стихами* Трагедію или Комедію въ 5 актовъ? Кромѣ *Ифигеніи*, *Мизантропа*, *Говорчуна* и *Воздушныхъ Залковъ*, требовавшихъ ошъ перевод-

чиковъ особенныхъ паланшовъ и споившихъ имъ особеннаго труда, всѣ прочія наши Трагедіи и Комедіи въ пять, три, два, и даже въ одинъ актъ, переведены не такъ - по удачно; однако же, во многихъ изъ нихъ можно найти хорошіе стихи, пирады, а въ иныхъ и цѣлыя сцены. Чего же больше?— Будемъ снисходительнѣе къ трудамъ благонамѣренныхъ литераторовъ нашихъ, старающихся не столько о собственной своей славѣ, сколько о пользѣ и успѣхахъ нашего театра. Если бы не имѣли мы посредственныхъ пѣсь, изъ которыхъ многія переведены совокупными силами, то не для чего было бы и ходить въ театръ, ибо видѣшь все одно; и тогда наконецъ наскучить всякому. Припомъ вѣрояшно и дарованія нашихъ актеровъ не достигли бы того совершенства, какое во многихъ изъ нихъ нынѣ находимъ.

Трагедія *Медея* заслуживаетъ вниманіе единственно по удивительной и неподражаемой игрѣ Гжи Семеновой. Сія превосходная Актриса, при самомъ вспуленіи своемъ на театръ, плѣняла насъ развивающимся своимъ паланшомъ въ прогашельныхъ роляхъ *Антионы* *) *Мошны* и *Ксеніи*; но

*) Покойный Я. Е. Шуперинъ, лѣтъ одиннадцати
тому назадъ, разговаривая со мною о игрѣ Гжи Семе-

паланшъ ея въ полной мѣрѣ открылся уже въ роль *Герміоны*, въ роль исполненной сильнѣйшей страсти и слѣдовательно несравненно труднѣйшей пѣхъ, копорья она имѣла въ *Эдипѣ*, *Фингалѣ*, *Димитріѣ Донсколѣ* и въ прочихъ прежнихъ Трагедіяхъ. Въ *Ариаднѣ*, казалось, достигла она высочайшей степени искусства, какого только желать можно (въ *Ифигеніи* и въ *Меропѣ* не имѣя удовольствія ее видѣть); но въ *Медеѣ* превзошла она самое себя. Каждое слово обдуманно и произнесено самымъ приличнымъ тономъ; что она произносила, то можно было въ то же самое время читать на лицѣ ея; признаюсь, что я никогда не только не видалъ столь превосходной игры на театрѣ, но и не ожидалъ, что бы Гжа Семенова, при всемъ ея талантѣ, или какая нибудь другая первѣйшая актриса, могла произвести во мнѣ то, что я чувствовалъ во время представленія сей Трагедіи. Поспашаюсь объяснить, сколько могу, ея декламацию, или по крайней мѣрѣ замѣтитъ то,

новой, между прочимъ сказала: „когда я играю съ нею въ *Эдипѣ*, то право не могу удержаться отъ слезъ. Повѣрьте мнѣ, что у насъ не было еще такой Актрисы и что она со временемъ превзойдетъ *Жоржѣ*.“
—Предсказаніе его нынѣ сбылось. И.

что особенно поразило меня и всѣхъ зрителей.

Медя выходитъ на сцену во второмъ уже актѣ. До нея дошелъ уже слухъ, что непостоянный и неблагодарный ея супругъ *Язонъ* намѣренъ ее оставить и вступить въ бракъ съ *Креузой*, дочерью Коринтскаго Царя *Креона*.

Язонъ—ктобъ думаешь могъ?—*Язонъ* мнѣ изменилъ!

Вотъ самый обыкновенный стихъ; но какъ искусно произнесла его Гжа Семенова! Слово: *Язонъ* выговорила она оба раза какимъ-то глухимъ, болѣзненнымъ тономъ; изумленіе и опчаяніе видны были на ея лицѣ. Также точно произнесла она во 2 Явленіи втораго Дѣйствія другой подобный сему стихъ:

Язонъ—ктобъ думаешь могъ?—*Язонъ* убійца мой!

Она обращается съ жалобою къ прародительскому Солнцу, хочетъ требовать себѣ отмщенія отъ адскихъ божествъ, и — обыкновенное ослѣпленіе любви! — *Язонъ* ей кажется не столько виновнымъ, сколько *Креонъ*; на него — то она намѣрена излишь весь свой гнѣвъ и злобу. Въ самую эту минуту приходитъ къ ней *Креонъ*, — и чтоже? — *Медя* съ перпѣніемъ выслушиваетъ отъ него извѣстіе о предположенномъ бракѣ

Язона съ *Креузюю*; съ благородствомъ оправдывается въ учиненныхъ ею изъ любви къ *Язону* злодѣянiяхъ, за которыя изгоняется она изъ Коринѳа; наконецъ упрекаетъ *Креона* въ шомъ, что онъ опнимаешъ у нея супруга, изъъявляешъ ему свое презрѣнiе и говоришь :

„Иди не помышляй, что бы меня склонилъ
Вымаливашъ швое презрѣнное жалѣнье:
Мое шы опнлль все — но мнѣ оспалось
мищенье!

Послѣднее слово: *мищенье* Гжа Семенова произнесла въ полпона, съ какою-шо скрышною, радостною злобою, такъ, что безъ ужаса и содраганiя не возможно было эшаго слышать.

Является *Язонъ*. *Медея* со всею кропощiю упрекаетъ его въ измѣнѣ и въ неблагодарности, напоминаешъ ему свои благодѣянiя, падаетъ къ его ногамъ, обнимаетъ колѣна (нелзя было безъ слезъ видѣшь ее въ шполь прогашельномъ положенiи) и закликаетъ его сжалишься не надъ собою, но надъ невинными ихъ дѣшми, хочешъ исчислишь ему несчастiя, которыя принуждены они будущъ претерпѣвашъ въ изгнанiи съ нею; но *Язонъ* прерываетъ ее и думая успокоить, говоритъ, что они ошанушся при немъ.

„Ничшо не разлучишь ихъ съ нѣжносью моею.

Медея.

„Какъ? . . . Хочешь ты еще лишишь меня *дѣтей*,
Моихъ дѣтей. . . предашь ты *матихъ* дерзаешь?“

Послѣднее слово въ первомъ стихѣ: *дѣтей*, Гжа Семенова, казалось, насилу могла выговорить. *Моихъ дѣтей* во второмъ стихѣ произнесла она съ какимъ-то болѣзненнымъ воплем *) и сдѣлала шѣмъ самымъ величайшій эффектъ.

Видя, что *Язонъ* твердо рѣшился оставить при себѣ дѣтей своихъ, *Медея* притворяется спокойною и говоритъ:

„Довольно! кончено! оставимъ рѣчь объ нихъ.

Но вспомни, разсуди, что ты предпринимаешь?

Меня лишая ихъ — чего *себя* лишаешь?

Одинъ ихъ видъ мой гнѣвъ проливъ тебя смирялъ;

Опняя ихъ—свой *покровъ послѣдній ты отнялъ*.“

Эти слова: *свой покровъ послѣдній ты отнялъ*, Гжа Семенова произнесла съ важностію, медлѣнно; на претъемъ словѣ: *послѣдній*, возвысила, а на *отнялъ* понизила

*) Въ фигурѣ *Усугубленія* (La Répétition) говоритъ Аббаши Оберъ въ Discours sur la manière de lire les Fables должно возвышать всегда голосъ на томъ словѣ, которое уже было сказано и повпоряется единствен-но для того, что бы симъ болѣе придашь силы или пріятности рѣчи.

голосъ. *Язонъ* долженъ былъ окаменѣть отъ ужаса.

Въ III Дѣйствии Гжа Семенова мастерски сыграла 3е Явленіе, гдѣ *Медея* притворяется предъ *Язономъ*, проситъ у него прощенія въ укоризнахъ и угрозахъ, произнесенныхъ ею въ первыя минушы гнѣва и ревности; проситъ его опять, что бы опустилъ съ нею дѣшей и соглашается попомъ оставитъ ихъ при ошцѣ; закликаетъ его имѣшь о нихъ ошеческія попеченія и предшательствовашъ объ нихъ у *Креона* и *Креузы*; наконецъ прощается спокойно съ невѣрнымъ своимъ супругомъ. Едва только ушелъ *Язонъ*, какъ *Медея* открываетъ наперсницѣ своей *Родонѣ*, что она намѣрена отпрашитъ драгоценную свою ризу и послать въ подарокъ *Креузѣ*, кошорая чрезвычайно желала имѣшь оную у себя.

Въ IV Дѣйствии *Медея* начинаешъ дѣлать заклинанія и призываетъ всѣ адскія божества. Адъ разверзается предъ нею; она тамъ видитъ извѣснаго прешупника *Сизива*.

„И ты, *Коринвянинъ*, и ты, *Сизифъ* злодѣй!
 За родѣ свой заслужилъ ты казнь еще лютей! ..
 Чья пѣнь идешъ ко мнѣ? ... Что вижу? мой
родитель!
 Почш, такъ скоро вшелъ ты въ вѣчную обитель?

Драгая пѣны! скажи: преступный мой побѣгъ
 Конечно дни твои печалію пресѣкъ.
 Хоть руку мнѣ простри... Но призракъ чей
безглавый
 Бросается межъ насъ ужасный и кровавый,
 Обезображенный опъ крови и отъ ранъ?
 Онъ весь ударами разперзанъ и раздранъ —
 Се братъ мой! ахъ проспи мнѣ, брашь, ожесточе-
ченье,
 Убийца пвой любовь, она свершишь опмщенье
 И кровь... изчезло все! "

Въ сихъ немногихъ стихахъ Гжа Семенова чрезвычайно живо изобразила различные спраспи, какъ по: ненависпъ, изумленіе, нѣжностъ, раскаяніе и ужасъ. Съ какимъ умиленіемъ сказала она пѣни своего родишеля: *хоть руку мнѣ простри*; но вдругъ, увидя злодѣйски умерщвленнаго ею брата, испугалась, вскрикнула, задрожала, упала на колѣни при словахъ: *се братъ мой!* и невольно привела въ ужасъ всѣхъ зришелей.

Медея, окончивъ заклинанія, призываетъ къ себѣ дѣшей своихъ и посылаетъ съ ними къ *Креузѣ* очарованную ею ризу. Оспавшись одна, умоляетъ она адскихъ боговъ, чшо бы способспвовали ей къ обману *Креузы* и *Креона*.

„Но чѣмъ, *гѣиб?* наказашъ преступника *Язона?*

• • • • •

Я брата умерпвишь посмѣла безъ боязни...

То мало для него! поищемъ новой казни. . .
 О Боги! вѣль рекли? и вашъ ли мнѣ совѣшь? . .
 Ахъ; сей ударъ нанесъ во мнѣ ужъ силы нѣтъ!
 Меня превъше онъ: вельнѣе смлгите,
 Иль сами мой кинжалъ въ утробу ихъ возните!“

При сихъ словахъ она падаетъ почти безъ чувствъ на кресла. Въ эту самую минуту входилъ къ ней Родопа съ дѣшми. Самая прогашельная и ужасная сцена! Медя плачетъ о своихъ дѣшяхъ и хочетъ умершвить ихъ. Выпишемъ здѣсь нѣсколько произнесенныхъ ею стиховъ.

„Кто будетъ сиротамъ опорой слабыхъ дѣшь?
 Ихъ гонящъ мать; отца давно у нихъ ужъ нѣтъ!

 Свершимъ ужасное изъ всѣхъ ужасныхъ дѣлъ,
 Свершилъ—невинные! за тѣмъ ко мнѣ бѣжите?
 Отстаньте, рукъ моихъ съ лобзаніемъ не жмите,
 Тѣхъ рукъ, что.“

Услышавъ отъ Родопы, что дѣши, по приказанію Креузы, должны не медля къ ней возвратиться, она говоритъ:

„Надѣнная! она повелѣваетъ имъ!“

и рѣшается опять умершвить дѣшей своихъ; но невинные младенцы обезоруживаютъ ее своими ласками, и она бросаетъ кинжалъ. Оставшись одна, опять приходитъ въ яроссть, раскаяваясь, что не умершвила дѣшей своихъ.

„Нѣтъ болѣ жалости во мнѣ къ сынамъ злодѣя;
Креузы пасынкамъ не будетъ мать Медея!“

Въ V Дѣйствіи *Родона* съ ужасомъ рассказываетъ *Медеѣ*, что *Креуза* надѣвъ на себя ея ризу, почувствовала нестерпимыя мученія; что волшебный ядъ перзаешь также и *Креона*, хотѣвшаго подать ей помощь. Радость блистаетъ на лицѣ *Медеи*. *Родона* совѣшаетъ ей скорѣе скрыться; но *Медея* возражаетъ:

„Родона! мнѣ бѣжать, когда я торжествую!“

Креонъ кончилъ жизнь прежде *Креузы*; сія послѣдняя умираетъ на рукахъ *Язона*. Въ яросши хочетъ онъ принести въ жертву своему мщенію *Медею*; досадуетъ, что нигдѣ не можешь ее найти; но вдругъ *Медея* предстаетъ предъ него. *Язонъ* хочетъ обнажить мечъ свой; но *Медея* ударяетъ его волшебнымъ своимъ жезломъ, и онъ не въ силахъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія. *Медея* издѣвается надъ нимъ, говоритъ ему, что бы онъ шелъ къ брачному олтарю, къ обожаемой имъ невѣстѣ. *Язонъ* упрекаетъ ее въ ея злодѣйствѣ, признается, что желалъ бы пролить ея кровь въ опмщеніе пѣни *Креузы*. *Медея* объявляетъ ему, что она пролила уже чистѣйшую кровь свою и показывая обогранный кровію своихъ дѣшей кинжалъ, присовокупляетъ:

„Смотри, вотъ кровь моя и кровь твоя дымится!“

Съ какимъ удивительнымъ искусствомъ Гжа Семенова произнесла сей стихъ, и съ какою выразительностію сказала эти два слова: *моя* и *твоя*, особенно послѣднее. Зрители, даже самые хладнокровные, были поражены величайшимъ ужасомъ. По истинѣ это было *pec plus ultra* въ искусствѣ декламации.

Когда въ первое представленіе Гжа Семенова, при громъ рукоплесканій, вызвана была на сцену, но едва могла держаться отъ слабости на ногахъ. Я счелъ это слѣдствіемъ усталости отъ сшоль сильной и продолжительной игры; но послѣ узнавъ, что Гжа Семенова играла эпошъ разъ почти больная. Въ IV актѣ ослабѣла у нея тогда грудь и отъ шого самаго, въ продолженіе всего эшагѣ акта, примѣшно было въ ея игрѣ гораздо болѣе *тожности* *), нежели

*) Подобное происшествіе случилось во время представленія *Федры* съ одною славною актрисою. У ней вдругъ такъ ослабѣлъ голосъ, что она едва могла говорить; но сія умная актриса умѣла сшоль непріятный случай обратишь въ свою пользу и замѣнишь слабость органа выразительностію въ тонѣ и въ физиогноміи. Зрители подумали, что она съ намѣреніемъ говорить такъ шихо, и сіе произвело величайшій на театрѣ эффектъ. (Смотри. *Principes raisonnés sur l'art de lire à haute voix* XXXVIII Leçon.)

силы прошивъ втораго представленія. Во второй разъ играла она въ чешвертомъ Дѣйствіи еще лучше прежняго; но и въ первое представленіе, при всей слабости ея здоровья и при всѣхъ шрудноспяхъ ея роли, не видно было шупшь ни малѣйшаго съ ея стороны замѣшательспва, ни малѣйшей ошибки, а напрошивъ шого зрители распроганы были ея игрою, хотя она и не шакъ играла, какъ бы ей хошѣлось.

Слухъ носится, будто Гжа Семенова оспавляетъ вовсе театр. Желаетъ со всѣми вообще любителями нашего драматическаго искусства, что бы слухъ сей оказался ложнымъ. Если же, къ сожалѣнію, онъ справедливъ, то потеря сія для нашего театра чрезвычайно велика; не было еще у насъ— а можетъ быть и никогда не будетъ— столь превосходной трагической актрисы, какова Гжа Семенова.

Скажемъ что нибудь и о игрѣ прочихъ актеровъ. Вторая по *Медеѣ* въ сей Трагедіи роля есть *Креузы*, которую занимала Гжа *Колосова м.* Она довольно хорошо играла въ оба раза; но въ послѣднее представленіе, когда *Креуза* разговаривая предъ смертію своею съ *Язономъ*, чувствуетъ вдругъ нестерпимую боль, препяшшвующую ей продолжашъ рѣчь, выразила это несравненно лучше прежняго и сдѣлала шѣмъ эф-

фектъ. Жаль только, что она слишком уже прощяно читаетъ стихи, и что въ игрѣея—обыкновенный порокъ начинающихъ—примѣненъ нѣкоторый родъ жеманства (affectation). Впрочемъ должно надѣяться, что дѣвица Колосова будетъ весьма хорошею прагматическою актрисою, тѣмъ болѣе, что она получила несравненно лучшее прошивъ своихъ подругъ образованіе, и что въ трудномъ искусствѣ пантомимы, т. е. въ выраженіи на лицѣ силы страстей и въ приличномъ дѣйствіи рукъ, можетъ имѣть у себя превосходную наставницу—шу самую, которой обязана рожденіемъ и воспитаніемъ.

Г. Брянскій представлялъ *Язона* не очень удачно, хотя эта роль и очень легка въ сравненіи съ другими. При самомъ выходѣ на сцену началъ онъ безъ всякой нужды горячиться и возвышать голосъ тогда, какъ долженъ былъ говорить хладнокровно: ибо *Язонъ* въ этой сценѣ старается только доказать наперснику своему *Ифиту*, что онъ по необходимости вступитъ въ бракъ съ *Креузюю*. Въ послѣднемъ явленіи паясаго акта, предъ тѣмъ какъ *Медея* силою своего волшебства дѣлаетъ его недвижимымъ, Г. Брянскій въ первое представленіе взялся только за рукоятку своего меча, не вынимая почти его изъ ноженъ, а во второй разъ совсемъ уже его обнажилъ и усстре-

милъ противъ *Медеи*. Положеніе весьма невыгодное! Кажется онъ самъ эпо почувствовалъ и вложилъ послѣ того мечъ въ ножны. Но когда онъ, будучи очарованъ, не могъ поразить *Медеи*, то не долженъ уже былъ и вкладывать меча въ ножны. Лучше бы, кажется, въ такомъ случаѣ, когда уже прежде сдѣлана ошибка, уронить мечъ на полъ, разумѣется въ ту самую минушу, какъ *Медея* махнула своимъ жезломъ.

Въ первое представленіе *Медеи* роль *Креона* занималъ Г. Толченевъ, а во второе Г. Борецкій. Отдаю преимущество въ сей роль Г. Толченеву: онъ игралъ, по моему мнѣнію, съ большимъ благородствомъ и разнообразіемъ, нежели Г. Борецкій, который, особенно въ сценѣ съ *Медеею*, очень мало походилъ на Царя и не говорилъ, а *скандо-валъ* стихи, т. е. останавливался примѣпнымъ образомъ на пресѣченіи и въ каждомъ почти стихѣ одинаково возвышалъ и понижалъ голосъ.

И.

Благотворенія.

Присланныя къ Издашелю изъ *Уфы* при письмѣ ошъ 7 ч. минувшаго Маія ас-сигнаціями *пятьдесятъ пять* рублей и золо-шомъ одинъ *полцимперіалъ* (въ шомъ числѣ ошъ *П. Еф.* полуимперіалъ, малолѣшнаго *Тант.* наслѣдника 20 р., *Ми* *Ив.* *Ми.* 25 р., *Ал.* *Ал.* *Ко.* и *Дл.* *Кон.* *Кок.* по 5 р.) собранныя сими благотворительными и со-сиррадашельными людьми въ пользу несча-снаго изувѣченнаго чиновника 14 класса *Ивана Щелкунова* *) и бѣдныхъ малолѣш-ныхъ его дѣшей (См. VIII Но *Благонамѣ-*
реннаго на прошедшій 1818 годъ, сшран. 255) доставлены по назначенію.

Полученныя Издашелемъ 3го ч. сего Юня ошъ дѣвицы *Надежды Тилоѣбевны Крикуновской* на богоугодное дѣло *десять* рублей отданы имъ въ шопъ же самый день бѣдной дѣвицѣ *К. П. Софроновой*, во-спитанницѣ Смольнаго Монастыря, копо-рая, при разстроеномъ здоровѣ, кормитъ своими шрудами дряхлую *семидесятилѣш-*

*) Живешъ 3 Адм. части 3го кваршала у Церкви Вознесенія Господня въ домѣ Порупчика Шелковнико-ва подъ Но 169, ошъ угла вшорыя вороша въ чешвер-шомъ эшажѣ.

нюю мать, давно уже страдающую главною болью и лишенную почти вовсе зрѣнія. Она живеть съ нею Липейной части шрешьяго кваршала въ *хлѣбной* улицѣ, при самомъ входѣ въ оную изъ *шестилавогной*, въ угольномъ домѣ мѣщанина *Денисова* подѣ No 322.

Извѣстія о новыхъ Рускихъ книгахъ *).

1819.

10. *Законы Великаго Князя Иоанна Васильевича и Судебникъ Царя и Великаго Князя Иоанна Васильевича, съ дополнительными указами, изданные Константиномъ Калайдовичемъ и Павломъ Строевымъ.* Москва, въ тип. С. Селивановскаго, въ 4 ку XXIX и 115 стран.

*) Издашель *Благонамѣреннаго* не имѣеть, къ сожалѣнію, столько досуга, чпо бы извѣщашь съ надлежащею подробностію Публику о выходящихъ вновь Рускихъ книгахъ, а о многихъ изъ нихъ, относящихся болѣе къ наукамъ, нежели къ словесности, и судить не можеть. И такъ намѣрень онъ съ нынѣшняго времени объявлять шолько вкратцѣ въ своемъ *Журналѣ*

11. *Краткая Повѣсть о смерти Петра Великаго, Императора Россійскаго* (соч. знаменитаго Архіепископа *Феофана Прокоповита*). С. П. б. въ шип. Департамента Народнаго Просвѣщенія, въ 8 ку, 69 стран. *)
12. *Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго Князя Новгорода-Сѣверскаго, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ, съ присовокупленіемъ примѣтаній*. С. П. б. въ

о новыхъ, хорошихъ и заслуживающихъ вниманіе Рускихъ книгахъ, не входя ни въ какія съ своей стороны объ оныхъ сужденія. Впрочемъ съ удовольствіемъ и съ благодарностію помѣстимъ онъ всякую хорошую реценсію, если кому угодно будетъ присылать къ нему критическіе свои разборы и замѣчанія. — Критика очень полезна, даже необходима, но и не такъ-то легка. Можно иногда въ одинъ вечеръ написать удачно реценсію на книгу, но напередъ должно употребить два или три вечера, а можешь быть недѣлю, двѣ и болѣе, смотря по величинѣ и важности книги, на прочтеніе оной со вниманіемъ, на справки и ш. п. Какъ же можно успѣть шусь Издашелю, когда онъ, сверхъ прочихъ своихъ занятій, долженъ въ каждыя двѣ недѣли составить одну книжку своего Журнала. On fait ce qu' on peut et non ce qu' on veut.

*) Продается у Издашеля (Г. Олина), живущаго въ большой Коломнѣ у Покрова, въ домѣ Г-жи Тарасовой, подъ No 369, и въ типографіи Департамента Народнаго Просвѣщенія. Цѣна 2 руб.

шип. Департаментна Народнаго Просвѣщенія, въ 4 ку 88 стран. *) См. *Сынъ Отечества* N° 23 и *Рускій Инвалидъ* N° 127.

13. *Записки Морскаго Офицера, въ продолженіи кампаніи на Средиземномъ морѣ, подъ начальствомъ Вице-Адмирала Дмитрія Николаевича Сенявина. Часть III.* С. П. 6. въ Морской Типографіи, въ 8 ку 262 стран. (Къ сей 3 й части приложены: планы сраженія въ *Дарданеллахъ* и при *Афонской горѣ*; виды: *Тенедоса* и крѣпости *Св. Жуліана* при устьѣ *Тага*) **). См. *Сынъ Отечества* N° 23 и *Рускій Инвалидъ* N° 126.

*) Прод. у Г. Коллежскаго Ассессора *Пожарскаго*, живущаго у Гагаринскихъ банъ въ домѣ Генерала Пашкуля подъ No 21.

**) Подписка на сію книгу продолжаться будетъ до 1 ч. Сентября. За опъздомъ Сочинителя многоцодные благоволяшь опіносятся къ Г. *Статскому Советнику Петру Ивановичу Соколову*, Секретарю *Россійской Академіи*, живущему въ домѣ *Академіи Наукъ*. Подписка принимается здѣсь въ С. П. буреѣ: въ Канторѣ редакціи *Военныхъ Вѣдомостей (Рускаго Инвалида)* на Сѣнной въ домѣ Гжи Полпорацкой, также въ книжныхъ лавкахъ: *Павильщикова*, *Слениныхъ*, *Плюшара*, *Глазуновыхъ*, *Заикина* и *Свѣшникова*; въ *Москвѣ*: у *Свѣшникова*, *Ширлева*, *Душина* и *Глазунова*. Цѣна за всѣ 4 части съ 20 картами, видами и планами сраженій, на любской бумагѣ 35, а на проспой,

14. *Исторія Римская отъ основанія Рима до разрушенія Западной Имперіи. Сочиненіе Гольдсмита. Часть I. Перевелъ съ Англійскаго Алексѣй Огинскій. С. П. б. въ тип. Іос. Іоаннесова, въ 8 ку, 459 сщран. (Къ сей части приложены двѣ каршы: Римской Имперіи и древней Испаліи). См. Рускій Инвалидъ N° 103 *).*

кошорой оспаешся уже очень мало экземпляровъ, 25 р. На пересылку прилагается за 8 фунтовъ. Особы, доспавившія по первому объявленію 2 р. 50 к., исключивъ оныя, оспальное благоволяшъ пересылать въ шѣ мѣста, гдѣ подписались. Особы, подписавшіяся у Издашея, благоволяшъ получашъ экземпляры свои въ книжной лавкѣ бр. Слениныхъ.

*) Получащъ можно въ книжныхъ лавкахъ брашъевъ Слениныхъ, у Казанскаго моста въ домѣ Кусовникова и въ Госпиномъ дворѣ по зеркальной линіи подъ No 53, также у самаго Переводчика Коллежскаго Ассесора Алексѣя Григорьевича Огинскаго, живущаго въ Сергіевской улицѣ, Липейной части 5 кваршала, въ домѣ по No 601. Цѣна за обѣ части, безъ каршъ, здѣсь въ С. П. бургѣ 15, а съ пересылкою 20 р. Особо же за каршы прилагается по 5 р. Тамъ же получащъ можно *Сокращенную Исторію Греціи* шого же самаго Автора и переводчика и подписыващся на *Сокращенную Англинскую Исторію*, которая выдешъ въ слѣдъ за 2 частію *Римской Исторіи*. Цѣна *Грегеской Исторіи* здѣсь въ С. П. бургѣ 10, а *Англинской* 5 р. за пересылку въ другіе города прилагается по 2 р. а за каршы къ *Грегеской Исторіи* 5 р. Особы копорымъ угодно будешъ подписатъся вдругъ на всѣ

15. *Повѣсти, Анекдоты и смѣсь, изданныя М. Каченовскимъ. Часть I.* Москва, въ Университетской типографіи, въ 12 ю долю листа, 290 стран. *).
16. *Переводы въ прозѣ Владиміра Измайлова Часть II.* Москва, въ Универ. тип. въ 8 ку, 238 стр. См. объявленіе о первой части сей книги въ VIII N^o *Благонамѣреннаго на нынѣшній годъ* **).
17. *О чудесныхъ дождяхъ, (или необыкновенныхъ) и о низпадающихъ изъ воздуха камняхъ (аэролитахъ). Сочиненіе Ивана Мухина, Императорской Академіи Наукъ Элеа по Хилии. Съ эпиграфомъ: Naturae mysteria potius indagare, quam divinare Bergm. Opuscul, Phys. et chem. Том II. р. 21. Upsaliae 1780. С. II. 6. въ тип. ИМПЕРАТОРСКАГО Воспитательнаго Дома, въ 8 ку, XXII и 108 стран ***).*

сія 5 книгъ, получаютъ оныя здѣсь въ С. П. бургѣ за 25 р. а въ другихъ городахъ за 30 р. Замѣшимъ мимоходомъ, что историческія творенія славнаго Гольдсмита признаны классическими.

*) Сія книга состоятъ будетъ изъ пяти частей и служишь продолженіемъ *Библиотеки повѣстей и анекдотовъ* изданной въ 1817 году почтеннымъ императоромъ нашимъ М. Т. Каченовскимъ. Получать можно по и другое у Коммисіонера ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета А. С. Ширлева.

**) Подписка принимается въ Москвѣ, въ Университетской лавкѣ.

***) Продается у Сочинителя по 5 р. экз. въ бум.

18. *Руководство ко взаимному обученію, изданное Николаемъ Гретемъ. С. П. б. въ шип. Издашеля, въ 8 ку, 80 стран. съ одною таблицою и двумя чершежами *)*.

т т т т т

Первая часть новаго перевода *Жилблаза*, о которомъ объявлено въ VIII N^o сего журнала, уже печатается и выдѣтъ въ непродолжительномъ времени. Подписка принимается у Переводчика, *Аполлона Александровича Никольскаго*, живущаго Липейной части 4 кваршала въ переулѣ за церковью Спаса Преображенія, въ собственнolz домѣ подъ N° 400 и у Издашеля *Благонаимѣреннаго*. Цѣна за всѣ 8 частей съ портретомъ Автора и съ гравированными картинками при каждой части, здѣсь въ С. П. бургѣ 25, а съ пересылкою въ другіе города 30 р. За сію же самую цѣну можно получать у того и у другаго *Пантеонъ Руской Поэзій*, или собраніе лучшихъ Рускихъ стихотвореній, изд. покойнымъ *П. А. Никольскимъ* въ шести частяхъ или въ двѣнадцати книжкахъ.

т т т т т

(15 Іюля)

Особы, желающія получить Журналъ сей и на остальную нынѣшняго года половину, т. е. съ Іюля 1819 по Январь будущаго 1820 года, благоволятъ подписываться заблаговременно.

*) Прод. въ лавкахъ Плавильщикова, Слениныхъ и Глазунова по 3 р. въ бум.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ІЮНЬ. 1819. N° XII.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ НЕМЕЗИДЪ ИЛИ БОЖЕСТВУ
НЕСЧАСТІЯ.

(Взято изъ Антологіи.)

(А. Н. Ж.)

Руководитель жизни строгій,
Посоль карающихъ судебъ,
Несущій плачь равно въ чершогѣ
И въ мрачный нищеты вершеть,
Удары чьи неотразимы
Всегда направлены въ сердца—
Отъ узъ раба—до діадимы,
Чело гнѣшущей гордеца!

*

При жребіѣ стоящій смертныхъ
 И испышашель грозный ихъ!
 Кто былъ укрышь, въ стремленьяхъ щеще-
 ныхъ,
 Отъ адамантныхъ стрѣлъ своихъ?
 Кто жертва своего урока,
 Себя ничтожнымъ не считалъ?
 Кто не дилъ слезъ горящихъ шока,
 Когда тобой гонимымъ спалъ?

*

Но и отраду средь шерпѣнья,
 Какую кажешь ты душамъ? —
На міръ—холодный взгляды презрѣнья —
И взоръ надежный къ небесамъ!

Милоновъ.

~~~~~

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Сынъ скорби! ободрись! Всегда ли тебѣ
 крушиться?
 Уже ли ты забылъ, что есть награда *талибъ*;
 Что бранный прахъ одинъ ко праху возвра-
 щается,
 А швой безсмертный духъ воспрянетъ къ
 небесамъ?
 Ужель ты думаешь, что доски гробовыя,
 Для человѣчества послѣдній есть удѣлъ;

Что гений и талантъ, любовь и симпатія
Въ могильной пѣсношѣ находяшь свой предѣлъ?

И по спрашилище, что смерпью называешь,
Не естъ ли плодъ мечшы, не призракъ ли пустой?

Твой часъ пробьешь—и ты, счастливецъ,
повстрѣчаешь

Не гнусный сей скелетъ съ звѣнящею восою—
Благаго Ангела увидишь предъ собой!

Земное кончишь, небесное начнешя!

Граница важная! Счастливымъ переходъ!

Освобожденный духъ оковы разорветъ

И въ лоно горнее съ любовью вознесетъ.

Дополъ же—перпи, не унывай душой!

Земныя скорби всѣ однѣ лишь испытанья;

Къ блаженству шествуюшь перпѣнія спезей

И нѣтъ награды тамъ, гдѣ не было спрданья.

Стремися къ горнему; забудь родимый прахъ;

Пожертвуй истинѣ любимы заблужденья;

Все прочее отдай на волю Провидѣнья

И помни, что одно блаженство—въ небесахъ!

В. К.—вб.

ВЕСЕННЕЕ ЧУВСТВО.

Вопшь опяшь весна явилась

И въ долинахъ и въ лугахъ;

Благодашная спустилася
Въ свѣшозарныхъ облакахъ.

*

Все творенье воскресаешь,
Сокрушились цѣпи водъ,
Мрачну душу оживляешь
Проясненный неба сводъ.

*

И страдалецъ безопрадной
Разлучается съ тоской,¹
И въ душѣ, ошъ скорби хладной,
Снова чувствуешь покой.

*

Спящій Геній пробудился
И веснѣ хвалу поешъ.
Ты ли, ты ли возвратился,
Свѣшлый призракъ юныхъ лѣшъ?

*

Не ужель то предвѣщанье
Для души весеннихъ дней?—
Иль одно воспоминанье
Нѣжной юности моей?—

*

Нѣшъ! Свяшаго Провидѣнья
Безпредѣльна доброта

И души моей паренья —
 Не минутная мечта!

*

Жезль *Надежды* преломился
 Пусть давно въ рукѣ моей!
 Образъ *Вѣры* мнѣ явился
 Средь блистательныхъ лучей.

22 *Апрѣля.*

В. К—вѣ.

~~~~~

КЪ ЕЛЬВИРѢ.

Ельвира! посмотри, на пару голубковъ,
 Которые вокругъ тебя шеперь летаютъ:
 Прелестны голубки, повѣрь, Ельвира! знаютъ,
 Что тамъ и счастье, гдѣ нѣжная любовь.
 Смоди, какъ голубокъ съ голубкою играешь,
 Какъ нѣжишь онъ ее, какъ носикомъ лоб-
 заешь!..
 Смоди, они взвились, и страстный голу-
 бокъ,
 Опъ милой ни на шагъ!—Какой любви урокъ!
 И какъ имъ не плѣняшься?
 Ельвира милая! подобно голубкамъ,
 Любишь бы надобно и намъ;
 Но людямъ не дано симъ счастьемъ наслаж-
 даться!
 Ссылаюсь, милая Ельвира! на тебя:

Ты помнишь, какъ клялась во вѣкъ любить
меня;

И мною только жить и мною утѣшашься?

Но ахъ! гдѣ правда словъ?

Гдѣ клятва? гдѣ любовь?....

Ты о другомъ шеперь, Ельвира! воздыхаешь,
И клятву: *вѣкъ любить*, другому повтораешь.

Силбирскѣ.

А. Маздорфѣ.

ГОРОДСКАЯ МЫШЬ и ПОЛЕВАЯ.

Басня.

Случилось къ Мыши полевой

Зайти когда-то городской.

„Ахъ! милая моя! ты жизнь ведешь спрадая!“

Со вздохомъ говорить, знакомку обнимая!

„Я съ груснубъ умерла,

Когда бы здѣсь жила!

А ты—не надивлюсь!—довольна, весела!

Иль, можетъ быть, привычка?“

— Ты ошибаешься; мнѣ сполько горя нѣтъ!

Ей та въ опвѣтъ:

Но что съ тобой, скажи, ты высохла какъ
спичка?

Знашь городская жизнь различна съ полевой!

Здѣсь царствуетъ покой!

У васъ же, думаю, заботы безконечны...

А опть забошъ нельзя не похудоушь!

Не гнѣвайся; мы здѣсь чиспосердечны...

Ты такъ худа, что спрашно и смѣршь!

Или больна была?—„Да...я не домогала.“

Съ запинкою воспрушка опвѣчала:

„Но засидѣлась я, мнѣ время и домой...“

—Да посиди со мной,

Ужь пошчасъ и бѣжашь! — „Мнѣ право не
досужно!

Еще въ мѣстахъ двухъ, шрехъ бышь
нужно...

Ябь рада...“—Ну просши.—Проспились, об-
нялись,

Другъ друга въ рыльцо чмокъ, еще и разо-
шлись.

Недѣлю погодя, зашворница рѣшилась

Узнать жипье-былье знакомки городской;

Проспившись со своей смиренною норой,

Тихонько поплелась и кой-какъ дотащицалась.

Хозяйка внѣ себя! на шею гостыѣ прыгъ,

Цалуетъ, обнимаетъ

Въ любви своей и въ дружбѣ увѣряетъ..

„Садись-ка, гостыюшка, садись, а я вопъ
въ мигъ

Попощую тебя, ужь прямо одолжила!

А я лишь объ тебѣ съ друзьями говорила...

Жалѣла, милая, жалѣла все тебя!

Ты погребла себя;

Живешь почши въ шюръмѣ, безъ всякихъ
наслажденій,

Безъ всѣхъ увеселеній...

Какая эшо жизнь! Послушайся меня:
Оставь поля свои, оставь уединенье!

Ну, сдѣлай одолженье,
Переселися къ намъ,
Своимъ друзьямъ:

Мы въ роскоши живемъ, нужды со всемъ
не знаемъ;

Сыръ, сало...словомъ, все запасено у насъ!

Весельежъ каждой часъ!

И часто въ радостяхъ опасность забываемъ!..“

—Опасность? Развѣ ешь?—„Да...иногда...
Случается...но рѣдко, не всегда...

И гдѣ, скажи сама, опасности минуетъ?

Но, милая, вѣдь ты конечно здѣсь ночуешь?

Я въ шомъ увѣрена....не времяль намъ поѣсть?

Изволь сюда подѣстъ,

Вотъ видишь ли: и хлѣбъ и сыръ и солонина

И рыба ешь; вотъ стерлядь, осетрина...

Все, все ты здѣсь найдешь! покушай, не
чинись.“

Но только лишь они за пищу принялись,

Еще куска не съѣли,

Какъ двери съ шумомъ заскрипѣли,

И вдругъ въ чуланъ

И Ключница и Кошъ буянь—

И прямо на мышъ; но мышки ускользнули.

Однако же съ шрудомъ....насилу отдохнули!

Но вотъ по прежнему въ чуланъ тишина;

Коша и Ключницы какъ будшо не бывало!

Полегче мышкамъ стало! —

„Ты, гостыюшка моя, конечно голодна“

Хозяйка говоритъ: „не хочешь ли покушать?“

Спокойно, тихо здѣсь, изволь сама прислу-
шасть,

Коша и Ключницы давно въ чуланъ нѣшь!“

—Спасибо! та въ отвѣтъ:

Изволь-ка здѣсь одна съ богашствомъ оспа-
вашься;

Пусть все передъ побой!

А я въ тюрлицу свою хочу скорѣй убраться;

Гдѣ Ключница и Кошъ, какой мышамъ покой! —

*

Друзья любезные! согласныль вы со мною,

Что счастье средь заботъ не можешь про-
цвѣшать?

Гдѣ нѣшь спокойствія, тамъ счастьемъ не
бывашь!

Одинъ лишь селянинъ съ невинною душою,

Подъ мирну сѣнь лѣсовъ навѣкъ уединясь,

Отъ злобы, суешы, коварства удалясь,

Бесѣдуешь въ глуши съ сокровищемъ безцѣн-
нымъ.

О вы, поля мои! мой скромный уголокъ!

По гробъ останусь я вамъ другомъ неизмѣн-
нымъ!

Простите суешы и роскошь и порокъ!

Простите, хитроссти, заботы, обольщенья!..

О васъ ли думашь мнѣ въ раю уединенья!

Сибирскѣ.

А. Маздорфъ.

~~~~~

ЗАВѢЩАНІЕ ПЬЯНИЦЫ.

Когда опъ пьянства я окончу жизнь
 унылу,
 Друзья! прошу меня въ сей бочкѣ положить
 И жизнь мою однимъ стихомъ изобразить:
Покойникъ самъ себѣ изрылъ сію могилу!

О. С.

ПОХВАЛА БАХУСУ.

Божественна швоя, о Бахусъ! власть;
 Предъ нею все готово пасъ!
 Покорствуя себѣ, Природа
 Различны времена шворить въ печенъи года:
 Весну прелестную — чшобъ виноградъ раз-
 цвѣль,
 И лѣпо знойное—чшобъ лучше онъ созрѣль,
 И осень—чшобъ вино изъ гроздовъ выжимали,
 И зиму—чшобъ его поболѣ выпивали.

Орестъ Соловѣ.

ЗАГАДКА.

Друзья! чшо значить сей фантомъ
 Съ умильнымъ, ласковымъ лицомъ,
 Но и съ когтями и съ хвостомъ,
 (Подобье древня супосшаша)

Трубишь въ бумажную трубу,
Увѣнчанъ лаврами *Марата*,
Обрызганъ кровью *Коцебу*?

В. К—еб.

ШАРАДЫ.

1.

Слогъ *первый* власъ всегда иль дружбу
означаетъ
И всякъ изъ насъ его часенько повпоряешъ;
Второе же естъ звукъ несносный для ушей
И только слышимый близъ водъ и камышей.
А *цѣлое* мое варяшъ чиняшъ и жаряшъ;
Не всѣ его ѣдяшъ, не многіе и хваляшъ.

К.

2.

Я *первое*—спрашусь *второва*,
Коль примушъ *цѣлое* въ судѣ опъ *Праволова*.

Вл.

(Изъ помѣщенныхъ въ № XI Шарадъ первая
значитъ: *Воз-духъ*, а вторая: *Суд-но*.)

П Р О З А.

КАБИНЕТЪ БАВОЧЕКЪ.

Повѣсть Фридриха Кинда.

На минеральныхъ *** скихъ водахъ случай свель меня опять съ Докпоромъ Н., поварищемъ и другомъ моей юности. Имя его Фердинандъ. Такъ я и буду называть его, не упоминая о фамилии, изъ уваженія къ нѣкошорымъ особамъ, находящимся еще въ живыхъ.

Мнѣ трудно было узнать его: такъ измѣнилось его лице, прежде здоровое и полное; такъ пошускли и впали глаза, блискавшіе нѣкогда живоспію и веселіемъ. За три года передъ симъ въ эптомъ же самомъ мѣспѣ возобновили мы въ первый разъ юношеское знакомство наше: тогда онъ почитался здѣсь искуснѣйшимъ изъ молодыхъ врачей и съ большимъ успѣхомъ лечилъ другихъ; теперь онъ самъ имѣлъ нужду въ искусномъ лекарѣ. Тогда все предсавляло въ немъ довольствіе и жизнь, исполнен-

ную телѣсной и душевной силы; теперь въ изнеможеніи, безпокойный, задумчивый, сдѣлавшійся почти нелюдимомъ, походилъ онъ на жершву, подсѣченную уже косою смертїи.

Послѣ обыкновенныхъ при свиданіи привѣщствій и вопросовъ, не могъ я удержаться, что бы со всею осторожносною дружескаго участія, не изъявишь предъ нимъ своего удивленія столь явной переменѣ. Онъ въ полслова опрѣчалъ мнѣ, что это ничего не значить и вскорѣ нашель случай опъ меня увернущься.

Прошло два дни. Я не пропустилъ ни одного публичнаго собранія, но нигдѣ уже не повспрѣчалъ его. Вечеромъ на третій день нашель я его наконецъ въ игорномъ домѣ. Поодаль опъ жадной толпы людей, устремившихъ все свое вниманіе на спавку, сидѣлъ онъ одинъ въ шемномъ углу и вопреки жестокому кашлю, кошорый его мучиль, глошаль или лучше сказать, лиль въ себя крѣпкій пуншь.

Зная, что при первомъ нашемъ свиданіи онъ съ намѣреніемъ опъ меня

скрылся, я ни мало не оскорблялся шѣмъ —напрошивъ, эпо еще болѣе побудило меня стараться снискашь его довѣренности, помочь ему, если можно, или по крайней мѣрѣ облегчить душевную его скорбь дружескимъ соучасствіемъ. Я сдѣлала ему по прежнему искреннее привѣщствіе, спросилъ себѣ спаканъ пуншу, велѣлъ подать свѣчу и сѣлъ подлѣ него. Сначала опивѣшы его были также холодны и опривисшы, но мало по малу воспоминаніемъ блаженныхъ дней нашей юности мнѣ удалось распоить ледъ, подъ копорымъ сердце его, казалось, замерло со всѣми чувствами. И въ то мгновеніе, когда онъ самъ, забывъ настоящее, съ горестію воскликнулъ: „ахъ, тогда блиспало солнце весеннее — оно закрылось вѣчнымъ шуманомъ!“ могъ уже я свободно спросить: почему же вѣчнымъ? Лѣтѣ жизни также пріятно.

„Вѣчнымъ! вѣчнымъ!“ возразилъ онъ опяшь, неподвижно успремивъ на меня взглядъ свой; попомъ понизя голосъ и боязливо озираясь вокругъ, примолвилъ: „съ кѣмъ шо случилось въ жизни, что со мною, и кто при эпомъ не со-

всемъ безвиненъ, потому уже не ждашь на свѣтѣ радостей.“

Видъ и голосъ его привели меня въ шрепешъ. Смятеніе мое отъ него не скрылось. „Завтра поупру, сказалъ онъ подумавъ, приходи ко мнѣ—въ домъ *красной звѣзды*. Нѣкогда ты былъ такъ близокъ моему сердцу; въ послѣдніе же пять лѣтъ чуждъ всего, что до меня касалось—такъ! тебѣ, одному тебѣ могу повѣрить тайну судьбы моей. До завтраго—прощай!“

Неперпѣливо ждалъ я утра; еще съ большимъ неперпѣніемъ искалъ жилища Фердинанда. Оно было изъ самыхъ опдаленнѣйшихъ во всемъ мѣстечкѣ: мрачный домъ стоялъ среди густыхъ, сросшихся между собою липъ, сквозь копорья шла узкая дорожка къ кладбищу. Окна перваго этажа, гдѣ онъ жилъ, завѣшены были гардинами. Дверь была заперта; спущусь — онъ отворилъ не прежде, какъ узнавъ меня по голосу; вспрѣшилъ молча, въ нанковомъ серпукѣ; видъ его показывалъ, что онъ провелъ ночь безо сна.

Каково ты спалъ? спросилъ я, по-

смопрѣвъ на помные, покраснѣвшіе глаза его. „Мало!“ опивѣчалъ онъ опры-
виспо; попомъ съ принужденною улыб-
кою, указывая пальцемъ на висящій надъ
кровашью женскій портретъ, примол-
вилъ: „знаешь:

Свѣшпшь мѣсяць, долъ сребришся
Мершвыи съ дѣвицею мчится;
Путь ихъ къ кельѣ гробовой!“

— Чѣмъ же ты занимаешься такъ
рано?—продолжалъ я.

„Уже давно — опивѣчалъ онъ, желая
казаться спокойнымъ—ломаю я голову
надъ шѣмъ, опъ чего легче умереть: опъ
сабли или опъ сѣкиры палача, и эпо,
судя основашельно, не совсемъ легкая
задача.“

И въ самомъ дѣлѣ не безъ удивленія
увидѣлъ я на сполѣ его анатомическіе
рисунки и модель гильошины.

Что бы прервать разговоръ о семъ
ужасномъ заняшій, я обратился къ пор-
трету. Эпо была прекрасная женская
голова съ длинными, свѣшлорусыми во-
лосами: въ черныхъ глазахъ изобража-
лась жизнь и душа. Въспо обыкновен-
ной цвѣшной гирлянды, рисунокъ окру-

женъ былъ цѣпями и—спрванное предчувствіе овладѣло мною. Хотя въ то же мгновеніе показалось смѣшнымъ — женщина была въ бѣломъ плащѣ съ черными леншами. „Эпошь поршреть очень схожъ, сказалъ Фердинандъ, я самъ рисоваль его. Но уже пора! Садись и слушай!“

Онъ взялъ меня за руку и посадилъ на софу, споящую прошивъ поршрета. Какъ ни билось сердце мое въ боязненномъ ожиданіи, но я принуждалъ себя казаться хладнокровнымъ.

„Не ожидай опъ меня—началь онъ—чего нибудь чрезвычайнаго. Изъ приключеній, кошорья буду разсказывать, каждое опдѣльно ничего не значить и случается едва ли не повседневно; одно шолько гибельное сцѣпленіе ихъ могло надъ головой моей сковашъ бремя злополучій, подъ кошорымъ я долженъ пастъ неминуемо.“

Еще на одиннадцатомъ году опъ роду имѣлъ я небольшую любовную связь съ дѣвушкою, лѣшь двѣнадцати. Домъ и садъ моихъ родителей примыкаль къ одному большему Англинскому саду. Владѣшелемъ его былъ содержашель кофей-

наго дома, слышшаго за лучшій во всемъ городѣ—человѣкъ; копорый кошъ и не имѣлъ большаго кредита, но дѣлалъ изрядные денежныя обороты, особливо посредствомъ азартныхъ игръ, бывшихъ въ большемъ употребленіи въ его домѣ. Онъ былъ вдовъ, имѣлъ двухъ дочерей. Старшая, уже взрослая дѣвушка, высокаго роста, прекрасная собою, слыла въ городѣ нѣсколько легкомысленною; впрочемъ навѣрное ничего не знали. Меньшая называлась Ульрикою и тогда уже, въ первомъ цвѣтѣ юности, общала красавицу необыкновенную. Обѣ сестры приходили иногда въ ошцовскій садъ или по хозяйству, или въ хорошую погоду для прогулки.

Я въ то время, по ребяческой склонности, началъ заводиль кабинель бабочекъ, что весьма естественнo заставило меня заниматьса и собираніемъ гусениць. О, дорого мнѣ стоило это занятіе! На немъ, какъ на шонкой нити, висѣлъ мечъ, копорый тогда еще невидимо надо мною носился.

Оба сада раздѣлялись только полу-согнвнымъ, дощатымъ заборомъ, ко-

порый съ нашей стороны обсаженъ былъ акаціями и виноградомъ. Однажды, какъ я со всею дѣшскимъ усердіемъ искалъ на вѣшьяхъ гусеницъ, Ульрика, смотря въ скважину забора, спросила что я дѣлаю. Я сказалъ ей, и такимъ образомъ, какъ обыкновенно водятся между дѣшскими, мы вскорѣ весьма коротко познакомились. Ульрика увѣрила меня, что въ ихъ саду такихъ червячковъ множество, начала искать ихъ также прилежно, какъ и я, и подавала мнѣ гусеницъ на древесныхъ листочкахъ сквозь опверзшіе между досками.

Съ тѣхъ поръ я еще болѣе полюбилъ маленькой кабинетъ свой и приходя въ свой садъ за гусеницами, всегда прислушивался, нѣтъ ли въ сосѣднемъ Ульрики. Она также не пропускала случая помогать мнѣ, когда это было во время ея прогулки. Такимъ образомъ руководимые тайнымъ движеніемъ сердець, мы сходились часто у забора и по цѣлымъ часамъ разговаривали между собою съ дѣшскою откровенностію. Наконецъ удовольствіе видѣть другъ друга заслужило мѣсто охоты собирать гусеницъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ нашего знакомства черезъ спѣну, подобнаго бесѣдамъ Пирама и Тизбы, пришла намъ охота поиграть другъ съ другомъ. Ульрика нашла почти совсемъ опдѣлившуюся отъ забора доску, копорая держалась только на одномъ гвоздѣ. Я безъ труда опдернулъ ее прочь и въ одно мгновеніе перескочилъ въ садъ Ульрики.

Мы начали вмѣстѣ рѣзвиться, играть, бѣгать и часпо преслѣдовашель, догоняя бѣглеца, бралъ его за голову и награждалъ себя невиннымъ поцѣлуемъ. Такимъ образомъ сходились мы по крайней мѣрѣ однажды въ недѣлю. Какъ же скоро наступало время разсѣивашья, по какому-то инстинкту, прикрѣплялъ я всегда опорванную доску къ забору, чтобы никто не зналъ о моей оплучкѣ и о нашихъ свиданіяхъ. Одна только Ульрикина сестра была свидѣтельницею нашихъ забавъ; она обходилась со мною очень ласково, часпо шрепала меня по щекѣ, гладила по головѣ; пока мы играли, она садилась читашь книгу и смопрѣла съ улыбкою, когда

мы, при каждомъ свиданіи и разлукѣ, обнимались, какъ нѣжнѣйшіе любовники.

Однакожь эти свиданія не надолго оспались шайною въ нашемъ домѣ: начали подшучивать надо мною и дразнить меня Ульрикою. Родители мои по видимому не обращали на по никакого вниманія, но однажды я совсемъ неожиданно, вмѣсто старой согнившей доски, нашель совершенно новую и пожайная лазей была задѣлана накрѣпко. Съ сей полько минушы знакомство мое съ Ульрикою спало казаться мнѣ чѣмъ-то важнымъ и при всей своей невинности я почипаль его какъ бы уже совершенно любовною связью; я подумаль, что честь моя пребуешь не смопрѣшь ни на какія препяшшвія, и рѣшешка, сдѣланная для подвязыванія винограда, служила мнѣ на сей разъ лѣшницею, по кошорой я перебрался черезъ заборъ. Не безъ внушрренняго удовольшшвія объ удачѣ моего геройскаго подвига, полешѣль я, какъ легкая серна, въ обьяшія Ульрики.

Возвращаясь назадъ, увидѣль я бапюшку, кошорый прогуливался по средней

аллеѣ, что весьма рѣдко случалось, по-
тому что садъ нашъ отдавался въ най-
мы и часто по цѣлымъ мѣсяцамъ никшо
изъ нашего сѣмейства, кромѣ меня, въ
него не заглядываль. Онъ побраниль ме-
ня за безразсудную опважность, опъ
которой могъ я сломить себѣ шею; по-
томъ намекнулъ слегка, что если хо-
чешся мнѣ играть съ Ульрикою, то мож-
но ходишь другъ къ другу черезъ улицу.

Мы пользовались нѣсколько разъ
симъ позволеніемъ, но удовольствіе въ
забавахъ нашихъ уже исчезло; мы не
могли играть съ такою свободою какъ
прежде, пошому что бапюшка споялъ
всегда у окна, наблюдая всѣ наши ма-
лѣйшія движенія.

За то мы вскорѣ спали находишь
случаи встрѣчаться въ другихъ мѣстахъ,
гдѣ могли обращаться между собою не-
принужденнѣе; короче, съ шого времени
мы начали почипать себя совершен-
ными любовниками. Можешь бышь, эпа
мысль никогда—или по крайней мѣрѣ въ
шо время—не пришла бы намъ въ голо-
ву, еслибъ не обрашили на насъ внима-
ніе, какъ ни спарались впрочемъ скры-
вашь эшо.

Но вскорѣ другая, гораздо важнѣйшая опасность начала угрожать любви нашей — именно чрезвычайное различіе въ положеніи мальчика и дѣвушки въ то время, когда выходяшь они изъ дѣтства. Тутъ дѣвушка начинаешъ привлекать на себя взоры мужчинъ и нѣкоторымъ образомъ переходишь въ другую сферу; мальчикъ все еще сидишь въ школѣ за книгою и, въ сравненіи съ своею ровесницею, оспается какъ бы въ униженіи; дѣвушкѣ нуженъ только женихъ, что бы вспуишь супругою въ общественный кругъ людей; юноша долженъ еще положить основаніе своей будущей дѣятельности, основаніе швердое, на копоромъ укрѣпится со временемъ его домашнее и гражданское бышіе.

И между нами эшо различіе половъ не могло не произвести обыкновеннаго своего дѣйствія. Способности Ульрики развились: цвѣточная почка сдѣлалась прекраснѣйшею розою; обожашели, окружавшіе прежде шолько сесшру ея, казались нѣсколько времени приверженными къ нимъ обѣимъ, а потомъ обратились всѣ къ одной Ульрикѣ. Вскорѣ кра-

соча ея привлекла новыхъ любовниковъ изъ шѣхъ молодыхъ людей, копорые посѣщали домъ ошца ея.

Сначала Ульрика, казалось, избѣгала всякаго случая оскорбишь меня своимъ невниманіемъ и чрезъ то подашь поводъ къ разрыву, но мало по малу начала уже держашь меня въ нѣкопоромъ опдаленіи и играшь роль взрослой дѣвушки; она была со мною очень ласкова, когда мы бывали одни съ нею, но при свидѣшеляхъ, даже при сеспрѣ своей, обходилась довольно холодно. Тысячи препяшпвій приходили ей обыкновенно въ голову, когда дѣло шло о свиданіи со мною, между шѣмъ какъ не замѣшно было никакого принужденія въ обхожденіи ея съ другими; взрослыми уже мужчинами.

Во мнѣ воспылала ревность, разумѣтся сама по себѣ очень смѣшная; маленькое мое шщеславіе оскорблялось; гордосшь моя пробудилась. Я самъ началъ опъ нея бѣгашь и спарался забышь ее. Долго сердце мое прошивилось испребишь ее совершенно изъ памяти; но когда я однажды идучи въ школу,

вспрѣшилъ ее въ коляскѣ съ опцемъ и двумя Офицерами и когда, пораженной симъ нечаяннымъ явленіемъ, покраснѣвъ какъ нельзя больше, пренещущею рукою снялъ свою шляпу и сдѣлалъ ей низкій поклонъ, между тѣмъ какъ она кивнула только головою—тогда я далъ себѣ священную кляпву почитать ее совершенно для себя чуждою и ни мало о ней не думать, что бы ни случилось съ нею.

Такимъ образомъ съ годъ времени я не видалъ ее и не хопѣлъ ничего о ней слышать. Прилежаніе къ наукамъ съ одной стороны, легкомысліе юности съ другой, испребили ее наконецъ изъ моего сердца. Я сдѣлался старѣе и уже считалъ ребяческую любовь свою, чѣмъ она была въ самомъ дѣлѣ, по естѣ глупостію; я даже началъ спыдишья, вспоминая о ней. Только однажды еще былъ я встревоженъ припадкомъ этой спраспи—когда узналъ, что Ульрика поѣхала съ какимъ-то молодымъ иностраннымъ Барономъ путешествовать. Какъ о томъ говорили въ городѣ, шы легко можешь себѣ предсхавишь.

Признаюсь—это извѣстіе сильно

поколебало мою душу. Презирая легкомыслие Ульрики, я не переставала жалѣть о ней и не могла не извинять ее. Сколь ни велико было мое огорченіе, я все еще желала ей лучшей участи.

Но время исцѣлило во мнѣ и сію рану. Я увѣренъ, что ни въ Академіи, ни при послѣднемъ нашемъ здѣсь свиданіи, ты ни мало не замѣшшь, какъ жестоко былъ уже я тогда пораженъ стрѣлами любви. О какъ счастливъ бы я былъ, еслибъ и теперь нашелъ ты меня въ такомъ же положеніи, какъ тогда оставилъ.

Вскорѣ послѣ разлуки нашей съ тобою семейственныя обстоятельства заставили меня отправиться на родину въ Ф^{***}. Зякъ мой предложилъ мнѣ квартиру въ своемъ домѣ, по ешь въ томъ самомъ, который принадлежалъ прежде отцу моему. Я не могъ отговориться, хотя мнѣ это и очень было непріятно. Я боялся даже малѣйшихъ воспоминаній, которыхъ неминуемо готовило мнѣ это опасное сосѣдство—можешь судить, каково было мое безпокойство, когда я случайно узналъ, что

Ульрика уже съ полгода возврапилась назадъ во всемъ блескѣ прежней красоты своей и живешъ, какъ пусшынница, въ маленькомъ домикѣ въ саду, который отецъ ея, при всемъ разспройсшвѣ своихъ обспояшельспвѣ, удержаль еще за собою.

Въ ту же минушу рѣшилсѧ я никогда не ходишъ въ свой садъ, даже не оспанавливашься у оконъ, пошому чшо добрая сеспра моя нарочно пригошвила для меня комнашу окошками въ садъ, думѧ достпавишъ мнѣ шѣмъ удовольспвиѣ. Нѣсколькo дней оспавалсѧ я швердѣ въ своемъ намѣреніи, хопя Эмилія, помнѧ привязанность мою къ саду, но не зная моихъ опасеній, не одинъ разъ предлагала мнѣ завтракашъ въ бесѣдкѣ. ... Однажды въ сумерки примѣчаю въ сосѣдномъ саду женщину и чѣмъ болѣе смопрю на нее, шѣмъ болѣе увѣряюсь, что это Ульрика. Маленькая, спройная, румяная блондина сдѣлалась уже шеперь насшоящею богинеею красоты.

„Чшо за бѣда, если посмопрю на нее поближе?—думаль я про себя. Чшо прошло, шому уже не бываишъ!“ И самъ не

знаю, какъ я очутился въ саду. Тысяча горестныхъ и сладостныхъ воспомина- ній стѣсняли мое сердце. Я подошелъ къ забору.

Знала ли Ульрика, что я такъ опъ нея близко или какое нибудь воспоми- наніе о прошедшемъ, предчувствіе, сим- патія; привели ее—только глазъ мой, приближась къ щели въ заборѣ, встрѣ- шился съ ея глазомъ и невольное вос- клицаніе: *Ульрика!* вырвалось у меня съ глубокимъ вздохомъ.

Тысячу разъ случалось прежде, что я звалъ ее подобнымъ образомъ; тысячу разъ получалъ я радостный отвѣтъ ея— мудрено ли, что въ эту минушу и она, забывъ все, что было послѣ того меж- ду нами, шикимъ, но привѣпливымъ, голосомъ отвѣчала мнѣ: *да любезный Фердинандъ, это я!*

Но сими немногими словами и кон- чилось наше взаимное привѣпствіе. Мы оба опспунили назадъ и молчали— больше потому, что не знали какъ на- чать разговоръ. Я не хотѣлъ обращающъ съ нею по прежнему, не хотѣлъ го- ворить ей дружескаго *ты*, но и не осмѣ-

ливался почему-то первый сказашь: *вы*. Она, какъ я послѣ узналъ отъ нея, была шочно въ такой же нерѣшимости.

„Вошь уже семь лѣтъ прошло, какъ мы не видались“ такъ началъ я наконецъ: „намъ конечно есть о чемъ поговорить—о многомъ.“

—Я готова! отвѣчала она послѣ минутнаго молчанія. Подите сюда; я опопру вамъ калишку. —

Что было дѣлать? Идти черезъ улицу и бышь замѣчену домашними, мнѣ очень не хотѣлось, но я рѣшился.

Съ шрепещущимъ сердцемъ приближился я къ садовой калишкѣ. Ульрика отворила ее. Я вошелъ и когда увидѣлъ любезную подругу моей юности, споящую передо мною въ сумракѣ развѣсисныхъ деревъ, въ просномъ бѣломъ плашѣ, съ соломенною шляпкою на рукѣ, съ развѣвающимися на открытомъ ея челѣ локонами, со всемъ выраженіемъ дѣшской невинности, съ ангельскимъ взоромъ, въ кошоромъ изображалась небесная душа; когда увидѣлъ, что она не шолько не лишилась прежнихъ своихъ пріятностей, но была истинная Гра-

ція во всемъ блескѣ и величіи красоты, —но могъ ли прошивусшоясь обвороженію настоящаго и прошедшаго, могъ ли не забыть всего, меня окружающаго, могъ ли не броситься къ ней на шею и съ вырвавшимися изъ глубины души словами: *милая, незабвенная Ульрика!* — могъ ли не покрыть ее огненными поцѣлуями?

Съ робкою спыдливостію освободилась наконецъ она изъ моихъ объятий; прежняя любовь, которая была гораздо пламеннѣе, нежели мы думали, казалось, съ новою силою возродилась въ сердцахъ нашихъ.

Рука въ руку, робко поглядывая другъ на друга, ища и не находя словъ, прошли мы два раза взадъ и впередъ большую каштановую аллею. Въ самомъ дѣлѣ эти минушы и для меня и для нея были очень мучительны.

—Нѣтъ, не могу болѣе выдержашь — сказала она съ стѣсненнымъ сердцемъ и сѣла на дерновую скамью; а я, смотря на нее пристально, бѣшался передъ нею стоя. — Фердинандъ! позволишь ли по прежнему говоришь себѣ: *ты?* Вѣдь

мы теперь одни. Называй и меня также, хотя бы и съ видомъ презрѣнія; и самое *унизительное* ты не оскорбишь меня, пока собственное сердце швое заставишь тебя перемѣнишь обо мнѣ свое мнѣніе и найдешь меня достойною *дружескаго*.

„О, не говори такъ, Ульрика!“ воскликнулъ я исполненный состраданія, ошь кошораго въ шу же минушу подозрительность моя заставила меня покраснѣть. Но не смотря на шо, слово *вы* какъ будто замирало на устахъ моихъ. „Если ты сама собою довольна, шо не обязана мнѣ никакимъ оправданіемъ!“ присовокупилъ я гораздо уже равнодушнѣе.

—Пусть и такъ—начала она опяшь съ неописанною пріяшностію. Ты конечно правъ, если судишь, что наша прежняя, ранняя любовь должна теперь казаться намъ смѣшною; но если размыслимъ какъ эша любовь была чиста, искренна, безкорыспна.... Ахъ, для чего я не умерла тогда! Ты бы оплакаль меня, ты бы положилъ на гробъ подруги швоей юности миршовой вѣнокъ; и теперь еще

образъ ея пріяпно улыбался бы тебѣ въ твоихъ мечпаніяхъ!—

Все слышанное мною прежде объ Ульрикѣ заставляло меня думать, что она отъ роскошной и безпорядочной жизни совершенно перемѣнилась; что научившись свѣтскому обхожденію, лишилась она простодушія; что скромность, спыдливость и словомъ, всѣ преимущества женскаго пола для нея уже не существуютъ; что голова ея набиша пустяками — сердце охладѣло. И вдругъ она говоришь мнѣ съ выразительностію и шонкоснію, которыя по крайней мѣрѣ показывали образованный разумъ; съ чувствомъ, которое какъ будто лилось изъ пламенѣющаго сердца. Взглядъ ея, на меня обращенный, былъ шакъ ясенъ, шакъ непороченъ, шакъ выразителенъ, что я стоялъ предъ нею почти какъ виновный. Сколько злой духъ мой ни предостерегалъ меня бышь оспорожнымъ прошиву шонкой, слѣдственнопшѣмъ опаснѣйшей кокепки, но какое-то непреодолимое чувство влекло меня къ Ульрикѣ и я, съвѣ подлѣ нея, схватилъ съ жаромъ ея руку.

„Въ домѣ отца моего — продолжала она — выросла я безъ всякаго надзора. Матери моей не было уже на свѣтѣ; сестра, копорой должно было заступитъ ея мѣсто, занималась полько легкими угожденіями молодыхъ людей, посѣщавшихъ домъ нашъ, и упопробляла меня не рѣдко посредницею въ шайныхъ своихъ переговорахъ, копорые казались мнѣ въ то время шулками. Слишкомъ рано и слишкомъ часно слыхала я, какъ называли меня прекраснѣйшимъ ребенкомъ; къ сожалѣнію не пропускала я мимо ушей и всѣ намеки о томъ, какая судьба ожидаетъ меня черезъ нѣсколько лѣтъ. Сестра моя, полагая все счастье въ богатствѣ и знашности, какъ легкомысленная дѣвушка, часно завидовала красотѣ моей и будущимъ ея пріумфамъ. Даже отецъ мой, копорого однако не хочу обвинять въ томъ, говаривалъ иногда при насъ, что можешь бышь предопредѣлено мнѣ снова возвести его на ту степень благополучія, на копорой онъ прежде находился.“

„Чѣмъ болѣе приходила я въ лѣта, шѣмъ чаще имѣла случаи видѣть, какъ

опличали меня передъ всѣми. Я бы должна была краснѣть за мужчинъ, если бы захопѣла припомнить всѣ ласкашества, копорыми старые и молодые глупцы наперерывъ старались вскружить мнѣ голову и увѣрить меня, что нѣтъ на свѣсѣ другаго существа, мнѣ подобнаго.“

„Такимъ образомъ щеславіе мое довели до высочайшей степени. Съ каждымъ днемъ прибавлялись въ домѣ нашемъ посѣщители. Даже при глазахъ отца моего дѣлали мнѣ дорогіе подарки и казалось, считали особенною съ моей стороны благосклонностію, когда я украшалась ими. Спрасть къ нарядамъ, какъ говоряшь, равно свойственна и молодымъ вѣшренницамъ и образованнѣйшимъ женщинамъ; и пакъ я не почишаю за нужное оправдываешь передъ шобою въ шомъ, что и я не могла прошивуспояшь ея обольщеніямъ.“

„Вскорѣ подверглась я неизбѣжной при шакихъ обшояшельствахъ участи, шо есть, сдѣлалась подобною молодымъ кокешкамъ, копорья, будучи не совсемъ безъ ума, расчишывающъ всѣ свои взгля-

ды и въ шайнѣ отдаюшь преимущество всякому, не забываясь однако ни передъ кѣмъ. Въ сіе-то время, Фердинандъ, начала я спыдишья ранней любви нашей, какъ взрослая дѣвушка спыдишья своей куклы, почему и старалась прекрашшь ее. Но сей разрывъ, судя шеперь равнодушно, и ты безъ сомнѣнія нашель бы проспшшельнымъ, если бы побудишельная причина къ тому была благороднѣе.“

„Между прочими посѣшшителями ходиль къ намъ въ домъ одинъ молодой Баронъ, кошорый съ первой минушы нашего знакомства, казалось, совершенно былъ очарованъ мною. Сильная ревность пошчасъ опкрыла его спрасшь ко мнѣ. Желая превзойши другихъ, онъ испощаль доходы свои на подарки, кошорые истинно можно назвашь царскими; обожаль меня и не скриваль, что ищель не одной минушной связи, но счастья своего въ брачномъ союзѣ со мною.“

„Вскорѣ и самъ опецъ мой не могъ сомнѣвашься болѣе ни въ искренности его намѣреній, ни въ его богатствѣ. Баронъ увѣрилъ насъ прежде всего, что

онъ почти совершенно воленъ располагашъ своею рукою, попому что кромѣ мащери, чрезмѣрно его любящей, не имѣешъ нужды ни въ чьемъ позволеніи на союзъ нашъ, а мащъ его, какъ онъ надѣялся, при первомъ со мною свиданіи, забудешъ всю разность нашего соспоянія. Онъ умолялъ меня, что бы я, выбравъ кого хочу себѣ въ провожащія, рѣшилась послѣдовать за нимъ на его родину. Все это сѣльно подѣйствовало на моего отца, и онъ прислунилъ ко мнѣ съ просьбою, не теряшъ легкомысленно счастья, которое ожидало меня и его; совѣщавалъ оспавить всѣхъ другихъ небогатыхъ и ненадежныхъ моихъ приверженцевъ и оспвѣщивовашъ единспвенно великодушнот и благородной склонности Барона.“

„Признаюсь откровенно, при всѣхъ достоинспвахъ Барона, не могла я любить его. Зная всѣ выгоды, соединенныя съ такимъ бракомъ, не могла я преодолѣть внутренняго чувспва, которое говорило мнѣ, что меня осуждающъ какъ будшо на продажу; сверхъ того настоящее мое положеніе такъ

мнѣ нравилось, что не хопѣлось промѣняшь его на неизвѣстное. Однако предвидя, что всѣ сіи причины слишкомъ маловажны для убѣжденія опца моего, вздумала я употребить какойнибудь предлогъ, что бы по крайней мѣрѣ воспользоваться временемъ. И эшопъ предлогъ скоро нашелся. Машь—природа—ты самъ, можешъ бышь, помнишь изъ прежнихъ дѣтскихъ забавъ нашихъ—снабдила меня небольшимъ запасомъ хипроспи.“

„Очень помню!“ возразилъ я не безъ двусмыслія. Но она нимало не смѣшалась эшимъ и улыбаясь, продолжала:

„Сеспра послужила мнѣ орудіемъ, чшобы внушить опцу моему подозрѣніе. Я возбудила въ ней мысль, что поѣздка къ Бароновой машери прошивна всякому приличію; что увѣщанія Барона безъ сомнѣнія не совсемъ искренны; что весьма неблагоприятно подвергашъ меня, можешъ бышь, шой же участи, которую испытали многія обольщенные такимъ образомъ, и прочее шому подобное. — Право, ты умнѣе меня! сказала сеспра моя, и вскорѣ все это

не только было пересказано бапюшкѣ, но и дошло до Барона.“

„Онъ, казалось, очень оскорбился такою недовѣрчивостію, и я хотѣла уже воспользоваться его гнѣвомъ, что бы доказать всю справедливостъ своихъ заключеній, какъ вдругъ Баронъ приносилъ письмо отъ своей мапери. Она писала къ намъ, что сильная спрашъ сына ея уже для нея не тайна; что она, хотя и опасается нѣкошорыхъ обстоятельствъ, но любя спрашно сына, не можешъ прошивишься его благополучію; что никто, а всего менѣе, ша дѣвица, кошорую она по описанію заочно уважаешъ, не посшавишь ей въ вину, что она считаешъ нужнымъ прежде всего лично узнашъ особу, опредѣленную сосшавишь счасшіе ея сына, а съ тѣмъ вмѣстѣ и ея собшвенное. Далѣе упрашивала меня, что бы изъ уваженія къ ея лѣшамъ, кошорыя не позволяли ей предприняшъ шакое дальнее путешествіе, рѣшилаь я къ ней приѣхашъ; увѣрjala, что я конечно ни въ какомъ случаѣ не буду имѣшъ причіны въ шомъ раскаявашъся; предлагала мнѣ взяшъ

съ собою на ея счешь провожашую. Короче, все письмо, въ подлинности котораго не было никакого сомнѣнiя, служило доказательствомъ самаго благороднѣйшаго образа мыслей. Всякой разъ читая его, чувствовала я въ себѣ что-то необыкновенное, возвышающее душу; оно внушило мнѣ, чѣмъ я должна бышь и чѣмъ не была до того времени.“

„Тогда замѣтила я съ шайною радостiю, что сердце мое не со всемъ еще испортилось, хотя многiе, можешь бышь, считали меня уже погибшею. Я склонилась на просьбы Барона, на убѣдительныя представленiя отца моего. Взявъ съ собою добрую, почтенную спарушку, отправилась я съ нею и съ Барономъ въ Р***, неподалеку отъ Французской границы.“

„Не нужно рассказывать, что это путешествованiе какъ привлекательнымъ разнообразiемъ и новостiю предметовъ, такъ и чудесными красотою природы, доставляло мнѣ чрезвычайное удовольствiе. Барону должна я отдать полную справедливость въ томъ, что не смотря на сильную любовь свою, обхожде-

ніе его со мною нисколько не перемѣнилось — можетъ бытъ, онъ вель себя еще оспорожнѣе и лучше прежняго. Но радость его была неописанна. Казалось, тогда только почувспвовалъ онъ все свое благополучіе. Изыскивая всѣ средства къ облегченію мнѣ безпокойспвъ въ дорогѣ, онъ сколько ни спѣшилъ, не упускалъ однако доставлять мнѣ случаи видѣть на пупи все доспойное любопытспва. Его добродушіе меня протало и начинало уже колебать мое сердце. Совершенное довольспвіе, копорое чипала я въ глазахъ его всякой разъ когда они на мнѣ останавливались, невольно заспавило меня любвию его изъ благодарности.

Чѣмъ живѣе были воспорги его и радоспныя ожиданія при началѣ нашего пушеспствія, тѣмъ примѣспнѣе и непоняспнѣе для меня сдѣлались признаки печали, обнаружившіеся въ немъ съ приближеніемъ къ нашей цѣли. Часпо погружался онъ въ глубокія мысли; пошомъ, какъ бы пробуждаясь, схвашывалъ съ жаромъ руку мою и покрывалъ ее огнейными поцѣлуями. На вопросы

мой о его задумчивости, опивчалъ, что это ничего не значишь; когда же я наспаивала, то говорилъ, что ожиданіе всякаго необыкновеннаго счастія сопряжено всегда съ какимъ-то боязненнымъ предчувствіемъ, въ чемъ удосто-вѣрили его многіе опыты.“

„И въ самомъ дѣлѣ уныніе его совершенно исчезло, когда мы приблизились къ помѣстью его машери. Спрана сія казалась земнымъ раемъ. Зеленѣющіе холмы; горы, покрытыя виноградомъ; фрукшоваыя деревья, расположенныя длинными аллеями; прелесныя ручьи, извивающіеся по необозримой съ другой стороны долины; шумныя спада на ней пасущіяся; веселые поселяне, которые громкими пѣснями и шулками обращали работу свою въ забаву — все это вмѣстѣ сдѣлало глубокое впечатлѣніе въ душѣ моей и располагало ее къ нѣжныѣйшимъ чувствованіямъ.

Наконецъ повозка остановилась передъ простымъ, но красиво построеннымъ замкомъ. Баронъ едва успѣлъ меня высадишь, какъ съ радостнымъ восклицаніемъ: „машушка! вошь она!“ пред-

спавиль дамѣ, въ черпахъ кошорой замѣтны были слѣды блиспашельнѣйшей красопы, а въ глазахъ — довольствіе, крошость, набожность и всѣ пихія добродѣтели, свойственныя преимуще- спвенно нашему полу. Послѣ первыхъ изліяній материнской любви къ нѣжно любимому сыну, она привѣпливо пода- да мнѣ руку, сказавъ: „Обними меня, дочь моя! Мы должны хорошенько у- знашь и конечно шѣмъ болѣе полюбишь другъ друга!“ Тогда мы вошли въ ком- напы.“

„Для меня сей часъ же приказала она пригошовишь особую половину. Съ самой эшой минушы забопливоссть и вниманіе въ обхожденіи со мною всѣхъ домашникъ не переспавали возбуждашь во мнѣ чувспво внутренняго достоин- ства и какимъ-шо сладоспнымъ вдох- новеніемъ наполняли грудь мою.“

„Если бы, любезный Фердинандъ— продолжала Ульрика съ живоспю — хо- шѣла я описывашъ шебѣ блаженныя ми- нушы, кошорыя съ шого времени про- вождала въ сообщеспвѣ сей несравнен- ной женщины: шо никогда бы не кон-

чила—развѣ слезы благодарности при
 семь воспоминаніи прервали бы слова
 мои. Въ жизнь мою, ни прежде, ни по-
 слѣ того, не видала я столь превосход-
 ной женщины, какова была Баронесса.
 Набожна безъ малѣйшаго ханжества,
 мать бѣдныхъ—въ тайнѣ, утѣшительни-
 ца спраждущихъ — не давая имъ шаго
 чувствоваться, образецъ снрожайшей до-
 бродѣтели — но снисходительна къ по-
 грѣшающимъ, образована какъ не лзя
 лучше — но скромна до крайности, до-
 бродушна и умна, богата познаніями—
 безъ всякаго хвастовства и щеславія.
 Вотъ истинный портретъ ея!“

„Съ нею только почувствовала я,
 что значить имѣть мать и при томъ
 столь превосходную мать! Я смѣло увѣ-
 рена, что дочь, ею воспитанная, была
 бы Ангеломъ на земли.“

„Какъ ни велико было мое счастье
 въ семь новомъ положеніи, но скоро
 замѣшила я въ своей благодѣтельницѣ—
 ее уже нѣтъ, но я никогда не перестану
 называть ее симъ сладостнымъ для ме-
 ня именемъ—горесъ, копорую она вся-
 чески шаралась скрывать. И сынъ ея

сдѣлался по прежнему, или еще гораздо болѣе, задумчивъ. Это было очевидно — сколько ни шарался онъ казаться предъ мною веселымъ и исполненнымъ сладоснѣйшихъ надеждъ. Я спала внимательнѣе ко всему, что происходило въ домѣ и замѣтила, что весьма часно верховые привозили и отвозили письма; что къ Барону приѣзжали Офицеры, съ кошорами онъ — также какъ и послѣ ихъ съ машерью — запирался въ своемъ кабинетѣ; и если послѣ того приходили они къ сполу, то мнѣ никакимъ образомъ не удавалось завести какой нибудь веселый разговоръ. Я видѣла ясно во взорахъ машери и сына безпокойство, копораго причину они щещно хошѣли приписать одной незначишельной шяжбѣ.“

„Наконецъ какъ-то ушромъ обыкновенная пищина въ замкѣ была прервана шопошомъ лошадей. Начавъ съ нѣкопораго времени всего бояшся, вскочила я, полуодѣшая, съ постели и подбѣжала къ окну, откуда, изъ подъ занавѣски, могла все видѣшь. Баронесса, пробудившаяся гораздо ранѣе обыкновеннаго,

спояла также у окна въ своей комнаѣ и, какъ я замѣшила, поднявъ руки къ небу, молилась съ величайшимъ усердіемъ. Спустия немного Баронъ выбѣжалъ поспѣшно изъ замка, бросился на лошадь и поскакалъ шакъ скоро, что слуга едва могъ за нимъ слѣдовать.“

„Черезъ нѣсколько часовъ Баронесса прислала ко мнѣ сказать, чтобъ я обѣдала въ своей комнаѣ, потому что одинъ непріятный случай заставляетъ ее остаться одной, но что вечеромъ ей можно будетъ со мною видѣться. Послѣ эпаго не было сомнѣнія, что конечно произошло что нибудь важное, хошя я и ничего не могла придумать. Всего непріятнѣе было для меня то, что я не могла идти къ моей благодѣтельницѣ.“

„Никогда въ жизнь мою не забуду, какъ мучителенъ былъ для меня эшотъ день; вечеръ прошелъ—Баронесса не прислала за мною. На другое упрю я увидѣла приѣхавшаго верхомъ Офицера, съ ногъ до головы покрытаго пылью. Съ пошупленными взорами вошелъ онъ въ домъ. Мрачное лицо его показывало, что онъ былъ вѣспникъ несчастія.“

Въ эту минуту я уже не могла удержаться, что бы не видѣть Баронессы — пошла къ ней; но Священникъ, который еще поутру былъ призванъ въ замокъ, остановилъ меня, обѣщая чрезъ нѣсколько времени придти въ мою комнату. Возвращаясь назадъ, вездѣ встрѣчала я заплаканныя лица и никто не хотѣлъ мнѣ сказать о причинѣ общей горести. Тоска моя была неописанна.“

„Наконецъ пришелъ Священникъ. Послѣ длиннаго вступленія, которымъ хотѣлъ онъ приготовить меня къ ужасной вѣсти, открылъ мнѣ, что Баронъ убитъ на поединкѣ.“

„Причину—узнала я уже гораздо прежде: Баронъ былъ обрученъ прежде съ одною дѣвушкою изъ знашной фамилии. Онъ не сдержалъ слова и братъ невесты рѣшился отмстить ему. Всѣ старанія родственниковъ съ той и съ другой стороны примирить ихъ, или по крайней мѣрѣ удержатъ мщеніе раздраженнаго брата, остались безъ успѣха.“

„Фердинандъ! вѣришь ли ты предопредѣленіямъ судьбы?“ спросила Ульри-

ка, успремивъ на меня глаза свои. — Я удивился. — Эта мечта, сказалъ я, лишаетъ насъ всякаго ушѣшенія и надежды, заставляешь предаваться спрашямъ, и вотъ почему должно оспаривать ее всѣми доводами разума. —

„При всемъ шомъ—продолжала Ульрика—она нѣкошорымъ образомъ шогда меня успокоила какъ въ насшоящемъ, шакъ и въ будущемъ.“

„Ты конечно будешь смѣяться надо мною, но я должна разсказать тебѣ, что случилось со мною въ младенчествѣ, и что много разъ послѣ шого слышала я ошъ домашнихъ своихъ. Однажды машушка, держа меня на рукахъ, стояла въ сѣняхъ нашего дома. Тогда—не много спустя послѣ заключенія мира—множешво бродягъ и праздношашающихся слѣдовало за арміею. По эшому можешь предшавить себѣ, какъ испугалась машушка, когда дверь съ улицы вдругъ разшворилась съ шумомъ и къ намъ вошла высокая, здоровая, почернѣвшая ошъ зноя женщина, кошорой наружность не обѣщала ничего добраго. Мнѣ часшо описывали спранный на-

рядъ ея; въ памяти моей оспалась только красная Кроатская шапка и черная гусарская маншія. За спиною шащила она въ плащѣ двухъ ребяшишекъ, по виду самыхъ опвращительныхъ.“

„Эта чужеземка просила у мапери моей милосыни, называла меня прекраснѣйшею малюпкою и лаская меня, играла моими кудрями. Мапушка въ замѣшательствѣ дала ей—что въ эту минушу нашла у себя—какую-шо мѣлку монешу. „Передъ тобою!—возразила озлобленная женщина съ адскимъ смѣхомъ и пронзительнымъ голосомъ, бросивъ на полъ монешу—купи на эшо дѣщицу своему игрушку, ей на забаву, женихамъ на погибель.“

„Это предсказаніе, само по себѣ конечно смѣшное, пришло мнѣ тогда въ голову и я, сколько ни огорчена была смертію Барона, но находила какое-то ушѣщеніе думать, что въ семь случаевъ совершенно была невинна. Правду скажешь, иногда оно и ужасало меня, но моя ли была вина, что Баронъ увидѣлъ и полюбилъ меня? Я не спаралась никогда снискать любовь его; одна только несчастная судьба влекла его ко мнѣ.“

Тогда Ульрика продолжала опять свое повѣспованіе. „Лишь только узнала я, что была невинною причиною Бароновой смерти, пошчасъ послала просишь къ себѣ Священника. Собспвенное чувство сказало мнѣ, что я должна дѣлать: скрышься какъ можно скорѣе отъ глазъ огорченной матери, казалось мнѣ непремѣнною обязанностію. Я поручила Священнику испросишь на отпѣздъ мой позволеніе Баронессы.“

— „Хвалю рѣшимость вашу, отвѣчала отъ мнѣ, но вы не знаете Баронессы. Она давно уже на эпошь случай приказала мнѣ увѣришь васъ, что нѣжно любимую невѣспу сына своего всегда будешь почиташъ своею дочерью.“—

„Въ умиленіи отъ сего необыкновеннаго великодушія, я отвѣчала только слезами. Баронесса—сказала я наконецъ, рыдая — имѣешь священнѣйшія права на мое слѣпое повиновеніе; судьба моя совершенно будешь зависѣшь отъ ея воли.“

„Вошь конецъ моей исторіи. Развѣ только то осшаеця мнѣ прибавишь, что въ продолженіе цѣлаго года имѣла

я мать въ полномъ значеніи сего слова; что я всею ей обязана; что она даже сдѣлала меня наследницею своего имѣнія, но по смерти ея не нашли духовной. Вѣроятно, что при всеобщемъ тогда смятеніи въ замкѣ, или слуги, копорыхъ было множество, или жадные родственники, копорые не замедлили явиться, прибрали завѣщаніе Баронессы къ своимъ рукамъ; но доказавъ эшаго я не могла — не могу и теперь. Наследники едва согласились дать мнѣ сколько денегъ, чтобы было съ чѣмъ отправиться на родину, куда я вскорѣ и возвратилась. Ты безъ сомнѣнія знаешь, какія вѣсти разносила о моемъ отсутствіи всеобщая молва, копорой, къ сожалѣнію, прежнимъ своимъ легкомысліемъ я сама дала противу себя оружіе. И такъ болѣе ни слова.“—

Пробило десять часовъ, когда другъ мой—Фердинандъ кончилъ испорію Ульрики. При всею нешерпѣннѣи возбужденнаго во мнѣ любопытства, я долженъ былъ его оставить, испрося позволеніе прийти къ нему на другой день.

(*Окончаніе въ слѣд. книжкѣ.*)

О НАДПИСЯХЪ.

(изъ сот. Гжи Жанлисб.)

(Продолженіе.)

Иерь (Yeres), деревня, находящаяся въ чепырехъ миляхъ ошь Парижа, достойна примѣчанія по весьма хорошему источнику, получившему имя свое ошь ученаго Будея, Профессора Королевскаго Училища при Францискѣ I. Будей долгое время владѣль помѣстьемъ Иерскимъ, которое въ послѣдствіи перешло въ родъ Гарлея и пошомъ доспалось Де Баркосу; сей послѣдній велѣль вырѣзашь на бассейнѣ источника сію надпись:

Dans les eaux de cette fontaine
Budée a puisé son savoir;
Harlay l'a mise en mon pouvoir:
Où chercher ailleurs l'Hydrogène?

Въ струяхъ сего источника Будей потерпнулъ свою цгеность; Гарлей передалъ его мнѣ: гдѣ же еще искать Ипокрены?

Тамъ же сдѣланъ лѣпной медальйонъ
 Будея, подъ копорымъ написаны слѣ-
 дующіе прекрасные стихи. Это слова
 Наяды

Toujours vive, abondante et pure,
 Un doux penchant règle mon cours :
 Heureux l'ami de la nature,
 Qui voit ainsi couler ses jours !

*Всегда жива, обильна и чиста; при-
 ятная склонность управляетъ моимъ
 теченіемъ. Блаженъ тотъ другъ приро-
 ды, котораго дни также протекаютъ!*

Бенсерадъ, наскуча придворною жиз-
 нію, удалился въ Жаншильи, гдѣ все его
 удовольствіе сосшояло въ обрабошыва-
 ніи и украшеніи своего сада. Онъ обо-
 гащилъ свое убѣжище разными надпи-
 сями, въ числѣ коихъ находилась слѣ-
 дующая при входѣ:

Adieu, Fortune, honneurs, adieu vous et les
 vôtres;

Je viens ici vous oublier :

Adieu toi-même, Amour, bien plus que tous
 les autres

Difficile à congédier!

*Прощайте, богатство и почести,
 прощайте со всею вашею свитой; сюда*

пришелъ я позабыть васъ: прощай и ты, любовь, съ которою труднѣе разстаться, нежели со всѣми друзьями.

Г. Вашле сдѣлалъ многія надписи въ саду своемъ *Мулень-Жоли*; вошь самая лучшія изъ оныхъ:

Vivez pour peu d'amis, occupez peu d'espace;
Faites du bien surtout; formez peu de projets:
Vos jours seront heureux; et si ce bonheur passe,
Il ne vous laissera ni remords, ni regrets.

Живи для не многихъ друзей, занимай не много мѣста; болѣе всего дѣлай добро и не дѣлай излишнихъ предположеній. Дни твои протекутъ счастливо, и если счастье сіе измѣнится, то по крайней мѣрѣ не оставитъ тебѣ ни раскаянія, ни поздняго сожалѣнія.

De ce riant séjour, de ce paisible ombrage,
Epreuvez les charmes secrets,
Infortunés! retrouvez y la paix!
Heureux! soyez-le davantage!

Вкусите удовольствія въ селѣ веселомъ жилищѣ, подѣ сею мирною тѣнью. Несчастливые! обретите въ немъ покой! Счастливыцы! будьте еще благополучнѣе!

Жанъ Францискъ Реньяръ, Комическій Спихопворецъ, умеръ въ 1710, на 54 мь году своей жизни. Онъ много путешествовалъ; съ двумя другими Французами достигалъ онъ до конца Бошняческаго залива, потомъ вверхъ по рѣкѣ Торнео до самаго Сѣвернаго Океана. Не могши слѣдовать далѣе, онъ остановился и написалъ на одной скалѣ сіи чешыре Лашинскихъ спиха *):

---

*) Я привожу подлинныя Лашинскіе спихи и буквальный переводъ оныхъ. Сочинительница спашьи о надписяхъ помѣспила ихъ только во Французскомъ переводѣ, копорый, какъ она говоритъ, неизвѣспно кѣмъ сдѣланъ.

Nés Français, éprouvés par cent périls divers,
Du Gange et du Zaïr nous avons vu les
sources,

Parcouru l'Europe et les mers;

Voici le terme de nos courses,

Et nous nous arrêtons où finit l'univers.

Для желающихъ сравнить Лашинскій подлинникъ съ Французскимъ преложениемъ, я помѣщаю здѣсь почный переводъ сего послѣдняго.

„Родясь во Франціи, испышавъ много-

Gallia nos genuit, vidit nos Africa, Gangem
 Hausimus, Europamque aulis lustravimus
 omnem,
 Casibus et variis acti terraque marique
 Hic tandem stetimus nobis ubi defuit orbis.

DE FERCOURT, DE CORBERON, REGNARD.

18 Augusti 1681.

*Франція произвела насъ на свѣтѣ;
 Африка насъ видѣла; мы терпали воду
 изъ Ганга и обозрѣли глазами своими
 всю Европу. Претерпѣвъ разныя опасно-
 сти на сушѣ и на морѣ, здѣсь нынѣ
 стоимъ, гдѣ мѣръ оканчивается.*

Де Феркуръ, де Корберонъ, Реньяръ.

18 Августа 1681.

Толедская Рапуша есть весьма кра-
 сивое зданіе; идучи въ нее по лѣсшницѣ,
 на одной стѣнѣ видны Испанскіе сти-
 хи; вошь переводъ оныхъ:

*Благородные и правосудные мужи,
 управляющіе Тоledoю! сложите стра-*

различныя опасности, мы видѣли источни-
 ки Ганга и Заира, и объѣхали Европу и
 моря; здѣсь предѣлъ нашихъ спрансшвова-
 ній, и мы остановились шамъ, гдѣ вселен-
 ная оканчивается. *Прим. Руск. Переводъ.*

сти ваши на сей лѣстницѣ; оставьте здѣсь любовь, страхъ и корыстолюбіе. Богъ назнаилъ васъ быть столпами сего священнаго зданія—и такъ будьте всегда тверды, прямы и неколебимы.

Въ Англіи была выбита и поднесена Герцогу Бедфорпу медаль съ сею надписью: *за посѣвъ дубовыхъ желудей.*

Въ Безансонѣ, въ воспитательномъ домѣ найденышей, показываютъ высокой работы лѣпное изображеніе Милосердія, держащаго младенцовъ у груди своей; внизу подписанъ сей стихъ изъ Псалтыря: *Отецъ мой и мати моя остависта мя, Господь же воспріятъ мя.* (Пс. XXVI. ст. 10.)

Вошь надпись къ одной церкви, сочиненная неизвѣстнымъ стихотворцемъ:

*La vérité vous luit, ce Temple en est l'école;
Enfans, Dieu vous instruit; vieillards, il vous
console.*

Истина освѣщаетъ васъ; сей храмъ есть ея училище. Дѣти! Богъ васъставляетъ; старцы! васъ утѣшаетъ онъ.

Въ Даніи, въ окрестностяхъ Копенгагена, есть мраморной столць, воз-

двинутый въ память покойнаго Графа Бернсдорфа крестьянами его, уволенными отъ рабства. Единственными украшеніями сего столпа суть хлѣбной снопь, заснопъ и лопаша. На памятникѣ семь находится надпись на Лашинскомъ и Дашскомъ языкахъ; вошь переводъ оной:

Въ память незабвеннаго Іоанна Эрнеста Графа Бернсдорфа, давшаго свободу земледѣльцамъ во всѣхъ его владѣніяхъ и оживившаго, ихъ трудолюбіе таковыми своими благодѣяніемъ. Памятникъ сей сооруженъ благодарными его крестьянами, въ 1783 году.

Въ Моравѣ, въ Швейцаріи, есть Лашинская надпись на часовнѣ, заключающей въ себѣ кости Бургундцевъ, падшихъ въ Моравской битвѣ. Надпись сія замѣчательна по краскостямъ своей и выразительности. Г. Рамонъ перевелъ ее такимъ образомъ:

Хвала Вселогущему Богу! Легионы храбраго Герцога Бургундскаго *) осаж-

---

*) Карла Смѣлаго.

дали Моратѣ; здѣсь истреблены они и оставили по себѣ сей памятникъ ихъ прихода.

Близъ Нейффельса, въ Каншонѣ Гларусѣ, можно видѣшь многіе камни съ сею полько надписью: „1388“. Камни сіи служатъ памяшникомъ побѣды, одержанной въ означенномъ году жишелями Гларуса надъ Авспрійцами. Мысль, что одно простое число доспашочно ко всегдашнему напомниманію о сей побѣдѣ, придаетъ оной особенную важность *). И въ самомъ дѣлѣ преданіе такъ ушвердило ее въ памяши жишелей, что нѣшь ни одного Швейцарскаго поселянина, который бы не умѣлъ объяснить сей лаконической надписи.

Слѣдующіе стихи написаны на одномъ деревѣ близъ Рейна въ Рейхенау, что въ Торгаускомъ Каншонѣ:

Pourquoi précipiter tes flots tumultueux?
Roule plus lentement ton eau pure et limpide,

---

*) Такъ точно какъ у насъ на медаляхъ незабвенный 1812 годъ. Прим. Изд.

O Rhin! tu ne verras, dans ta course rapide,
Ni des hommes meilleurs, ni des bords plus
heureux!

Par M. Frossard.

*Затѣмъ такъ стремительно гонишь
ты шумныя свои волны? Пусть лучше
тистая, прозрачная вода твоя медлѣн-
но протекаетъ... О Рейнъ! ты не уви-
дишь въ быстромъ своемъ теченіи, ни
людей съ лучшими сердцами, ни бере-
говъ счастливейшихъ!*

Павель де Рибейръ, Епископъ С.
Флурской учредилъ въ семь городъ мно-
гія полезныя заведенія и построилъ
разныя зданія. Мѣсшное начальство по-
справило ему памятникъ надъ город-
скими воротами, построенными по
приказанію сего Прелапа; на памятни-
кѣ изображена слѣдующая надпись, соч-
Дю-Беллуа:

De Ribeyre en ces lieux tu vois le moindre
ouvrage;

Compter nos monimens, c'est compter ses
bienfaits:

De l'Eglise et du pauvre il accroît l'héri-
tage;

Il lègue à ses parens les heureux qu'il a
faits.

Здѣсь видишь ты малѣйшее дѣло Рибейра; исчислять наши памятники знатитѣ то же, что исчислять его благодѣанія: увеличивѣ наследіе Церкви и бѣдной братіи, онѣ завѣщалѣ своимѣ ближнимѣ пещись о тѣхѣ, кои обязаны ему счастіемѣ.

Г. Монтіонѣ велѣлъ поспроишь въ Моракѣ, небольшомѣ Овернскомѣ городкѣ, красивой водоемѣ, на кошоромѣ изображена слѣдующая Мармоншелева надпись:

Ce fut dans les horreurs de la calamité,
 Qu' un ami de l' humanité
 A ces heureux travaux occupa l' indigence:
 Monthion! ton active et sage intelligence
 Eclairait Tournemir qui t' a bien imité.
 Qu' à jamais cette pierre, inviolable et sainte,
 Fasse lire aux siecles futurs
 Que sans toi tout un peuple eût péri dans
 les murs,
 Dont il a décoré l' enceinte.

Среди ужасовѣ бѣдствія, одинѣ другѣ теловѣтства занялѣ сими полезными трудами убожество: Монтіонѣ! твой дѣятельный улы просвѣщалѣ Турнемира, который былѣ твоимѣ достойнымѣ подражателемѣ. Пусть сей камень,

всегда неприкосновенный и священный, передасть будущимъ вѣкамъ, то безъ тебя цѣлый народъ погибъ бы въ стѣнахъ, коихъ внутренность онъ украсилъ.

Видно, что Сочинитель надписи не имѣлъ отличнаго дарованія въ семь родѣ. Я привожу ее здѣсь для того, что бы напомнить объ одномъ великодушномъ дѣяніи, которое должно цѣниться болѣе, нежели хорошіе стихи.

Въ Шантильи была прежде статуя Купидона безъ крыльевъ и стрѣлъ; на пьедесталѣ находились слѣдующіе стихи Г. Грувелля:

Sans armes comme l'Innocence,
 Sans ailes comme la Constance,
 Tel fut l'Amour au siècle d'or:

On ne le trouve plus, mais on le cherche encor.

Безъ оружія, какъ Невинность, и безъ крыльевъ, какъ Постоянство: такова была Любовь золотого вѣка; ее теперь не находятъ, но ищутъ и нынѣ *).

Съ Франц. О Соловѣ.

~~~~~

*) Сію надпись перевели стихами Н. М. Карамзинъ и И. И. Дмишрѣвъ. Прил. Изд.

ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ,

или

НОВОЙ ПОМѢЩИКЪ и его управитель.

„У меня теперь сто тысячъ гиней, говорилъ старой Гарпъ, взошедши съ сильною одышкою на гору, съ копорой обзрѣваль онъ обширныя поля, недавно имъ купленныя. Въ пошѣ лица своего приобрѣль я эши сто тысячъ гиней! Надѣюсь шупъ ешь чѣмъ купишь для моего сына мѣшо въ Парламентѣ, и что мнѣ помѣшаешь выдашь дочь мою за Петра Королевсшва? Мнѣ только шешдешашъ пшашъ лѣшъ, и пришомъ сто тысячъ гиней! Я крѣпокъ и бодръ; пью, ѣмъ хорошо и могу весело прожить ошашокъ дней моихъ. Да, да! повшоряль онъ безпрешанно: у мѣня сто тысячъ гиней! Здѣсь я посшрою домъ, тамъ будешъ у меня садъ съ фрукшновыми деревьями; на шомъ мѣшѣ сдѣлаю шеплицы, въ кошорыхъ будупъ созрѣвашъ для меня ананасы. Эши домишки мѣша-

юшь зрѣнію; я велю ихъ сломашь.“—Но что будешь съ крестьянами, копорые въ нихъ живушь? спросиль провожавшій его управитель—„Что съ ними будешь? Гмъ! эшо ихъ дѣло, а не мое. Мѣльница, копорая спойшь шамъ, будешь то же сломана, что бы дашь лугамъ моимъ надлежащую влажностъ.“—Ахъ, сударь, умилосердишесь! Гдѣ же бѣдные крестьяне будушь молошь свой хлѣбъ?—„Еще разъ говорю шебѣ, эшо не мое дѣло.“

Проговоря сіи слова, жестокосердый спарикъ возвратился домой, будучи весьма доволенъ своею прогулкою. Безпресшанно имѣя въ головѣ свои предположенія, поужиналъ онъ плотно, выпилъ въ мѣру, выкурилъ двѣ трубки шабаку и легъ спать. Скоро онъ погрузился въ глубокой сонъ—и болѣе не пробуждался.

Крестьяне и шеперь еще живушь въ шѣхъ домишкахъ, копорые Гаршъ хотѣлъ сломашь; они мѣлюшь свой хлѣбъ на шой самой мѣльницѣ, копорую онъ то же преднолагаль уничшо-

жишь; а недоспойный владѣлецъ сихъ
домишковъ и мѣльницы забыть — и по
дѣломъ!

Съ Франц. О. С.

~~~~~

СМѢСЬ.

Выписки изъ новѣйшихъ иностранныхъ Журналовъ и писемъ отъ Корреспондентовъ къ Издателю.

Англія.

Въ Англіи вышли уже описанія путешествій Капитановъ *Джона Росса* и *Давыда Бухана*, посылаемыхъ для новыхъ открытій къ Сѣверному полюсу, подъ заглавіями: 1). *A Voyage of discovery to the arctic regions in search of a North-West-Passage in H. M. Ships Isabella and Alexander; by Capt. John Ross.* 1 vol. 4 with maps and numerous engravings. 2). *Narrative of an attempt to discover a passage over the North-Pole to Behrings-Streaths; by Capt. David Bouchan.* 1 vol. 4. with plates. 3). *Sabine Edw.* an account of a voyage in search of a *North-West-Passage* by H. M. Ships *Isabella et Alexander.* Including a detail of the *Astronomical* and other observations and notes of the *Natural History* of the *Greenland Seas.* 1 vol. 8. with plates. Между привезенными Капитаномъ *Россомъ* рѣдкостями находящяся шесть собакъ, копорыя весьма сходны съ Камчатскими. Голова и хвостъ ихъ, какъ у лисицы, кожа очень толста и шерсть

длинная. Они весьма переимчивы и сильны. Кромѣ того привезена имѣ кожа большаго бѣлаго медвѣдя въ 9 Англинскихъ фузовъ длиною, многіе минералы, растѣнія и нѣсколько въ особенности достопримѣчательныхъ *морскихъ звѣздъ* (*Astrerias*, Linn. животно-растѣніе).—Мы постараемся впредь сообщить нашимъ читателямъ извлеченіе изъ сего путешествія.

Новая Экспедиція, посланная Англичанами во внутренность Африки, находится подъ начальствомъ Г. *Рита*, бывшаго въ последнее время Секретаремъ Англинскаго Посольства въ Парижѣ. Второе мѣсто по немъ занимаетъ Г. *Лионъ*, молодой морской Офицеръ, рекомендованный Г. Адмираломъ *Пенрозомъ* и находящійся теперь въ Мальтѣ. Съ ними вмѣстѣ отправляется Французскій Естественнотышатель Г. *Дюпонъ*. Ихъ эскадра ожидаетъ теперь ихъ въ Тунисѣ, что бы проводить потомъ въ Мурцукъ.

Г. *Патерсонъ*, изъ Монроза, дѣлаетъ опыты надъ освѣщеніемъ посредствомъ газа, кошорые обѣщаютъ большія выгоды. Способъ его добывать газъ изъ углей, мало различенъ отъ обыкновенно употребляемаго въ Англии; но его метода собирать и сохранять газъ въ непроницаемыхъ для воздуха мѣшкахъ и выпускать изъ нихъ въ шакомъ количествѣ, сколько когда онаго по-

шребно, заслуживаетъ особенное вниманіе. Онъ представилъ правительству, что освѣщеніе улицъ газомъ по его методѣ станеть въ половину дешевле, нежели нынѣшнее и вызвался доказать шо Магистрату посредствомъ небольшого аппарата, кошорый будетъ стоить не болѣе 8 фунт. стерл. Подъ всякой фонарь на улицѣ хочеть онъ подвесити газометръ въ видѣ столба и шакой величины, чтобы онъ могъ вмѣстити въ себѣ столько газу, сколько потребно для восьмичасоваго освѣщенія. Сии газометры должно будеть всякой день наполнять газомъ изъ мѣшковъ посредствомъ нарочно придѣланнаго къ шому мѣха и Г. Патерсонъ утверждаетъ, что для сего потребно не болѣе времени, какъ сколько нужно обыкновенно для снабженія лампы свѣсильнею и масломъ. Такимъ образомъ большія издержки и шруды при провозденіи шрубъ для газа будуть уже не нужны, а съ шѣмъ вмѣстѣ прекратится и дурной запахъ, происходящій ошъ онаго. Посредствомъ сего способа можно будеть продавать и частнымъ людямъ газъ, сохраняя оный въ подвижныхъ, способныхъ къ перенесенію газометрахъ.

Одинъ изъ Англинскихъ журналовъ сообщаетъ слѣдующее: владѣлецъ одного молодого быка открылъ въ семъ животномъ особеннаго рода головную болѣзнь. Онъ рѣшил-

ся его *трепанировать* (*трепанъ*, родъ бурава у Хирурговъ для просверленія череповъ) и чрезъ сію операцію вскрыть черепъ непосредственно между глазами и рогами; при вскрытіи нашли внутри подлѣ роговъ довольно большой пузырь, копорой и былъ вынутъ инструментомъ. Онъ содержалъ въ себѣ болѣе *пинты* воды, въ которой двигалось неизсчисленное множество малевькихъ животноныхъ. Отверстіе на лбу пощчасъ же закрыто плащыремъ и быкъ послѣ сей операціи очевидно почувствовалъ облегченіе и вскорѣ выздоровѣлъ совершенно.

Франція.

Капитанъ *Руссенъ* и *Лейпенантъ Гоарани*, впорично посланные въ 1817 году Французскимъ правительствомъ съ корвешою *La Bayadère* и судномъ *Le Levrier* для изслѣдованія западныхъ береговъ Африки, возвратились благополучно въ Рошефоръ 10 Августа 1818 года, и первый изъ нихъ назначенъ вновь въ Экспедицію къ другимъ пунктамъ земли. Прежнюю Экспедицію сопровождалъ также Инженеръ - Гидрографъ *Живри*. Они осмотрѣли берега Африки болѣе нежели на 400 Франц. миль и скоро изданы будутъ ими карты, безъ сомнѣнія весьма важныя какъ для судоходства, такъ

и для землеописанія. Въ одно время съ Капитаномъ *Руссенъ* Морской Офицеръ *Готье* (Gautier) предпринималъ изслѣдованіе Сѣверныхъ береговъ Африки, Адриатическаго залива и Архипелага. Онъ въ особенности занимался опредѣленіемъ опасныхъ для судоходства мѣстъ и исправилъ весьма много ошибокъ, существовавшихъ въ прежнемъ описаніи оныхъ; по его замѣчанію отходило оно отъ истинны на полградуса и даже на 40 и 50 минутъ широты, равно какъ и найденное имъ различіе въ долготѣ весьма значительно. Теперь надобно ожидать новыхъ исправленныхъ картъ Средиземнаго моря.

Въ рапортѣ Коммиссаровъ, посланныхъ въ Лапландію для изслѣдованія минъ сей земли, упоминается объ одномъ водопадѣ въ Люлеѣ, который долженъ быть величайшимъ въ Европѣ, ибо ширина его простирается почти на четверть мили, а высота паденія 400 футовъ.

Французскій Военный Министръ выдалъ Г. *Даньо* (Dagneau), купцу въ Дюнкирхенѣ, патентъ и 15пи-лѣшнюю привилегію на изобрѣшенную имъ мазь для сбереженія кораблей и вообще всякаго деревяннаго строенія, подверженнаго гніенію и червоточинѣ. Мазь сія дѣлаешъ обитіе кораблей мѣдью ненужнымъ, совершенно ошлична

опть шѣхъ, кои мы до сихъ поръ имѣли и можешъ съ великою пользою бытъ употребляема для сбереженія драничныхъ крышъ, судовъ, паромовъ, мостовъ, шлюзовъ и проч.

Journal de Paris извѣщаетъ, что Г. Дюль-ярб, изъ Нанта, изобрѣдъ несгораемый холстъ для театровъ.

И т а л і я.

Извѣстный Канова занимается шеперь обработаніемъ двухъ предметовъ: статуи Пія VII, которая поставлена будешъ въ Ватиканѣ, и группою Марса и Венеры для Принца Регента Англинскаго. Говорятъ шакже, что онъ работаетъ памятникъ одному изъ первыхъ нынѣ царствующихъ Монарховъ; но какъ въ мастерской его можно видѣшь модели только уже совершенно окончаныхъ имъ работъ; въ комнату же, гдѣ онъ занимается самъ, никого не впускаютъ: по и нельзя узнать того достоверно.

Ш в е ц і я.

Назначенный Шведскимъ Королемъ Комисетъ для изданія твореній Шведскихъ писателей среднихъ вѣковъ, издалъ уже первую часть in folio сего важнаго собранія.

Благотворенія.

9го ч. сего мѣсяца Издашель *Благона-
мѣреннаго* получилъ при запискѣ опъ Г-жи
Софы . . . . . съ для доставленія бѣдному и
больному Региспашору *Убыткову* (см. X N^o
сего Журнала спр. 272 и 273) десять руб-
лей (10 р.).—*Доставлены и приняты съ чув-*
ствомъ живѣйшей благодарности.

(30 Іюня.)

*Особы, желающія полугать Журналъ сей
и на остальную нынѣшняго года половину,
т. е. съ Іюля 1819 по Январь будущаго 1820
года, благоволятъ подписываться заблаго-
временно.*

ОГЛАВЛЕНИЕ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

Стихотворенія.

О д ѣ ѣ.

	Стран.
Къ мечшамъ	4.
Къ Агамону	138.
Къ Немезидѣ или Божеству несчастія	343,

Идилліи :

Изгнанникъ Алексисъ	69.
Наука любви	215.
Аминшъ и Хлоя	275.

Басни :

Муха и Муравей	6.
Лисица и Кошка	8.
Конь и Кляча	9.
Ножъ	10.
Езопъ и Осель	137.
Розы и Рожа	217.
Городская Мышь и полевая	348.
Логика пьянаго. Сказка	78.

Пѣсни и Романсы :

Вакхическая Пѣснь	11.
Пѣсня стараго Гусара	76.

	Стран.
Романсъ изъ Поэмы: <i>Иснелъ и Аслега</i>	212.
Ночь, Романсъ	280.
Ярославна. (отпрывокъ изъ Героической Пѣсни о походѣ на Половцевъ Удѣль- наго Князя Новаграда - Сѣверскаго Игоря Святославича)	141.
<i>Элегія</i>	214.
<i>Сонетъ</i>	139.

Надгробія:

Молодой супругъ	75.
Н. М. Алехину	281.

Надписи:

Къ жертвеннику дружбы	218.
Къ портрету Е. В. К—ой	219.

Въ Альбомѣ:

Сестрѣ моей <i>А. А. Я—ой</i>	14.
<i>П. И. Р.</i>	73.
<i>Е. Р. К.</i>	75.
<i>Мадригалъ</i>	13.
<i>Эпиграммы</i>	12, 76, 143, и 284.
<i>Логогрифъ</i>	79.
<i>Загадки</i>	144 и 352.
<i>Шарады</i>	14, 81, 144, 219, 285 и 353.

С м ѣ с ь:

Вершеръ къ Шарлоттѣ	5.
Моя мысль	14.
Признаніе	143.
Надежда на будущую жизнь	209.
Къ любезной мечтательницѣ	210.
Портретъ 3	211.
Воспоргъ	213.
Легкая смерть	282.
Поздравленіе пріятелю	283.
Новый Нарциссъ	284.
Къ самому себѣ	344.
Весеннее чувство	345.
Къ Ельвирѣ	347.
Завѣщаніе пьяницы	352.
Похвала Бахусу	—

П р о з а.

Повѣсти и Анекдоты:

Старина (соч. <i>Шго ле Брюна</i> .)	16.
Вильямъ Пеннъ (изъ <i>Соаве</i>)	38.
Опеческое наказаніе (<i>истинное происшествіе</i> .)	82.
Рѣдкая жена (Быль)	96.
Безразсудное Признаніе	286.
Кабинешъ бабочекъ (соч. <i>Фридриха Кинда</i>)	354.

Предположенія, или новый помѣщикъ и его управитель	404.
Анекдоты о нѣкоторыхъ славныхъ жи- вописцахъ	316.

Историческія сочиненія и отрывки:

Извлеченія изъ доспонамятностей Ис- торіи послѣдней половины прошед- шаго столѣтія, описанныхъ Абба- помъ Жоржелемъ	169.
Отрывокъ изъ второй книги Римской Исторіи Тита Ливія	180.
Мальзербъ	295.

Отрывки изъ путешествій:

Извѣстія о Лондонѣ	28, 104 и 147.
День моднаго свѣта въ Палермѣ	118.
Самоубійство въ Лондонѣ	310.

Теорія изящныхъ наукъ и искусствъ.

О Сатирѣ (изъ Сульцера)	220.

Разныя сочиненія.

О надписяхъ (изъ соч. Г-жи Жанлисѣ) 44 и 393.	
Поучительныя бесѣды или размышле- нія на нѣкоторыя шексты Св. Пи- санія	248.

С м ъ с в.

Задача Гг. Магнетизерамъ	129.
Выписки изъ иностранныхъ журналовъ и писемъ оныъ Корреспондентовъ къ Издателью	188
Извѣстія о новыхъ Рускихъ кни- гахъ	52 и 337.
Руской Театръ	197, 260 и 322.
Благотворенія	64, 135, 272, 337 и 413.

ИМЕНА ОСОБЪ ИМѢСТЬ ПОДПИСАВШИХ-
СЯ НА ЖУРНАЛЬ БЛАГОНАМѢРЕННЫЙ
1819.

(по азбучному порядку)

(Продолженіе.)

Въ С. П. буреѣ :

Его Сіятельство Князь Павелъ Гавриловичъ
Гагаринъ.

Его Высокопревосходительство Василій Сше-
пановичъ Томара.

Ихъ Превосходительства.

Андрей Ивановичъ Абакумовъ.

. . . . . Булдаковъ.

Всеволодъ Андреевичъ Всеволодскій.

Александра Михайловна Орлова.

Ихъ Высокородія :

Адріанъ Егоровичъ Дюнаншъ.

Иванъ Михайловичъ Яковлевъ.

Ихъ Высокоблагородія :

Александръ Андреевичъ Фуллонъ.

Александръ Дмитріевичъ Чершковъ.

Ихъ Благородія:

Лейбъ-Гренадерскаго полка : Полковый Адъ-
ютаншъ Г. Поручикъ Богуславскій.

Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка Г. Под-
поручикъ Иванъ Ермолаевичъ Великополь-
скій.

Михайло Ивановичъ Головлевъ.

Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка Г. Пра-
порщикъ Гулевичъ.

Михайло Алексѣевичъ Каменевъ-Любавскій.

Иванъ Андреевичъ Михайловъ.

Андрей Аѳанасъевичъ Никишинъ.

Василій Кондрашьевичъ Скачковъ.

Коншаншинъ Михайловичъ Томашевскій.

Александръ Карловичъ Шашеленъ.

С. П. бурскіе и другихъ городовъ Куницы.

. . . . . Галибинъ.

Иванъ Петровичъ Глазуновъ.

. . . . . Жуковъ.

Машвѣй Ивановичъ Заикинъ.

Михайло Ивановичъ Кокоревъ.

Василій Алексѣевичъ Плавильщиковъ.

Леоншій Леоншьевичъ Свѣшниковъ.

. . . . . Сизовъ.

Яковъ Васильевичъ Слѣнинъ.

Іоасафъ Евсигнѣевичъ Смолинъ.

Василій Михайловичъ Сундуковъ.

Г. Фашъ.

Ревельскій 1й гильдіи Купецъ Иванъ Христіановичъ Эшеррейхъ.

Разныя присутственныя и другія мѣста:

Гвардейскій Шпабъ.

Совѣтъ путей сообщенія.

Англинскій Клубъ.

Бюргеръ-Клубъ.

Контора Его Превосходительства Николая Никитича Демидова.

Въ другихъ городахъ:

Въ Ардатѣ на Алатырѣ: Подпоручикъ М. Н. Фокинъ.

— *Арзамасѣ:* Шпабъ-Ротмистръ Чемодановъ.

— *Аткарскѣ:* Его Высокоблагородіе Павелъ Михайловичъ Соловьевъ.

Въ Астрахани:

Его Превосходительство Г. Гражданскій Губернаторъ Иванъ Яковлевичъ Бухаринъ.

Его Благородіе Иванъ Борисовичъ Борисовъ.

Вольскій Купецъ Иванъ Ивановичъ Распоргуевъ.

Управитель Севоложской Конторы Михайло Щегловъ.

Въ Балашевъ: Его Благородіе Василій Памфиловичъ Колобовъ.

— *Бирскъ:* Его Благородіе Матвѣй Пепровичъ Панковъ.

— *Брацлавъ:* Полевый Генераль - Провіантмейстеръ Демидовъ.

Въ Бузульскъ:

Его Благ. Григорій Ильичъ Нагаевъ.

Московскій 2й гильдіи Купецъ Ефимъ Михайловичъ Медовиковъ.

Въ Бузурусланъ: Его Благ. Василій Андреевичъ Ребелинскій.

— *Бузулукъ:* Его Высокобл. Иванъ Гавриловичъ Тихановскій.

— *Бѣлгородъ:* Шшабсъ - Капитанъ Доргобужиновъ.

— *Верхоуральскъ:* Его Благ. Николай Васильевичъ Спирогмашовскій.

— *Вильнъ:* Его Превосходительство Г. Почтъ-Директоръ Андрей Ивановичъ Бухарскій.

— *Витебскъ:* Надворный Совѣтникъ Холодовичъ.

— *Вольскъ:* Его Благ. Семень Петровичъ Уфимцовъ.

— *Вязьмъ:* Капитанъ Жиркѣвичъ.

Въ Вяткѣ:

Г. Вице Губернаторъ Александръ Яковлевичъ Жмакинъ.

Губернскій Прокуроръ Василій Ивановичъ
Копыловъ.

Въ Галичѣ: Регистраторъ Кафтыревъ.

— *Горбатовѣ:* Надв. Совѣтникъ Замяшнинъ.

Въ Дмитріевѣ, то на Свалѣ:

Полковій Командиръ Аспраханскаго Кирасирскаго полка Баронъ фонъ деръ Оспень-Сакенъ.

Того же полка Ротмистръ Каховскій.

Въ Ельцѣ: Подпоручикъ Перваго.

— *Задонскѣ:* Его Высокобл. Алексій Федоровичъ Викулинъ.

— *Змбевсколѣ рудникѣ, на Кольвановоскресенскихъ заводахъ,* Бергъ-Гешворенъ Александръ Андреевичъ Дейхманъ.

— *Казани:* Газетная Экспедиція.

— *Камышинѣ:* Его Вл. Иванъ Козмичъ Коваленковъ.

— *Керенскѣ:* Коллежскій Ассесоръ А. Беклемищевъ.

Въ Козельскѣ:

Г. Полковникъ Опрощенко.

Его Благ. Алексій Гавриловичъ Королевъ.

Въ Крапивнѣ: Его Благородіе Николай Михайловичъ Исленьевъ.

Въ Кронштадтѣ:

Коншора надъ портомъ.

Тип. Совѣшникъ Подосеновъ.

Въ Курскѣ:

Газетная Экспедиція.

Коллежскій Ассессоръ Поповъ.

Въ Луганскоиъ Заводѣ: 8 класса: О. И. Шуманъ.

— *Мацііовѣ:* (чрезъ Вильно и Брестъ) Полковникъ де Жерве.

Въ Мензелинскѣ: Его Высокобл. Алексѣй Михайловичъ Кореневъ.

— *Можайскѣ:* Маіоръ А. Ф. Башашевъ.

Въ Мосальскѣ:

Его Превосходительство М. А. Хлюспинъ,
Купецъ М. Алшуховъ.

Въ Москвѣ:

Его Сіятельство Г. Генераль опъ Инфан-
теріи Графъ Сергѣй Михайловичъ Ка-
менскій.

Его Превосходительство К. Я. Булгаковъ.
Совѣшъ Коммерческаго Училища.

Англинскій Клубъ.

Коллежскій Совѣшникъ Васильевъ.

П. А. Кругловъ.

Купецъ В. Варгинъ.

Въ Невелѣ: Артиллеріи Капшанъ Князь
Кропошкинъ.

Въ Нижнемѣ Новгородѣ :

Статскій Совѣтникъ Пепръ Ивановичь
Воронцовъ.

Тип. Сов. А. Лазаревъ.

Въ Новомиргородѣ: Поручикъ С. М. Богаевскій.

Въ Новосилѣ: Маіоръ М. Козаковъ,

Въ Оренбургѣ:

Инженеръ - Капитанъ Григорій Федоровичь
Генсъ.

Его Бл. Козьма Яковлевичь Кучевскій.

Въ Павловскѣ: Капитанъ Вадовъ.

Въ Павловскомѣ заводѣ (черезъ Пермь) Казначей Евсюковъ.

Въ Пензѣ:

Его Высокобл. В. Н. Есиповъ.

Тип. Сов. Я. И. Колоколовъ.

Въ Перми:

Надзирашель пишейнаго сбора Андрей Федоровичь Мейеръ.

Князей Голицыныхъ Повѣренный Ежовъ.

Барона Строгонова Повѣренный Рыжковъ.

Въ Петровскѣ: Его Бл. Степанъ Яковлевичь Жмакинъ.

Въ Рославлѣ: Уѣздное Училище.

Въ Ростовѣ: Купецкій сынъ Д. С. Костылевъ.

Въ Старой Русѣ: Капитанъ П. И. Бороздинъ.

Въ Самарѣ: Его Благородіе Иванъ Алексѣевичь Вшоровъ.

Въ Саратовѣ:

Ихъ Благородія:

Петръ Николаевичъ Илимовъ.

Михайло Григорьевичъ Ключниковъ.

Дмитрій Даниловичъ Михайловъ.

Николай Пешровичъ Степановъ.

Францъ Ивановичъ Штейнъ.

Саратовскій Купецъ Залешновъ.

—— Мѣщанинъ Егоръ Скорняковъ.

Въ Саранскѣ: Его Высокоб. Михайло Михайловичъ Росляковъ.

Въ Сердобскѣ: Его Благ. Михайло Барсуковъ.

Въ Серпуховѣ: Капитанъ Н. Мосоловъ.

Въ Сибирскѣ:

Ихъ Высокоблагородія:

Иванъ Семеновичъ Аржевининъ.

Александръ Алексѣевичъ Спольшинъ.

Въ Смоленскѣ: Его Благ. А. А. Ивановскій.

Въ Солинской пристани: Полковникъ Н. Бѣлавинъ.

Въ Спаскѣ: Корнешъ Н. Лунинъ.

Въ Стерлитамакѣ: Его Благ. Осипъ Францовичъ Каменскій.

Въ Стрѣльнѣ: Г. Спашскій Совѣтникъ Энгельманъ.

Въ Сулахѣ: Надв. Сов. С. С. Спременовъ.

Въ Твери: Его Свѣшлось Князь Павелъ Пешровичъ Лопухинъ.

Въ Тифлисѣ:

Полковникъ Князь Горчаковъ,

— — — — Ермоловъ.

Подполковникъ Чубаровъ.

Тип. Сов. Майвалдовъ.

Въ Томскѣ:

Вице-Губернапоръ Николай Пепровичъ Фор-
ловъ.

Коллежскій Секретарь Иванъ Коноваловъ.

Въ Торжкѣ: Ф. Хлоповъ.

Въ Тюменѣ: Каншора питейныхъ сборовъ.

Въ Уфѣ: А. А. Кругловъ.

Въ Старой Унжѣ: Тип. Сов. И. И. Волша-
пись.

Въ Харьковѣ: Правленіе ИМПЕРАТОРСКАГО
Харьковского Университета.

Въ Хвалынскѣ: Его Высокобл. Григорій Ни-
кифоровичъ Воецкій.

Въ Челябинскѣ: Его Бл. Василій Васильевичъ
Жуковский.

Въ Череповцѣ: Начальникъ Никольскихъ ви-
нокуренныхъ заводовъ Николай...Гальскій.

Въ Черниговѣ: Газетная Экспедиція 3 эк.

Въ Шуѣ: Купецъ Н. Рушовъ.

Въ Ярославлѣ:

Совѣтъ Ярославскаго Демидовскаго выс-
шихъ наукъ Училища.

Князь . . . . Урусовъ.

(Продолженіе впереди.)

Первая часть новаго перевода *Жилблаза*, о которомъ объявлено въ VII N^o сего журнала уже печатается и выйдетъ въ непредолжительномъ времени. Подписка принимается у Переводчика, *Аполлона Александровита Никольскаго*, живущаго Лишешной части 4 квартала въ переулкѣ за церковью Спаса Преображенія, въ собственномъ домѣ подъ N° 400 и у Издашеля *Благонаибреннаго*. Цѣна за всѣ 8 частей съ поршрешомъ Автора и съ гравированными картинками при каждой части, здѣсь въ С. П. бургѣ 25, а съ пересылкою въ другіе города 30 р. За сію же самую цѣну можно получать у того и у другаго *Пантеонъ Руской Поэзіи или собраніе лучшихъ Рускихъ стихотвореній*, изд. покойнымъ *П. А. Никольскимъ* въ шести частяхъ или въ двѣнадцати книжкахъ.

